

Юрий
САЛИН

ИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

*По стране
оленных
людей*

Юрий Сергеевич Салин — геолог почти с полувековым стажем работы в самых глухих местах земного шара. Член Союза писателей, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры национальной экономики Тихоокеанского государственного университета. Автор более двухсот публикаций. Среди них восемнадцать книг.

Путешествия

и приключения

Юрий САЛИН

ИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

По стране оленных людей

Хабаровск

Издательский дом «Приамурские ведомости»

2006

УДК 882+908(470+571.56+571.65)
ББК 84(2Рос=Рус)6+26.89(255.1)
С16

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы
«Культура России»

Серия «Путешествия и приключения» основана в 2006 году

Ответственный редактор **В.Ф. Ковтун**

Фотографии Ю.С. Салин

Художник Ю.И. Дунский

Разработка оформления серии

А.Н. Посохов, заслуженный работник культуры России

Салин Ю.С.

С16 Иная цивилизация : По стране оленных людей. — Хабаровск : Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. — 240 с., 16 с. ил. — (Путешествия и приключения).

ISBN 5-8003-0036-4

Не в Тибете, не в Мексике надо искать затерянные миры вечного равновесия, а у нас, на Дальнем Востоке. Где чисты помыслы народные, там не существует угрозы экологической катастрофы.

Для широкого круга читателей.

УДК 882+908(470+571.56+571.65)

ББК 84(2Рос=Рус)6+26.89(255.1)

© Салин Ю.С., текст, фотографии, 2006

© Дунский Ю.И., оформление, 2006

© Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006

ISBN 5-8003-0036-4

*Светлой памяти Андрея Вершкова
посвящается*

В поисках потерянного рая

Много непривычного увидел я в Германии. Но самое сильное впечатление оставила берлинская вода, показавшаяся мне оружием массового поражения. Один стакан пахучей жидкости из-под крана был способен, похоже, отправить на тот свет половину города.

И другую воду запомнил я на всю жизнь. Чтобы растворить пенициллин, ветеринары оленеводческих совхозов в Корякском автономном округе не пользуются ампулами «Аквадистиллята». Для внутримышечных инъекций они наполняют шприц из любого ручья.

Конечно, север Камчатки несравним с центром Европы по плотности населения. Но не перегружает ли европеец свою за-

душенную среду обитания избыточным, так сказать, удельным весом цивилизации, в пересчете на производящую и потребляющую человеческую душу?

Моих коллег из советской делегации восхищало великолепие немецких магазинов. Ах, двадцать сортов колбас! Ах, тряпки, ах, бытовая электроника! Поражался и я. Двадцать сортов колбас! Зачем?! Разве человеку это нужно? И не слишком ли дорого обходится изобилие? Неужели вы не видите, что они всю свою природу перевели на колбасу? Покажите мне здесь хоть что-нибудь естественное! Во всей Германии, наверно, нет ни одного дерева, которое выросло само. Даже трехсотлетние темнохвойные массивы — не леса, а скорее огороды. Еловая монокультура... О лугах и говорить не приходится — ни одной непредусмотренной травинки. Интенсивная технология, дозированная подкормка... Чем не гидропоника? Продукт производится с заданными свойствами (нитраты по норме, микроэлементы в ассортименте). Производитель потребляет его в рекомендованных пропорциях и снабжает собственный организм всем необходимым на строго научной основе... Чем не бройлер?

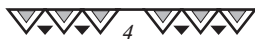
Но, видно, где-то что-то недовложили или, наоборот, переложили, и венец (технологического) творения получился не совсем как надо и потому дал маху. Недоучел какую-то малость... И если подвластная ему земля еще в состоянии нести колбасные перегрузки, то вода и воздух уже вышли из повиновения.

Реки в Европе больно видеть. Хляби небесные разверзаются кислотными дождями, против которых оказалась, увы, неустойчивой еловая монокультура. Да если бы только она...

На набережной Эльбы в Дрездене — огромный плакат: «Когда будет выловлена последняя рыба, когда будет срублено последнее дерево, когда будет отравлена последняя река, тогда вы поймете, что деньги не едят!»

Я думаю, эту простую, в общем-то, истину, станет легче понять, познакомившись с народом, сумевшим противостоять дурману потребительства.

В 1896 году поручик А.В. Олсуфьев, командированный

Приамурским генерал-губернатором С. М. Духовским в Анадырскую округу, пришел к выводу, что «9/10 ввоза в эту бедную страну составляют продукты, в которых раньше инородец не ощущал надобности». И тем не менее «замечательное в северном племени физическое развитие, сила воли, природное знание и старательность в деле оленеводства» не ускользнули от внимания исследователя в мундире, позволили остаться оптимистом: «Племя, населяющее округу — чукчи, — представляет много задатков для успешной борьбы с неблагоприятным влиянием знакомства с культурным миром».

Адъютант его превосходительства оказался лучшим предсказателем, чем все академики, вместе взятые. Чукчи, коряки и эвены смогли сохранить и себя, и свою среду обитания с минимальными потерями.

Конечно, это лишь остатки когда-то всеобщего экологического благополучия. Да только ли экологического? Жил ведь человек в согласии и с ближним, и со своей совестью... Или счастье ждет нас только впереди?

Остров мечты, Атлантиду, создал своим воображением древнегреческий философ Платон. Там было все совершенным, все было так, как должно быть в идеальном обществе, идеальном государстве. Но не может счастье быть вечным. Давным-давно поглотили Атлантиду пучины морские. Однако не хочет душа человеческая смириться с этим, ищет по всей планете обломки счастливого материка. Мелькают время от времени сообщения о находках дворцов на дне Средиземного моря, крепостных стен в океанских глубинах за Геркулесовыми столбами. И остается надежда, что вдруг мы благодаря упорству исследователей узнаем, как жили люди, более совершенные, чем мы с вами, как были устроены государства, которым удавалось решить проблемы, неразрешимые для нас, и к чему стоит стремиться и что отвергать, чтобы добиться ощущения счастья, столь необходимого в наши трудные времена.

Мечтают и ищут не только ученые. У всех народов любых стран и континентов живы воспоминания о золотом веке, когда к природе относились не как к собственности, а как к родственной душе,

когда человек человеку был не волк, а Бог, когда силы небесные не карали заблудших, а помогали мятущейся душе обрести истину и любовь. Убедительны предания о «потерянном рае» в Италии и Греции, на Ниле и Евфрате, в низовьях Хуанхэ и в истоках Брахмапутры, в горах Тибета и Мексики. И там, где чисты помыслы народные, не существует угрозы экологической катастрофы.

Идеалы народные были восприняты мировыми религиями, равенству и братству, любви и взаимопомощи посвящены заповеди Иисуса, Мухаммеда, Будды, Конфуция, Лао-цзы.

Впоследствии эти заповеди оказались за пределами официальных канонов. Между Богом и человеком встал священнослужитель. Он решал, что должен знать верующий человек, а что ему знать не следует. Но не забыл народ об идеалах. Вернуться к первоизданной простоте и гармонии евангельских общин пытались французские вальденсы, немецкие анабаптисты, моравские братья, английские диггеры, русские духоборы; те же духовные и социальные предустановления хотели восстановить многие даосы и буддисты...

А может, сохранились еще на Земле реликты далекого прошлого, где не подверглась разрушению и уничтожению исконная народная культура, может, нравы золотого века остались не только в заповедях и воспоминаниях? И если это так, то искать остатки затонувшего континента нужно в уголках планеты, где индустриальная цивилизация не успела еще переработать до неузнаваемости изначальные основы жизни человека. Там, где чиста и девственна природа, чистой должна быть и душа.

В поисках своей Атлантиды отправился Николай Рерих в хребты Гималаев. Я же оказался на краю величайшего континента, в горах еще более загадочных, но не столь известных, как обитель вечных снегов...

Солнце всходит на Востоке

...Безостановочно странствуя по безлюдным просторам Корякского нагорья, 7 июля 1989 года табун достиг берегов Пылговаям. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени Николай Васильевич Олелей повелел совершить жертвоприношение. Пылга — река суровая, с ее духами лучше иметь добрые отношения. Жена бригадира, чумработница Ольга Константиновна, представительница древнего эвенского рода Уягынко, поведала о страшных последствиях, которые ожидают людей, не уважающих обычаи предков.

Много лет назад у истоков Пылговаям надумал человек выкопать рога мамонта, торчащие прямо изо льда озера Потат-Гытхын. Рассердился мамонт, заворочался под землей, затряслись окрестные горы, треснул и накренился весенний лед, и табун как стоял посреди озера, так и ушел под воду. Погибли вместе с оленями и двое дневных дежурных.

Широка, глубока, обжигающе холодна в начале июля бурная Пылга. Опасна переправа. На богатые пастбища в укромных долинах правобережного хребта Касигмаем надо перебраться со всем скарбом,

с женщинами и детьми, с тремя тысячами оленей. А несколько сотен беспомощных каюю с маленькими рожками и огромными глазами? Они ведь еще совсем несмышлениши! Выбрасывая далеко вперед точеные копытца, оленята носились по тундре, дрыгая от возбуждения игрушечными хвостиками, хватали мягкими губами пучки ягеля и отщипывали зеленые верхушки тальника или карликовой березки. Они то и дело укладывались отдыхать, но вдруг, подхватившись, бросались к маминому вымени.

Это про каюю сказано, что ласковый теленок двух мам сосет. Едва почувствовав, что струйка теплого молока иссякает, ненасытные детки прекращали бесполезное занятие, высматривали поблизости подходящую тетушку и, подгибая коленки, пристраивались рядом с двоюродным братиком, да еще и отпихивали его, если тот оказывался послабее. Тогда важенька перешагивала или перепрыгивала через обоих и уводила сыночка подальше от нахальных пасынков.

Жертвоприношение, по-корякски «ыналватынво», буквально означает «обжигание». Когда наступил торжественный момент, Олелей подошел к Ольге Константиновне, взял из ее рук щепотку заячьего пуха, перемешанного с бисером в оленьем жире, и безмолвно бросил в костер, расположенный на берегу у самой стремнины, и в реку. То же самое сделали и другие взрослые. В табуне выбрали молодого здорового быка. В воздух взлетел чаут, и петля захлестнулась на развесистых рогах.

В обряде заклания используется от века боевое копьё. Колет обычно старший, хранитель традиций, властитель дум и поступков, лучший знаток стад и пастбищ, неггибаемый и мужественный воин. Но на этот раз бригадир назначил на главную роль новичка Виктора Кайнына. Большой, сильный, жгуче красивый, Виктор вполне соответствовал и своему римскому имени — Победитель, и своей чукотской фамилии — Медведь. Глубокий смысл вкладывал в этот жест прирожденный педагог Олелей. Кайнын — человек пришлый, сын чукчанки и русского геолога, пасший до того лишь коров в чужом Таловском совхозе. Он должен оценить возвышение и как награду за прилежание, и как побуждение к будущим успехам.

...Уготованный в жертву бык с арканом на рогах безропотно стоял посреди уютной полянки неподалеку от костра. Сняв шапку, Виктор медленно шагает вокруг рогача по ходу солнца. За ним следуют другие участники церемонии, но им по ритуалу не обязательно обнажать голову. И вот, затаив дыхание, люди ждут, куда упадет олень после того, как лезвие пронзит его сердце. Если рухнет прямо на живот или упадет назад, жди беды: умрут близкие родственники, поредеет от копытки табун. Хорошо, когда, наклонив голову, жертва утыкается рогами в землю и валится набок, открытой раной кверху. Вздых облегчения вырвался у всех, чуть только олень качнулся вперед. По его телу еще пробежала последняя дрожь, а женщины уже принялись разбрызгивать пригоршнями кровь во все стороны света, в жертву всем ветрам.

Старший ветврач Корфского совхоза, дипломированный специалист Аркадий Нинани отправился сооружать тыннйпеннен. Вырубив суковатые палки в зарослях тальника и не срезая с них зеленых веток, он воткнул заостренные комли в ягель и, перекрестив толстые отростки друг с другом, установил на опушке треногу. А пастухи, приготовив пышную постель из прутьев тальника, перенесли на нее оленя.

Ольга Константиновна начала разделку с того, что отделила голову. При этом нижняя челюсть с языком осталась на туше. Наташа, помощница старшей чумработницы, бережно извлекла левый глаз и, вскрыв череп топором, достала немножко мозга с левой стороны. Опрокинув голову рогами вниз, в углубление черепа положили слева по кусочку всего, что можно есть сырым: аккуратно вырезанные кубики печени и почки, чуть-чуть жира, уже успевшего завязаться около хвоста, обрезки жил и связок с левой ноги и заготовленные Наташей глаз и мозг. Сверху все прикрыли селезенкой. Затем голова перешла к бригадиру.

Водрузив ее на тыннйпеннен, он высказал свои пожелания. С достоинством, не унижаясь до мелочных уточнений, Олелей произнес в пространство: «Пусть все будет хорошо и у людей, и у оленей». Так же без просительных оттенков, но и не в тоне требования — как к равному — обращались к духу и остальные.

В честь Пылговаям устроили праздник. Мужчины, раздевшись до

пояса, соревновались в борьбе. Как объяснили мне пастухи, для достижения победы годятся любые приемы. Можно, перечисляли они, хлопать в ладоши перед глазами противника, допустимы захваты за ноги и за одежду, не запрещены даже удары открытой ладонью по шее. Станным вышло на поверку понимание вседозволенности жителями тундры. Никакими приемами национальной борьбы нельзя убить человека, сломать ему руку или ногу, нанести другие телесные повреждения. Если творцы каратэ, кунфу, ушу, скорее всего, считали своим долгом избавление родных земель от перенаселенности, то похожая идея никак не могла прийти в голову их далеким северным родичам.

Сын бригадира Гаррик повалил на мох Петю Юттына и после него — Володю Ахальхута. Фаворитом турнира считался, однако, Аркадий. Дзюдоист и культурист, он не забывал ни на один день про эспандер, после самого трудного дежурства ворочал для физического развития камни и ломал упругие, как чукотские луки, стволы ольхового и кедрового стланика. Ему бросил вызов младший брат Виталий, никакими европейскими видами спорта никогда не занимавшийся. Но... Минута — и борец-разрядник оказался на земле. Поднявшись, он принялся путано объясняться, что выступал с травмой, но никто так и не понял толком, — то ли он застудил бицепс во время вчерашнего утреннего купания в ледяной воде, то ли потянул трицепс, поднимая валун на сегодняшней разминке. Впрочем, все оправдания выглядели излишними, потому что и Виктор Кайнын, вышедший на победителя, настоящий медведь против быстрого оленя, вскоре испытал ту же участь. Первое место занял Нинани Виталий Павлович, двадцати шести лет, пастух, эвен, образование законченное среднее, рост сто семьдесят три сантиметра, вес семьдесят килограммов.

Ужин получился торжественным и праздничным. Украшением стола было, конечно, мясо, о котором бригада мечтала долгие недели. Питались на всем пути к Пылге рисом, рожками, консервами, скудным подножным кормом. Пастухи после смены подолгу сидели на берегу с удочками. Однако голец соблазнялся блесной лишь изредка, хариус шел на муху тоже не слишком охотно. Успешной считалась

рыбалка, если острой эльгы удавалось забagrить гонца нерки, рунный ход которой ожидался еще нескоро. Не каждый день доводилось и заправлять суповые концентраты из бумажных пакетиков «корякс-кой картошкой» — мучнистыми корневищами нежно-розовой нубы.

Странно бывает находить на заброшенных кочевых стойбищах пу-стые жестянки «камбала в томате» или «каша гречневая со свининой». Забивать оленя бригадир не разрешал. До конца маршрута было еще ох как неблизко, и никто не мог предсказать, какие потери ожидают впереди. Берегли каждого олешку. Без крайней нужды кочевник ни-когда не согласится пустить в расход ни голенастого олененка, ни гра-циозную важенку, ни могучего быка. Вот когда нападет на табун бес-пошадная копытка, олени начнут хромать, спотыкаться и падать на ровном месте, когда много животных, несмотря на все старания пасту-хов и ветеринаров, окажутся обреченными на медленное умирание, — тогда у бригады впервые окажется вдоволь мяса. Но пока Олелей ежедневно передавал по ради-и: «Поголовье в полной сохранности». А следующего здорового оленя люди съедят лишь на берегу бухты Сомнения, когда придет срок принести жертву духу моря.

В казан заложили самые лакомые куски — грудинку, вырезку, сер-дце; от языка, перед тем как бросить его в бульон, заботливо отдели-ли кончик. Иначе нельзя — станешь болтливым. Под таганом из кри-вых стволов стланика с длинными рогатюльками уже весело плясал огонь. «Разве не лучше обрезать эти раздвоенные отростки палок по-короче?» — спросил я как-то Олелей. «Не лучше, — улыбнулся бри-гадир. — Когда каюю посмотрят, пусть им захочется, чтобы и у них рожки росли длинные».

И вот так всегда. Любой поступок, жест оленного человека на-полнен смыслом, загадочным для постороннего. За каждым его дей-ствием всегда что-то стоит. Но что? Издевательство над чужаком, шут-ка, практический навык, суеверие, вера, мировоззрение, наконец?

Как в капле воды отражается вселенная, так и случайная бытовая деталь способна рассказать о многом.

Постоянно встречая свежие и старые кострища на склонах гор и в долинах, я вскоре перенял корякское устройство тагана. Что делают,

остановившись на чаевку, геологи, рыбаки, туристы? Они вырубают две стойки с разветвлениями наверху, вгоняют их в землю и сверху кладут горизонтальную поперечину. Но найти прямую стойку в кустарниках Корякского нагорья — проблема, углубить ее в землю (камень на камне, вечная мерзлота на глубине в ладонь) — совсем не возможное дело, да и пользоваться этой шаткой конструкцией неудобно. То ли дело — несколько ударов тяжелого ножа, легонько втыкаешь и перекрещиваешь две рогатульки, на их пересечение кладешь палку подлиннее, воткнутую тонким концом в землю, — и вешай на свободно торчащий конец любой котел. Чтобы чайник не съезжал, — палка косая, да еще и кривая, — делаешь на ней небольшой надрез.

Но почему на корякских кострищах постоянно наблюдаешь то два надреза совсем рядом один от другого, то целых три? Даже если здесь кипятили воду в трех чайниках сразу, то ведь не плоские же они были, как доски! А иногда встречаешь и одну зарубку.

Разгадка оказалась простой. Для того, кому понадобится разыскать ушедших в неизвестность путников, они оставляют письмо: сколько нас было, посчитайте по зарубкам. А отбыли мы в направлении, которое показывает палка, если посмотреть от вершинки к основанию. И пусть даже подгорела нога и рухнул наземь весь таган, наступил на него медведь или придавил навалившийся снег, — летопись тундры сохраняется на многие годы, пока древесина не истлеет от времени. В бескрайних просторах все предусмотрено, чтобы облегчить встречу человека с человеком, друга с другом. Смотри: здесь о тебе думали, тебя ждут, тебе будут рады!

А еще поражала меня корякская неразборчивость в еде. Срезает пастух мягкие весенние рога и, едва осмолив над огнем нежный пушок на кожистой оболочке, с аппетитом поглощает отросток за отростком. Дикий народ, дети гор? Как сказать...

В последние годы выяснилось: не только марал, пятнистый олень и изюбр дают панты, содержащие драгоценный стимулирующий препарат. Из молодых рогов северного оленя можно получать не менее эффективное лекарство — рантарин. Оно показано для лечения импотенции, для омоложения, восстанавливает иммунитет, используя

ется против рака, имеет мощное общеукрепляющее действие.

Не слишком вдохновляет зрелище — абориген взахлеб пьет теплую оленью кровь. Но, пожалуйста, — за литр гемоплазмы заморские фирмы готовы платить оленесовхозам по триста долларов. Сразу вспоминается гамма-глобулин, мобилизующий защитные силы организма. И не в этих ли народных средствах секрет поразительной выносливости пастухов, их сверхъестественной сопротивляемости любым невзгодам?

Золотой корень родиолы розовой, открытый европейскими медиками не так уж и давно, был известен на протяжении веков каждой корякской хранильнице очага. И совсем не требовалось обращаться к расшифровке древних тибетских манускриптов, чтобы узнать об его целебных свойствах, достаточно было спросить у первой попавшейся чумработницы.

Такие примеры можно продолжать и продолжать, и я не удивлюсь, если вдруг найдется рациональное объяснение и тому, что съедать надо сырым именно левый глаз оленя и что кончик языка есть нельзя. Но ясно и без этого: как индийскую йогу не сведешь к дыхательной гимнастике или к эффектным цирковым трюкам, так и все элементы жизненного уклада народов Севера предстоит понять во взаимосвязи, как систему, как культуру — материальную, физическую, духовную.

Но именно культура эта находится сейчас в смертельной опасности. Непризнаваемая, третируемая или покровительственно опекаемая (экзотический пережиток, забава для туристов!), она до сих пор так и не нашла уважительного к себе отношения.

Запад есть Запад, и Восток есть Восток, говорил Р. Киплинг, и вместе им не сойтись. Суровый Север дает не меньше подтверждений этому грустному афоризму, чем благодатный Юг.

История народов Севера — сплошная череда злодеяний западной цивилизации. Достигнув края Земли, служилые люди Белого царя принялись приводить «немирных инородцев» под тяжелую государственную руку. До окончательного упадка местное население довели алкоголь, сифилис, оспа, корь, даже грипп, перед которым «самые храбрые и независимые дикари всей Сибири», как называл коряков и чук-

чей Дж. Кеннан, оказались совершенно беззащитными. Аборигены вымирали. Но царские наместники, не оказывая никакой помощи погибающим жителям Северо-Востока, хоть в душу к ним не лезли. Христианизацией Чукотки и Камчатки правительство и синод занимались без особого рвения и не добились практически никаких результатов.

Национальная политика советской власти была прямо противоположной. Люди были спасены. Но под флагом культурной революции началось решительное наступление на пережитки, предрассудки, суеверия и невежество. И у оленеводов отбили вкус к оленеводству. Следствием стала все увеличивающаяся нехватка кадров в тундре.

И на том берегу дело обстоит не лучше. Истребив китов и моржей, дядя Сэм обнаружил, что туземцы Аляски принялись дружно помирать с голоду. Требовалось срочно проявить заботу о них, что и было сделано в лучших традициях филантропии. Охотников на морского зверя переквалифицировали в животноводов. В 1891 году сердобольные граждане Америки собрали по подписке две тысячи сто сорок пять долларов и закупили на Чукотке шестнадцать голов не очень крупного, но очень рогатого скота. К благотворительности подключился конгресс США. В 1899 году бывшие китобои кочевали по Аляске вослед двум тысячам восьмистам тридцати семи оленям, из которых сто сорок четыре были доставлены аж из Лапландии. К середине тридцатых годов здешние табуны выросли почти до миллиона голов, и восемьдесят пять процентов эскимосов стали кормиться доходами от оленеводства. Угроза их существованию была снята с повестки дня. Затем... все рухнуло, и сейчас на Аляске осталось всего двадцать пять тысяч оленей.

Изменить одним актом благотворительности жизненный уклад целого народа не удалось.

И все же в Америке ассимиляция и уничтожение местных культур происходят гораздо быстрее, чем в Сибири и на Дальнем Востоке.

Анализируя причины плачевных итогов приобщения аборигенов Севера к благам цивилизации, выдающийся исследователь Колымы и Чукотки В.Г. Богораз писал в начале XX века: «Хуже всего было то, что туземцы теряли свою жизненную силу и волю в борьбе с суровой

северной природой... Охота на диких оленей и линялую птицу у юкагиров в значительной степени выходит из практики, потому что требует слишком большого напряжения сил».

Судите сами: даже упомянутый несколькими страницами выше Гаррик, сын пастуха, внук и правнук пастуха, на мой вопрос, как он относится к своей профессии, только рукой махнул — каторжная работа. Происходят необратимые сдвиги в психологии: если того же потребительского благополучия можно добиться меньшими усилиями, то стоит ли надрываться? Жизненный тонус понижается, спортивная форма пропадает, и человек оказывается уже не в состоянии преодолевать препятствия, ранее для него привычные. Когда возникает потребность лежать на диване перед телевизором, потребность чувствовать себя сильнее стихии исчезает.

Несовместимо само мировосприятие цивилизаторов и цивилизуемых. Если философия Запада ставила целью удовлетворение потребностей человека за счет природы, приспособление природы к человеку, то на Востоке цели были противоположными — воспитание потребностей, приспособление человека к природе. Сейчас очевидно, что генеральная линия западной цивилизации завела человечество в тупик. От природы потребовали слишком многого. Сырьевой кризис, экологический кризис — не случайные эпизоды в истории мира.

Все, даже американцы, стремятся повышать свой жизненный уровень. А средний американец съедает впятеро больше среднего китайца, потребляет энергии вдесятеро больше среднего африканца. Выдержит ли природа обеспечение всего народонаселения на таком уровне? Нет, не хватит ресурсов. Может, абстрактно говоря, все нужное в недрах есть, но добыча станет уже нерентабельной. Извлекая все меньше, мы должны будем вкладывать назад в землю все больше энергии, материала (буровые трубы, шахтное оборудование и т.д.). Так где же выход?

Выход в том, чтобы пересмотреть отношение к жизни, к природе, к самим себе. Поучиться у иной цивилизации, пока она еще не исчезла с лица земли. Прежде всего понять феномен ее поразительной устойчивости в нашем стремительно меняющемся мире.

Невероятно, но факт: обряд жертвоприношения до сих пор совершается в точности так же, как и сто лет тому назад. Установив идентичность нынешнего ритуала и того, что был описан этнографами прошлого века, я поначалу испытал разочарование: значит, в моем общении нет ничего нового? Да чего там, так оно и есть...

Впечатление было такое, будто четвертая бригада Корфского оленесовхоза разыгрывала действо по сценарию этнографа В.Г. Богораза. А может, это не только впечатление? Играют же русские народные оркестры, ничтоже сумняшеся, на балалайках и домрах, сконструированных и изготовленных знаменитым скрипичным мастером Налимовым и его последователями! Да и на Камчатке имеют хождение методические указания клубным работникам по постановке на сельской сцене всевозможных игр и церемоний с национальным орнаментом.

Исключено. Главный режиссер спектакля на реке Пылговаям Н.В. Олелей не читал ни В.Г. Богораза, ни тем более методических указаний для массовиков-затейников. Он вообще неграмотный. И со всей западной культурой знаком настолько понаслышке, что когда братья Нинани научили его материться, не пояснив неприличный смысл сильных русских выражений, он простодушно пользовался подзаборным лексиконом даже в выступлениях с высокой совхозной трибуны. Мировоззрение Олелея досталось ему как наследство по прямой линии, ведущей из непроницаемой тьмы времен.

Низшей ступенью варварства называл Ф. Энгельс культуру ирокезов, обожествляющих природу и ее стихии. «Дикарь не проводит резкой разницы между собой и вещами внешнего мира, которые он считает совершенно подобными себе», — пишет Э. Ланг.

Что ж, не проводит дикарь границы: вот это я, а это — внешнее, чужое, враждебное, против чего надо бороться. Да, чувствует он себя неотъемлемым элементом природы, участвующим в беспрестанном ее движении на равных с оленем и медведем, реками и горами, ветрами и светилами. И коль он сам имеет душу, то и всех подобных себе одушевляет. Медведь — шаман, седые скалы — деды, выюга поднимается от того, что хозяйка ветров выколачивает шкуры своей яранги, хозяина места надо уважать, если хочешь, чтобы он тоже считался

с твоими интересами. Вот только кто же дикарь? Тот, кто обращается к Пылговаям с искренним почтением, или тот, кто превратил Рейн и Аму-Дарью в сточные канавы?

Не бери от природы лишнего. Выбрасывать остатки пищи — грех. Если мясо с оленьей ноги не обглодано до кости — нападет на табун хромая болезнь. Не делай зла окружающим. Но это не значит, что надо позволять кайныну врываться в стадо. Разве это правильно — брать чужое? Закон тундры суров, и для его исполнения пастуху вручено оружие.

Накоротке оленный человек с вечностью. Когда кочевник покидает стойбище, он обязательно оставит хороший запас дров — он знает, что вернется сюда на следующий год. Нельзя стрелять куропатку весной — иначе что останется правнукам? Если ночной дежурный не найдет поблизости воды, не зальет костер и огонь уничтожит пастбище, то где будет пастись олень будущим летом, через десять лет, через двадцать лет?

Бескрайние равнины, синее небо, заоблачные вершины... Легкий ветерок, из-за хребта наползает туман... Ничто на свете не кончается. Разве солнце вечером потонет в озере без возврата? И вслед за благодатной осенью приходит суровая зима тоже не навсегда. И может ли в этом вечном круговороте человек остаться единственным исключением? Нет, конечно. Возносясь в верхний мир с дымом погребального костра, он покидает родных и друзей только на время и неизбежно возвращается к людям.

Рано ушел из жизни отец Аркадия Нинани. А каких сыновей он вырастил! Прекрасным учителем русского языка и литературы был Павел Иванович, выдающийся пастух Нинани кочевал вместе с Олелеем.

Разве такие люди исчезают без следа?

Еще до рождения сына Аркадий решил назвать его Павлом. И очень хотел он, чтобы совет самых древних старух нагадал, как делалось всегда, ребенку национальное имя Нинани. Не бывало от века фамилий у оленных людей, и когда стали выдавать им паспорта, то записали каждому имя как фамилию. Тогда и появился первый раз в этом мире Павел Нинани, сын Ивана Коммо, внук Семенди, не до-

жившего до изобретения паспортов и получения русского имени.

Внимательным к новорожденному будет Аркадий, обращаться к ребенку будет почтительно, как положено обращаться к родителям. Задохнется от счастья мама Аркадия Людмила Константиновна: «Павел! Мне было плохо без тебя. Почему ты не возвращался так долго?» Сбегутся лучиками морщинки к глазам восьмидесятилетнего Ивана Семеновича: «Нинани, малыш, я так рад снова взять тебя на руки! Ты еще не забыл нашу старую ярангу?»

И вырастет опять Павел Нинани, пройдет много раз по прекрасным, до боли памятным горам и долинам, и непременно вернется на глубокую, обжигающе холодную в начале июля реку Пылговаям, порадуется, что оставил здесь когда-то большой запас сухого кедрача, и замрет от восторга, увидев торжествующий и величавый восход солнца над хребтом Касигмаем.

«Ни на какие блага в мире коряки не променяют тундру; ни за что не согласятся изменить уклад своей жизни, приспособленный исключительно к оленеводству», — писал В.К. Арсеньев. — «Все, что наполняет жизнь коряка — это олень. В умножении стад своих они видят цель жизни».

Олень и пастух одной веревочкой связаны, сказал бы русский. Кочевники говорят по-другому: табун — это аркан, на одном конце олень, на другом человек. Коряк знает свое стадо получше, чем русский пастух коров, лучше даже, чем цыган знает коня.

У коряка и чукчи — все от оленя. Слово «коряк» происходит от «хора» — могучего быка. Чукча, русифицированное «чаучу» — богатый оленями. От этого же корня произведено и наименование «чавчувены», так отличают себя кочевые коряки от оседлых приморских соплеменников.

Олень кормит хозяина, одевает и обувает, обеспечивает его жильем и работает на него. Не только мясо идет в котел, полупереваренный ягель из оленьего желудка спасает человека долгой зимой от авитаминоза, потому и неведома чавчувену и чукче цинга. Для одежды используются не только шкуры — нити для их сшивания тоже дает олень. Расщепленные и ссученные волокна из жил не гниют от

сырости, сохраняют эластичность и прочность в любой мороз.

Но и человек не остается в долгу. Его бережное отношение к четвероногому другу и кормильцу трогает до глубины души. Вьючного оленьего транспорта коряки и чукчи не знают, верхом не ездят. Напрашивается вывод — не научились пока что, опыта маловато. Им бы еще двести — триста лет попрактиковаться...

В общем, к тому же склоняются и многие исследователи северного быта. Бросают и другой камешек в тот же огород: и до использования оленегонной собаки они не доросли, вот и мучаются, бегая со всех ног за каждым отбившимся олешкой.

Аналогичные впечатления сложились поначалу и у меня. Народные поверья только подтверждали подозрение. Грех, говорят коряки, нагружать спину оленя, духи прогневаются и напустят на табун «хромую болезнь».

Однако при более близком знакомстве возникли первые сомнения. Оленегонных собак я увидел собственными глазами, даже медведей они гоняли, только оленей, увы, нет. Как же так? Наконец все разъяснилось. Великолепно выдрессированные лайки пасут табун зимой, по мягкому снегу, пасут осенью, в пасмурную, дождливую погоду по влажной ягельной тундре. А на каменистых склонах, в зарослях колючей карликовой березки, перепутанной, как спирали Бруно, в кедровых стланиках, на сухой, жесткой траве пастырь пуще глаза бережет покой своей паствы. Тут не то что собачьего лая — громкого разговора не услышишь. Боже упаси, чтобы олени испугались и побежали! Поранят копыта и... Как популярно объяснил Аркадий, любая царапина — открытые ворота для инфекции, особенно если организм ослаблен, душа измучена неотвязными домогательствами гнусных паразитов. Некробациллез, в просторечии копытка. Падеж неизбежен.

А если еще и перегрузить оленя в самое трудное для него время года... Я вспоминаю, как наша геологическая партия на Нижней Лене арендовала в начале сезона сто шестьдесят вьючных оленей. Не боялись греха приданные к ним восемь опытных якутов-колхозников. К осени от табуна осталось только двадцать жалких одров — рога да глаза, кожа да ребра.

«Богатые оленями» чавчувены и чукчи потому и богаты, что все невзгоды, все тяготы взваливают на себя. Оттого у них могучие плечи, крепкие ноги, что приходится им частенько работать за выючного оленя, за пастушескую собаку.

Разве способны на такую языческую заботу просвещенные европейские любители животных?

Умножение стад для коряка — отнюдь не корысть. Кочевник всегда по собственной инициативе поможет попавшему в беду. «Голодной зимой 1926—1927 годов, по далеко не полным данным Полярной переписи, чукчи раздали безвозмездно 19 039 оленьих туш», — сообщает В.Г. Богораз. А редактор первого тома его «Чукчей» Я.П. Алькор поясняет: «Как и все примитивные народы, чукчи отличаются исключительным гостеприимством». Значит, доброта не показатель высокого уровня развития, а совсем наоборот?

А дикари всегда жили по принципу: чем богаты, тем и рады. Может, они и не провозглашали подобный лозунг, они просто действовали в соответствии с ним, «... и если уж делается различие между гостями, то женщины получают лучшие подарки, чем мужчины, и чужие люди — лучшие подарки, чем родственники» (В.Г. Богораз). И никто не остается недовольным, ни один не завидует другому.

«В распределении продукции, — описывает М.И. Куликов общественные взаимоотношения чукчей до коллективизации, — было много уравниловки, широко развит принцип взаимной выручки».

Н.Н. Билибин, на рубеже двадцатых — тридцатых годов изучавший образ жизни кочевых коряков, возмущался их отсталостью: им даже товарообменные отношения неведомы! Не считать же торговой операцией, когда за два ножа стоимостью два рубля чавчужен вручает своему оседлому соотечественнику кухлянку стоимостью двадцать рублей или за семь ножей — пять оленей. Даже в советских магазинах, сдавая гору мяса и кучу шкур, коряк не стремится получить эквивалентное количество полезных ему предметов, незнакомо ему желание занять побольше, он берет взамен лишь тот минимум, что нужен ему в данный момент. Да они еще и родовой строй не создали, это же какой-то пещерный, первобытный коммунизм!

...Когда наши маршруты пересекались с путями перекочевков, пастухи всегда давали нам мяса. Случалось, они делились и хлебом, которого в тундре никогда не бывает в достатке. В поле чай пьешь с хлебом не вприкуску — вприглядку.

Однажды отряд и бригада, встретившись среди дня, расположились на общий обед. Выложили на мох в центре тесного круга у кого что было. Бесстрастно наблюдали бронзоволицые воины, как я прихлебываю чай из стеклянной банки. Не нужно большого опыта, чтобы сообразить: уронил только раз такой бокал на камни — и нет бокала. Да и ронять не обязательно, можно в рюкзаке раздавить при упаковке. А кружку я просто забыл дома, в городе; во время сборов голова бывает забита более важными проблемами.

Мы поговорили о сохранности поголовья, оводах, копытке, перевалах и переправах, лагерях и стоянках, вспомнили общих знакомых, обсудили все интересные новости, только о кружках и банках не было сказано ни слова. Но когда бригада снялась и двинулась дальше, на таборе вместе с нашими вещами мы насчитали лишнюю кружку. И это в безлюдной пустыне, где кусочек проволоки — драгоценность.

А «первобытная» система воспитания? Вот как растут и мужают дети кочевников. Если подростка готовят к роли ночного дежурного, его учат бороться со сном. Умение подолгу не спать — главное достоинство пастуха, сонливость — самая постыдная слабость. Чтобы до утра не сомкнуть глаз, мальчик не должен садиться. Отдыхать можно лишь на корточках. Непослушным, изнеженным преподносят суровые уроки.

— Поначалу бывало, — рассказывает Виталий Нинани, — не удержишься, сядешь — и сам не заметишь, как отключился. Пробуждаешься от пугающей, тревожной тишины. Вокруг никого, темно, ничего не видно. Взрослые как только заметят, что ты заснул, уйдут потихоньку сами и табун уведут. Затаятся где-нибудь, не шумят, костер не разводят. Страшно... Один, всеми заброшенный, такой маленький, слабенький, где искать, куда идти?

Ученики, даже знакомые с оленеводством понаслышке, обычно оказываются способными, науку осваивают с первого-второго раза.

— А вот здесь, — показал Аркадий Нинани, когда мы продирались через заросли ольхача в дельте реки Курваям, нерестилище на нерестилище, медведи кишмя кишат, даже днем идешь — нервы натянуты до звона, — отец посылал нас ночью искать оленей. Без оружия. Идти боязно, а как отказаться? Что о тебе тогда подумают? За каждым кустом останавливаешься, вслушиваешься, высматриваешь не оленей, а медведей!

— Когда на перекочевке идешь с грузом, отец то и дело спрашивает: «Не устал?» Но ты же знаешь, что нельзя сознаться. Проголодался — можно сказать, замерз — тоже. «Боишься?» — «Нет, просто не по себе». Но «устал» — слово запретное. Вот и тащишься, спотыкаешься. А отец снова: «Ну как?» — «Да ничего». — «Ну, тогда пошли дальше». Уже ноги подгибаются, а он опять: «Дальше можешь?» — и в глаза смотрит. «Могу». — «Ну, а я что-то притомился. Давай отдохнем».

Тяжелым испытаниям подвергал начинающего взрослый пастух. Но не чрезмерным. На перекурах то и дело отбавлял сыновний груз в свою ношу. Знал, нельзя злоупотреблять мальчишеским самоутверждением, сломать недолго. Тогда Аркадий начал тайком подкидывать себе камни при сборах в дорогу, а на окончательной остановке потихоньку выбрасывать их. Но однажды заботливый воспитатель с удивлением обнаружил на новом стойбище глыбу, примелькавшуюся около старого кострища, и все понял. «Не надо больше так делать, сынок, — погладил он по голове Аркадия. — Ты меня слушайся».

И когда отбился от табуна косяк голов в семьдесят, отец отправился на поиски один. Это самое трудное в профессии оленевода — искать потерявшихся. Сколько хребтов перевалишь, сколько рек форсируешь, а дни без еды, а ночи без сна, а комары, медведи, дожди? «Возьми меня», — загорелся Аркадий. «Нет, — наотрез отказал Павел Иванович. — А кто будет помогать здесь? Я уйду, да еще ты... Пастухи не справятся. Оставайся», — и решительно шагнул вверх по склону.

Если это не духовная культура, то что же такое тогда культура вообще? Ведь не владение же грамотой, автомобилем и компьютером!

О материальной культуре коренных жителей Севера вряд ли имеет смысл говорить много. Очевидно, что именно она дает им возможность жить в гармонии с природой, а не бороться против нее.

...На улице — минус сорок, а то и все пятьдесят, ветер сбивает с ног, но табун нельзя оставить без присмотра. Пастух откидывает полу яранги и исчезает в белом ревушем аду. На нем кухлянка из двойной оленьей шкуры, такие же брюки. Торбаза из камуса с подошвами из нерпичьей кожи натянута на чижи — чулки из собачьей шкуры. Шапка из двойного пыжика окаймлена спереди длинношерстным мехом росوماхи, не смерзающимся от дыхания человека ни при каком морозе, внизу вместо шарфа подбита роскошной волчьей или собачьей шкурой. Меховые рукавицы на сыромятных ремешках: и захочешь — не потеряешь, втягиваются в рукава, и пастух как в скафандре, только узкая щелочка глаз видна сквозь росомашью оторочку.

Устал, требуется перекурить, — коряк садится спиной к ветру, и вот сзади намело сугроб. Снежная гора все растет и растет, переваливает через голову, и уже нет человека, лишь неразличимая белизна волнистой поверхности. Отдохнет дежурный в тишине и в тепле, встанет, осмотрится, — пурга прекратилась, снег под лучами огромного солнца полыхает миллионами бриллиантов, а олени — вот они, мирно копытят ягель посреди долины.

На высоте находится (пока) и физическая культура оленеводов. Соревнования по бегу — главное их развлечение. Причем бегают с палкой. Сначала меня это удивляло — не лучше ли в таком случае бегать с гирей? Оказалось — не лучше. Палка нужна пастуху для того же, для чего нужен канатоходцу шест. Соревнуются не на тартане — на пересеченной местности. А пересечена бывает дистанция и ручьями, и реками, которые надо форсировать по поваленным стволам. При этом желательно не падать в воду. Нужна палка и как фибергласовый шест — Сергею Бубке. Без нее как измерить глубину протоки, оказавшейся на пути? Да и кочки в тундре бывают такими высокими, что спотыкаешься на каждом шагу, и посох для опоры отнюдь не кажется лишним.

Не нужны кочевникам физруки и для организации борцовских состязаний. В метании чаута пастухи достигают такого совершенства,

что используют свое лассо даже на охоте. Олелей, например, ловил арканом снежных баранов. В недалеком прошлом уважающий себя мужчина мог набросить петлю не только на любого оленя в табуне, но и на любой его рог по заказу, на любую ногу.

Много на речных косах и террасах Корякского нагорья гладких камешков, которые так и просятся в руки: доброшу или нет до другого берега? Четырнадцатилетний Антон, младший отпрыск пастушеской династии Нинани, давал мне в этом спорте сто очков вперед. Правда, он пользовался пращой — той самой, которой побивали врагов легионеры Цезаря, воины Навуходоносора, той самой, которой маленький Давид сразил огромного Голиафа.

Той самой, которой были вооружены в середине XVIII века чукчи, победители российских войск под командованием майора Д.И. Павлуцкого. Оружие это гениально просто в изготовлении и использовании. В обыкновенном ремне из оленьей кожи делается посредине недлинная прорезь, в нее вкладывается камень. Сжимаешь в кулаке оба конца ремня. Ну, а дальше все, как написано в истории Древнего мира: раскрути снаряд над головой и в нужный момент отпусти один конец. Если рассчитал точно, ядро полетит далеко-далеко и попадет прямо в цель. Не получилось — не отчаивайся, камешков на косе еще много. Тренируйся.

Между делом, на ходу и на бегу, во время перекура пастухи упражняются с копьем или вместо него с тяжелым шестом того же размера. Как писал В.Г. Богораз, копьё должно гнуться и болтаться от резких рывков, как сырая оленья шкура. Странное условие, казалось бы. Но не изменился подход к этим упражнениям и до сих пор.

Вот что наблюдал я в исполнении Аркадия Нинани. Он брал правой рукой конец древка, левой рукой хватался на полметра ближе к острию и принимался размахивать копьем, меняя направление, вверх-вниз, направо-налево. Крепкий березовый ствол скрипел и прогибался. Высшей доблестью, объяснял ветврач, считается, если сможешь сломать древко. Ну, понятно, так же гребцы ломают весла. Для этого, продолжал Аркадий, стараются встать на кочку повыше, взмахнуть вниз, прыгнуть и, когда коснешься земли, резко рвануть копьё вверх.

А я все удивлялся, зачем такие ритуальные сложности. Тогда дипломированный специалист с первобытным копьем в руках подошел к зарослям стланика. Засвистела сталь, наземь посыпались ветки, срезы острым, как бритва, лезвием. Мое удивление сменило тотальность. Так вот оно, оказывается, в чем дело! Корякские воины пользовались тяжелым тесаком на длинной рукоятке не только как колющим, но и как рубящим оружием, они фехтовали копьем! Они могли и заколоть врага, и срубить ему голову, вспороть живот, даже рассечь от плеча до пояса.

Как рассказывал Виталий Нинани, кочевники достигали такого искусства в фехтовании, что могли острием копья располосовать одежду и раздеть человека догола, не нанеся ему ни единой царапины. Чтобы добиться такого совершенства, они почти никогда не расставались со своим оружием. Даже такой расхожий штамп — чукча выпускал копье из рук лишь когда ложился спать, — и то на поверку оказывается вовсе не преувеличением. Пастух и спал в табуне, под кустом или в сугробе в обнимку с оружием. Да что раньше...

Виталий Нинани и сейчас не теряет ни малейшей возможности для тренировок, не отстают от него и Гаррик Олелей, и Володя Ахальхут.

Мое отношение к бессмысленному, как представлялось раньше, размахиванию тяжелой палкой сразу изменилось. Сколько десятилетий назад закончилось последнее рукопашное сражение кочевых орд, исчезает из употребления и само копье, а вот поди ж ты, ритуальная боевая гимнастика осталась, не забыты ее приемы, и пастухи разминаются, шествуя за стадом, в точности как их предки, предпочитавшие мир, но постоянно готовившиеся к войне.

Пасу табун

Да гори все синим огнем! Сегодня или никогда! Уже полсезона жду, когда наши маршруты пересекутся с путями перекочевок четвертого табуна. Вдруг опять повторится история 85-го года, когда я увидел оленей лишь в последний день через иллюминатор вертолета? Сколько времени потребуется мне, чтобы излечиться от душевной травмы?

Еще перед заброской отряда в район работ договорился я в конторе Корфского совхоза с Аркадием Нинани о встрече в тундре. По его прикидкам, как раз в эту неделю бригада Олелея должна проходить западным берегом озера Потат-Гытхын мимо нашего базового лагеря. И вот — ни с каких вершин не просматривается ничего похожего на продвижение тысяч оленей и дюжины людей с походным скарбом.

Но сегодня, возвратившись из маршрута, узнаю — Аркадий с братом Антоном проезжали мимо нас за медикаментами на лабаз, устроенный на озере Илир-Гытхын. По его словам, табун должен пройти на днях к морю соседней долиной. Обращаюсь к Николаю Храмову, — он и начальник, и старший товарищ.

— Коля, стреляй меня, но... Мы здесь уже давно все изучили!

Мой самый близкий коллега на протяжении тридцати лет знает меня как облупленного и потому, не дослушав, вздыхает:

— Да ясно с тобой...

— Коля, только три дня! Выхожу через час, за полдня я обойду озеро и буду под перевалом, ну, а когда спущусь в долину, там уж никак не разминемся. Утверждаешь?

Ну, Коля и накладывает резолюцию: «Иди». Мало того, он еще предлагает и помощь:

— Давай я тебя на тот берег перевезу.

— Да ладно, Коля, не стоит. Пока доберешься до озера, надуешь лодку, переправишь, потом обратно...

— Ну, так и пошли без промедления.

С хребта Касигмаем передо мной как на ладони открылась долина Хайгытхываям — реки Маленького Озера. Отражается солнце в зеркальной глади межгорного водоема длиной километра три и поперечником около километра, действительно маленького в сравнении с двадцатикилометровым Потат-Гытхын. Но ни табуна, ни стойбища я не увидел. Тут-то я и забеспокоился: а не легкомысленно ли я поступил, путившись в путь без единой лепешки, без чая и котелка? А ну как не найду?

Спокойствие, спокойствие... Я скинул рюкзак, устроился поудобнее на самом гребне и стал думать. Проследовал табун к перевалу на бухту Сомнения или еще не подошел к Хай-Гытхын? Если пересечь долину от хребта до хребта, можно установить это вполне достоверно. Возможно, я и не Чингачгук Большой Змей, но уж следы трех тысяч оленей от моего внимания не ускользнут.

Уткнувшись в правобережную каменную стену, я решительно поворачиваю вниз по течению. Через два часа ходу замечаю прямо по курсу не то палатки, похожие на огромные камни, которых посреди этого ледникового ландшафта великое множество, не то камни, похожие на палатки. С каждой минутой в душе остается все меньше места для тревоги: моренные глыбы не имеют таких геометрически правильных очертаний. Вскорости я почуял и запах дыма.

К стойбищу подошел в сумерки. Посередине бугра с прекрасным обзором на все стороны света, неподалеку от костра стояли две маленькие палатки для семейных, чуть поодаль — брезентовое «общежитие» для неженатых пастухов. Над одной из маленьких палаток была натянута антенна, здесь жил сам Николай Васильевич Олелей с женой Ольгой Константиновной, чумработницей и радистом. Рядом с ними поселилась другая пара — Петя Юттын и Наташа, с ними кочевал и годовалый сынишка. В меховом комбинезоне ковылял он по лагерю, всем улыбался и радовался каждой яркой вещичке, поочередно служившей ему в качестве игрушки.

Меня устроили вместе с братьями Нинани — Аркадием, Виталием и Антоном, сыном Олелея Гарриком, Володи́ей Ахальхутом и Виктором Кайныном.

Кроме людей, на стойбище постоянно обитали собаки, у каждого пастуха свои. Только у Аркадия было четыре пса — оленегонные и охотничьи лайки, да еще три у Гаррика, с остальными я не успел толком познакомиться. Они то бегали на вольный прокорм в тундру, промышляя там евражек, мышей, птенцов и нерестового лосося, то крутились под ногами, виляя хвостиками и умильно заглядывая в глаза каждому встречному и поперечному. Иногда им перепало кое-что при разделке оленя, после обеда, но необходимости в дополнительном питании не было, шкура у них и без того лоснилась от довольства и сытости. Работой собак не обременяли, только на ночном дежурстве в их обязанности входило первыми почуять зверя и предупредить пастухов об его приближении. Днем сопровождали они бригадира, отправлявшегося на разведку пастбищ, да ветврача при его перемещениях из одного табуна в другой.

Три лошади стояли, уткнувшись носом в дымокур, на некотором отдалении от табора. Под брезентом лежала груда походного имущества. Вот и все кочевое стойбище. Такого жесткого минимума для постоянной жизни не может себе представить ни один горожанин, да и любой селянин или хуторянин. В кочевье проводит десять — двенадцать месяцев в году каждый член бригады. Для дома остается лишь отпуск, да и что такое дом при подобном раскладе времени?

Своеобразны языковые и национальные проблемы в бригаде. Тип оленеводства, стиль хозяйствования, культура и предметы быта — все здесь чисто корякское, хотя ни одного коряка среди моих новых знакомых не оказалось. Семейство Нинани и Ольга Константиновна, родная тетка Аркадия, Виталия и Антона, — эвены, остальные — чукчи.

Я знал, что коряк и чукча свободно изъясняются друг с другом, примерно как русский с украинцем, но вот с эвенками у них нет ни одного слова общего. Эвены, они же ламуты, — представители совсем иной ветви, родственники тунгусам, нанайцам, маньчжурам, и среди других народов Корякского нагорья считаются чужаками, пришельцами с юга, обитателями леса, а не тундры.

— Как же вы разговариваете между собой? — спросил я Аркадия.

— По-русски, — улыбнулся ветеринар.

Верно — если сидеть у костра с закрытыми глазами, можно подумать, что слышишь беседу жителей Средней России, настолько чисто, без малейшего акцента звучала речь кочевников. Удивляться нечему — все, кроме старшего поколения, воспитывались в яслях, детсадах и школьных интернатах, все грамотны, можно сказать, образованны. Виталий Нинани, в очках, аккуратный и вежливый, вообще производил впечатление интеллигента, впрочем, интеллигента довольно воинственного вида: через одно плечо у него был перекинут карабин, через другое — чаша, на поясе висел внушительный нож, а голова была по-пиратски повязана платком. Школу он закончил прекрасно, имел явные склонности к физике и математике, ему пророчили большое будущее в точных науках, но для него самого вопрос не стоял, какой путь выбрать. «Только тундра!» — было его твердым решением.

— И так изо дня в день — табун, аркан, дорога?

— Эге, — согласно кивнул головой Виталий.

— И не скучно, все одно и то же, и никогда ничего нового, и нечего ждать от жизни? — допытывался я.

— Не скучно, — старательно скрывая удивление моей непонятливостью, подтвердил отличник. Да и правда, почему табун, аркан, дорога — однообразно, а институт, авторучка, трамвай — фейерверк событий?

Прислушиваясь к разговорам на таборе, я частенько улавливал, что обсуждение становилось мне непонятным. Со своим недоумением я обратился к Аркадию.

— Для профессионального обсуждения русский язык совершенно не годится. Например, мимо меня бегут олени. Пока я растолковываю напарнику, чтобы он поймал вон того светлого трехлетнего быка с обломанным левым рогом и пятью отростками на правом, табуна уже и след простынет. А по-корякски достаточно двух слов...

Вот такие лингвистические парадоксы. Чукча с эвеном пользуются кроме русского еще и корякским. А если брат с братом говорит по-эвенски, а друг с другом — по-чукотски, выходит, что они вообще полиглоты. Мне бы так...

Мое появление не было неожиданным для обитателей стойбища. Еще будучи в Хаилине, я посвятил в свои планы Аркадия и Гаррика, собиравшихся в тундру. Встретили меня приветливо. Это вообще характерно для местных жителей, да и объявился я на лагере не так, как другие визитеры. Чаше всего в табуны наведываются либо пресса, либо начальство, либо всевозможные комиссии. Они сходят с трапа вертолета или с борта вездехода. Я же пришел из-за перевала, пришел один, с рюкзаком и без галстука.

Отчужденности я не чувствовал. Впечатления захлестнули с порога. Взять хотя бы положение женщины на кочевье. Не берусь утверждать, что она имеет здесь право голоса, но вот голос у нее есть. И его оттенки не оставляют никаких сомнений в том, кто здесь настоящий хозяин. Впрочем, это всего-навсего проявление многовековых традиций. С давних времен не была девушка предметом купли-продажи.

В старину невесту полагалось отрабатывать. Жених поступал в услужение к ее родителям, на него взваливали самую тяжелую, грязную, неприятную работу, кормили объедками, частенько выгоняли спать на улицу. И никакими дарами и богатствами нельзя было заменить собственный труд. По прошествии времени, от нескольких месяцев до трех лет, претендент получал право добыть себе жену в необычном состязании.

Брак считался заключенным, если мужчина ухитрялся дотронуться до самого сокровенного уголка тела своей любимой. Предмету его желаний разрешалось все. Она могла надеть глухой комбинезон из оленьей шкуры, намотать вокруг бедер и пояса несколько слоев ремней из моржовой кожи, да и чтобы вступить в борьбу за обладание, претенденту нужно было сначала догнать ее в яранге, где она беспрепятственно увертывалась от преследования, а перед его носом то и дело возникали полога из шкур, жерди и палки, его встречали тумакми и провожали подножками все участники свадебной церемонии. Нет, у женщины в тундре всегда было право выбора, брак мог совершиться лишь по взаимному согласию сторон.

Слабому полу никогда не была в диковинку ни роль пастушки, ни роль охотницы, хотя от главной обязанности хранительницы очага никто не освобождал. Как наблюдал в XIX веке В.Г. Богораз, молодая девушка, проработав над шкурами в течение целого дня, потом стережет стадо всю ночь, а наутро, возвратившись домой, снова принимается за дело и работает до вечера без каких-либо признаков усталости. Да и в следующем веке изменилось немного. И женщин с карабинами за плечами, а особенно с мелкокалиберными винтовками, мне доводилось встречать неоднократно. И не было это похоже на принадлежность туалета, вроде дамской сумочки. Не зря отечественные наши скво таскали по кустам и болотам лишний груз, нет, не зря. Уж поверьте, таскать лишнее в горной тундре — удовольствие значительно ниже среднего.

Нынешнее штатное расписание весьма неточно называет чумработницей (звучит, согласитесь, почти как домработница) ту, что управляет всей жизнью табора. Обо всем этом я знал и ранее, так что к матриархату на стойбище оказался внутренне подготовлен.

Уж не знаю, на эвенском, чукотском или корякском языке обсуждала со своими собеседниками Ольга Константиновна мои попытки заснять всех и все, но слова «журналисты» и «карточки» в ее монологах я понял, как понял по общей тональности и эмоции говорившей: «Вот, сколько уже фотографировали заезжие корреспонденты, а хоть бы один прислал пусть самый малюсенький снимок!» Вступать

в дискуссию я не отважился и виновато спрятал в рюкзак всю оптику. Ладно уж, думал я, в табуне наверстаю.

На дежурство я отправился вместе с Олелеем, Виталием и Антоном Нинани. Идти далеко не пришлось. Гаррик с Виктором уложили стадо отдыхать в километре от стойбища. На пересменке пастухи перекинулись несколькими фразами о состоянии табуна и пастбища, о происшедшем за ночь, о планах и намерениях, и мы распрощались. Олени не остаются без присмотра ни на минуту.

Корякско-чукотское оленеводство — самое щадящее по отношению к оленю и самое беспощадное — к человеку. Стадо пасут. Непосвященным эта фраза может показаться пустой, лишенной содержания, однако именно в ней заключено главное. Даже коров и прочий домашний скот сейчас перестают пасти. Луга или поля, засеянные травами, разгораживают на квадраты и по мере того, как животные поедают корм в одном, перед ними открывают ворота другого.

По тому же пути пошло и современное западноевропейское оленеводство. Когда-то скандинавские саами, подобно корякам и чукчам, неотступно следовали за своими табунами. Сейчас, несмотря на полную механизацию — у пастухов в распоряжении снегоходы, мотонарты, трактора и автомашины, — желающих заниматься этой тяжелой работой находится мало.

Исконные саамские земли, защищенные от посягательства граждан других национальностей законами Швеции, Норвегии и Финляндии, потомки пастухов разгородили многосоткилометровыми заборами на отдельные зоны свободного выпаса. Никто не мешает здесь оленю жить как ему вздумается. Но никто и не в состоянии спасти зимой животных в укромных долинах от свирепой пурги, никто не отгонит табун после обильных снегопадов, укрывающих мох многометровым слоем, из затишья на обдуваемые ветром склоны. Некому убереечь новорожденных телят от хищников. Поедом ест летом бедную животину гнус в зарослях и защищенных от любого движения воздуха котловинах, и ничья забота не проложит маршрут с таким расчетом, чтобы в это трудное время стадо оказалось на открытом всем штормам морском побережье. Да и противооводную обработку про-

вести невозможно, не бегать же со шприцем и опрыскивателем за каждым пугливым олешкой. В случае нападения любой массовой заразы скот также остается обреченным. Зато саами живут с удобствами, которые корякам и чукчам и не снились.

Молодое эскимосское оленеводство погублено именно вольным выпасом. Правда, и конкуренция со стороны белых оленеводов фирмы Ломена сыграла свою роль. Но сейчас и в США закон разрешает заниматься оленеводством только аборигенам. Однако о восстановлении поголовья до уровня тридцатых годов никто и не помышляет. И здесь определяющим стал человеческий фактор. Вакансий на должность пастуха гораздо больше, чем претендентов.

По другой причине не пасут оленей дальневосточные эвенки и эвены. Тайга не тундра, где каждый олененок на виду. В густом лесу стадо разбредется, собрать его воедино невозможно, направить туда, куда нужно человеку, вообще немыслимо. Единственный выход здесь — огораживание угодий, благо жердей хватает. Коряки и чукчи такой возможности лишены, и по мере снижения человеческого качества здесь будет автоматически сокращаться оленьё количество. Саамский вариант на севере Камчатки невозможен, а вот эскимосский в высшей степени вероятен. Нынче звучат призывы обеспечить удобства кочевникам, но едва ли это спасет оленеводство. Городской, да и сельский комфорт в тундре недостижим, и труд пастуха, как его ни облегчай, легким не станет. Климат в Корякском нагорье не потеплеет, скалистые перевалы не превратятся в черноморские пляжи, а заросли ольхаха — в парковый лес, да и оленя не прокормишь в конюшне или в коровнике. Мужество и стойкость человека — единственная основа здешнего оленеводства, а оленеводство — единственная надежда на выживание народа. Коряк или чукча проживет без оленя, но корякский и чукотский народы исчезнут с этнографической карты.

...Хотя вижу табун я не впервые, никак не могу отделаться от ощущения чуда. Такая огромная масса животных! Как им хватает пищи, места на водопое, как можно уследить за всеми, просто сосчитать, в конце концов?

— Откуда ты знаешь, — спрашиваю Виталия, — что Гаррик передал вам всех оленей? А вдруг здесь не хватает голов двести — триста, ну хотя бы двадцать — тридцать?

Мое недоверие отнюдь не беспочвенно, сомнения в способностях учесть поголовье приходят в голову не только постороннему человеку. «Пастухи обычно не считают своих оленей, они не в состоянии также помнить всех своих животных по их внешним признакам, как утверждают некоторые путешественники, — пишет В.Г. Богораз. — В больших стадах они знают только наиболее выдающихся оленей, как-то: самцов-производителей, старых маток, ездовых, грузовых оленей и т.п. Если случится утрата, то они не всегда узнают о ней».

Узнают, возражает Виталий. Да, он лично не различает всех оленей в стаде. Но он пасет четвертый табун всего несколько месяцев. Раньше он работал в другой бригаде. Тем не менее многих приметных животных он знает «в лицо». Сколько? Да сотни три, наверно, будет. Что ж, это составляет десятую часть всего табуна. Но олень — животное стадное, в одиночку он не уходит. Если же отобьется косяк, то в нем обязательно окажется хотя бы несколько его знакомых. Недосчитавшись, скажем, дюжины приметных животных, он не подумает, что потерялись только эти двенадцать. С ними наверняка ушло много других. Ведь приметные — не только наиболее бросающиеся в глаза, обычно это чем-либо выдающиеся в общей массе, вожаки, лидеры стада или какой-то его части. Ну, и потом, чем дольше работаешь в одном и том же табуне, тем больше с ним осваиваешься. Опытный пастух опознает поздней осенью уже семьдесят — восемьдесят процентов «личного состава». Да и нет смысла искать отдельных оленей. Уйти в одиночку может лишь больной. Вот за такими-то и надо внимательно наблюдать. Если кто-то плетется в хвосте, отстает, раньше других ложится отдыхать, позже поднимается, его надо либо срочно лечить, либо забивать. Поэтому потери не могут остаться незамеченными.

Как им хватает корма? Скуленно держится стадо лишь на отдыхе, при выпасе его разворачивают широким фронтом по пастбищу и медленно подгоняют вперед. Большое искусство требуется в управлении табунном. Да еще надо учесть ранимость северной природы. Выбить,

вытоптать ценные уголья недолго, восстановить кормовые запасы трудно. Ягель подрастает на три-четыре миллиметра в год, а если какой-то кустик лишайника общипан «до комля», он отмирает вообще.

Помогают пастухам инстинкты животного.

— Олень чистоплотен, можно сказать, он брезгливый, — поясняет Виталий. И если пастух забудет, что здесь уже пасли вчера или позавчера, и повернет стадо на тот же участок второй раз, олень просто не будет есть корм из-под своих же копыт.

Еще сложнее напоить огромное поголовье. Чуть только передние олени взмутят водоем, другие отказываются пить. Прозрачность — только хрустальная! По ручью, по речке надо медленно направлять табун вверх по течению, то и дело переходя с берега на берег, озерко выбирать широкое, не с илистым дном.

Кроме огромного количества самих оленей поражает множество их рогов. Тут не частокол, не лес, если и годится какое-то сравнение, то лишь с дебрями ольхового стланика. Отростки, отростки, разветвления, и все движется так, что в глазах мельтешит. Rangifer tarandus — единственный вид оленей, самки которых имеют рога. Хотя и теряет каждый свое украшение раз в году, но благодатным летом рога — у всех. Быки сбросят главное оружие за ненадобностью после гона в октябре — ноябре, важенки — после отела в апреле — мае, у кастратов период сбрасывания менее определенный, как и их пол.

Сейчас, в июле, при обилии корма, разнообразии витаминов и микроэлементов, рога растут очень интенсивно. Кость еще не оформилась, неотвердевшие хрящи покрыты нежной бархоткой. Это уже не панты, хотя они еще вполне съедобны. Пастухи угостили меня парой увесистых отростков. Осмолив их над костром, я с опаской попробовал экзотическое блюдо, и каково же было мое удивление, когда вкус показался мне очень знакомым. Просто я никак не мог припомнить, на что же это похоже...

— На уши поросенка, — подсказал Виталий.

И тогда передо мной отчетливо всплыла яркая картина. Отец только что заколол подсвинка и, уложив его на солому, подносит спичку к подстилке. Золотистыми жгутами мы старательно опаливаем жест-

кую щетину. Разделка начинается с того, что взрослые отрезают порсячьи уши и хвостик и передают нам, детям. Сколько десятилетий назад это было, а вот, поди ж ты, память хранит и вкусы, и ароматы, и оттенки далекого прошлого... И кто бы мог подумать, что в корякской тундре что-нибудь напомнит о русской деревне? Да и где мог обзавестись подобными впечатлениями Виталий? Что ж, хаилинским ребятишкам не в диковинку и хрюшка, и буренка, и сивка-бурка...

...Виктор и Гаррик караулят оленей поочередно с Петей Юттыном и Володей Ахальхутом. Дневные пастухи, или нагульщики, пасут каждый день бессменно. Чтобы уравнивать нагрузку, ночных дежурных привлекают для помощи чумработницам. Они занимаются заготовкой дров, обустройством лагеря. Перекочевка — тоже их обязанность.

Табун мы приняли у ночных дежурных около восьми утра. Олени лежали на снежнике. К январским морозам самый неприхотливый обитатель Севера давно приноровился, а вот к июльской духоте и суши приспособиться никак не может. Его шкура, хотя и линяет в жаркое время года, все равно слишком тепла. Потовые железы развиты слабо. Учащенно дышат животные, становятся пугливыми и раздражительными, всюду ищут прохлады.

Первыми встают на ноги каюю и отбегают от стада в поисках пищи. За ними поднимаются важенки, а там и все остальные. Корма хватает. Освобождается от снега тундра не сразу, не одновременно начинается и весеннее пробуждение. Еще в конце июня главный цвет здешних ландшафтов — бурый. Первой распускает почки карликовая березка, за ней появляется листва на ольхе и тальнике. Сладки для жвачных молодые побеги, верхушки кустов. Вслед за кустарниками начинает зеленеть разнотравье, то самое, что в более теплых краях называется лесным. Здесь оно такое же, только без леса. Растительное многообразие в Корякском нагорье ютится под покровом стлаников, между кочками и камнями, вперемежку с голубичником, вкраплено в ковер шикши и брусники. Позднее всего покрываются изумрудной зеленью лужайки пырея и вейника.

— Так едят траву олени или не едят? — задаю Аркадию давно мучивший меня вопрос. Когда-то с помощью старого знакомого, пас-

туха в девятом поколении Абрама Абрамыча Улея я сделал сногшибательное открытие, что олень — не травоядный!

— Да как не едят, — пожал плечами ветеринар. — Вот он щиплет березку, она же прямо по земле стелется, вместе с листиками ему попадают и травинки.

— Э-э, нет, — неудовлетворенный объяснением, наседаю я на потомственного кочевника. — Так ему и кедровая хвоя попадает, да мало ли что, может, старые портянки. Специально на траву он идет пастись?

Ответ гласил, что разнотравье — один из основных компонентов питания. Но мне и этого было мало. То, что для коровы и лошади служит главным кормом, луговые травы, злаковые — ест или не ест? Аркадий выглядел слегка озадаченным. Конечно, когда ничего другого не найдет, не побрезгует и травой. Однако, размышляя вслух мой собеседник, и прошлогодними листьями, засохшими стеблями он тоже питается за неимением чего другого. Есть олени, которые даже к юколе привыкают. Но никому же не придет в голову относить весь этот вид копытных к ихтиофагам. На том же основании можно не относить его и к травоядным.

Уже после этого диалога прочитал я в специальной литературе, что в период максимального изобилия злаковые не достигают в рационе оленя и десяти процентов. В них слишком много клетчатки. А у медведя луговые травы — главная составляющая растительной пищи в это время. Так что все правильно. Обширные покосы на лугах — работа косолапого, а не оленя.

А оленьего мха, то есть лишайника, ягеля, в Корякском нагорье не хватает и на зиму. Это очень ценный продукт, по калорийности не уступающий комбикорму. Когда землю укрывают снега, замены ягелю нет. Поэтому летом, при богатом выборе, пастухи стараются не трогать ягельники. Да и для животных сочная витаминная зелень предпочтительнее сухомытки.

В августе на тундре во множестве появляются прекрасные подосиновики и подберезовики — любимое лакомство оленя, практически полностью удовлетворяющее его потребности в белках. Разбега-

ется стадо в разные стороны в поисках грибов, трудно приходится пастухам, не соберешь его воедино.

А в июле пастбища — милое дело. Табун медленно отходит от снежника, не спеша принимается общипывать кустики. Вслед за оленями направляемся и мы. Просто идем, любимся природой.

Любоваться здесь есть чем. Уютные зеленые пастбища огорожены мрачными скальными заборами, обледенелые вершины возвышаются над облаками. Извилистые, вечно набитые туманами каменные коридоры фьордов, в которых неприкаянно мечутся от стены к стене таинственные гортанные крики и громы, порождают загадочно-призрачные видения, не дают забыть о духе моря и всемогущем Большом Вороне Куйкыннюку. В бесчисленных озерах и болотцах отражается ослепительно голубое небо. Родники и ключи чисты как слеза. А цветов здесь столько, что ступить некуда, жалко топтать эту полыхающую красоту. Желтовато-белый рододендрон и нежно-розовая брусника, ярко-красная камнеломка, чернильно-синие ирисы, желтый курильский чай, лиловый кипрей и множество других, неизвестных мне видов.

Самые разнообразные бутоны, полураскрытые или полностью распахнутые навстречу солнцу, сменяя друг друга, расцветчивают здесь тундру от снега до снега. Цветы на кочках и скалах, на вершинах и болотах... В любом кадре, что бы ты ни фотографировал летом на Севере, притягивает взгляд яркая россыпь цветов.

Красота облагораживает, возвышает душу, красота успокаивает и лечит, придает силы и подавляет злобу. Нельзя вырасти плохим человеком в таком прекрасном месте.

— Я двадцать пять лет кочую по одному и тому же маршруту и не представляю мест лучше наших, — с напором в голосе обратилась ко мне однажды Ольга Константиновна.

— Да что вы, какие могут быть споры, — ответил я. Хозяйка табора, признанная по всей Камчатке искусница вышивания бисером по оленьей шкуре, ревниво и подозрительно ждала продолжения. — Уж сколько я прошел по Корякскому нагорью, но такого нигде не видел. Вот и тянет каждый год только сюда, на Потат-Гытхын, на Пылгу и в бухту Сомнения.

У Ольги Константиновны потеплел взгляд. Я понял, что если бы не согласился с ней, она бы мне этого никогда не простила. Ну, а теперь ледок недоверия понемногу начал таять.

...Через два часа после подъема каюю начинают отставать, то и дело ложатся. Да и взрослые все чаще сыто отрыгивают. Чувствуется — наелись. Надо укладывать всех на отдых. Дело вовсе не в том, что олени устали, хотя для малышей и это соответствует действительности.

Желудок у этих жвачных четырехкамерный. Переднее его отделение — рубец, заполняется, можно сказать, полуфабрикатом, требующим дополнительной обработки. У оленя эта камера вмещает целых три ведра. Весь наспех проглоченный запас предстоит тщательно пережевать. Табун снова устраивается на снежнике. Олени замирают, и если бы не суетливо-быстрые движения челюстей, можно было бы подумать, что все сладко спят.

А нам после размеренной прогулки снова нечего делать. Антон отправляется собирать дрова. Виталий устанавливает таган, я беру котелок и зачерпываю воды в ближайшем ручейке. Чаевка. А что, так жить можно, мне нравится. У костра в самом центре табуна на пышном ягеле появляются кружки, сахар, юкола, галеты. Но когда Антон достает из брезентового мешочка кусок за куском мяса, много мяса, мне становится ясно, что ситуация в стаде далека от идиллии. Копытка.

— Сколько больных на сегодняшнее утро? — деловито осведомляется только что подошедший Аркадий.

— Уже тридцать, — озабоченно произносит Олелей. Тревожиться есть о чем. Вчера было восемнадцать.

Табун расположился на ровной террасе без кустов, без камней и без кочек. Выбрано такое место, оказывается, специально. Здесь предстоит отлавливать хромых и с каждым проводить курс лечения. На других участках гонять животных было бы нельзя.

После неспешного обеда все, кроме меня и Антона, изготовили к работе арканы. Уже одно это — довольно сложное дело, чем-то напоминающее укладку парашюта. Хотя я и пытался научиться собирать чaut в кольца, у меня так ничего и не получилось. Еще труднее оказалось освоить технику броска. Наверно, под впечатлением

ковбойских фильмов я думал, что лассо бросают от бедра. Виталий подтвердил — да, иногда так делают и пастухи, но лишь когда у них рука болит. Обычно коряк делает несколько замахов над головой и после самого мощного из них отпускает ремень.

Но и это еще не все. Бросают почти всегда на бегу. Олени в этот момент проносятся мимо, иначе не отличишь хромого от здорового, а петля все же не пуля и не стрела. Чтобы снизить скорость удаления цели от ловца, кочевник вынужден бежать изо всех сил. Когда чаут захлестывается на рогах, у пастуха есть два варианта дальнейших действий: либо продолжать бег после финиша, когда отказывают уже и ноги, и сердце, и дыхание, и, усиливая мало-помалу натяжение ремня, притормаживать оленя, либо, полностью выложившись в спринте, остановиться и схватиться за ускользающий конец аркана, ожидая мощного рывка. Как-никак, вес оленя больше центнера, а скорость — не меньше пятидесяти километров в час.

Пойманный олень, кувыркнувшись через голову, вскакивает на ноги и дергается во все стороны, мотая головой. Постепенно перебирая натянутый как струна чаут, пастух подбирается к оленю, хватая за рога и заваливает брыкающегося копытного на ягель. Концом аркана связывает ему ноги крест-накрест: левую переднюю с правой задней. После этого олень покорно затихает.

— Это еще что, — комментировал мне впоследствии Виталий. — А как мы отлавливаем быков осенью, когда идет выбраковка производителей! Кастрируем всех низкорослых, нестройных, самцов белой масти с красными глазами, они дают слабое потомство. Да и некоторых здоровых выкладываем, если их остается слишком много. Иначе они будут днем и ночью драться за важенок, калечить друг друга, наводить панику в стаде. Когда такой олень рвется на волю, арканом срываешь кожу с ладоней. А приблизишься к нему на пару шагов, он — рога вперед и на тебя всей массой. Вот это в самом деле коррида!

...Собравшись втроем, пастухи осматривают копыта. Затем начинается лечение. Аркадий достает из рюкзака инструменты, флаконы и банки.

— Одноразовых шприцев нет, как бы СПИД по табуну не распространился, — смеется он.

Маленькими ножничками ветврач выстригает шерсть над нарывом, вскрывает скальпелем опухоль и затем нещадно выскребает специальной стальной ложечкой с отточенными краями всю пораженную ткань.

— Лучше удалить лишнее, чем оставить источник заражения, — оправдывает он, прямо скажем, жестокое вмешательство. — Жалко? Конечно, жалко будет, если сдохнет такой красавец, — похлопывает он по крупе безответное животное. Из пузырька с небольшой резиновой грушей в рану вдувается порошок стрептоцида. Затем в большой банке Аркадий зачерпывает десертную ложку сульфадимезина и, пока Виталий держит челюсти оленя широко раскрытыми, глубоко, чуть не в желудок, засовывает лекарство. Совсем ошалевший от подобной бесцеремонности, молодой бычок делает судорожные глотательные движения. Последний акт — бициллин внутримышечно. Аркадий забирает шприцем воду прямо из ручья.

— Полагается растворять порошок во флакончике новокаином или дистиллированной водой из специальной ампулы. Канительно... А в обычной питьевой воде получается только белая муть. Ну, я и попробовал однажды горные родники. Оказалось — стерильность абсолютная, посторонних веществ — ноль. Теперь никаких ампул с собой не беру.

Все. Виталий развязывает ремень. Олень, словно не веря в свое освобождение, не делает никаких попыток встать. Или ему ноги свело? Аркадий вынимает нож, захватывает левой рукой мохнатое ухо и, полоснув посередине, укорачивает его наполовину.

— Ты что творишь, варвар! — не выдерживаю я. Конечно, мне понятно, что надо поставить какой-то знак на прошедшем лечении животном. Но неужели нельзя придумать что-нибудь менее болезненное? Однако излишняя щепетильность никогда не была в чести у чавчуменов и чукчей. В.Г. Богораз пишет, что личное тавро они выгрызали на своем поголовье собственными зубами.

На месте среза тотчас выступает кровь.

— Ты же сам говорил, что любая рана — открытые ворота для инфекции!

— Ничего, — как всегда с юмором отвечает Аркадий. — Копытка еще ни разу не поражала уши... Не первый раз делаем. Осложнений не бывало.

Совсем уж сбитый с толку олень неуверенно поднимается на ноги, некоторое время стоит, не делая ни шагу, и вдруг легким прыжком срывается с места. Высоко подбрасывая колени, словно порхая над тундрой, он мчится к ушедшему табуну.

Собрав все принадлежности в рюкзачок, Аркадий бодро направляется в ту же сторону. К нему присоединяются остальные. Олелей и старшие Нинани на ходу собирают в кольца волочащиеся по земле арканы, обсуждают детали предстоящей операции: откуда заходить, куда гнать, с какого места бросать. Чувствуется, что о корме, о выпасе, о досмотре за табуном они уже не думают. Не до того... В конце концов, для чего в бригаде ученик пастуха и его добровольный помощник? И мы с Антоном принимаем всю ответственность на себя.

— Хо-о, хо-о, — покрикивает четырнадцатилетний подпасок, заметив косяк в полдюжины голов, отделившийся от основной массы метров на сто — двести. Существует критическая черта, переступив которую олень лишается привычной тяги к стаду. Не стоит гоняться за нарушителями, им надо просто напомнить об их еще близких товарищах. И вновь увещеваниям Антона, олени послушно поворачивают к табуну.

А я замечаю еще несколько быков, мелькающих между высокими кустами. В долине растет лишь карликовая березка, она и привлекательна для животных, и не мешает постоянно держать их в поле зрения, да и им самим дает возможность все время видеть вокруг себя соседей. А вот в стланиках олени теряются из виду, не чувствуют рядом табун. И еще одно неприятное открытие. Кроме полезного — для пастуха, то есть для меня в данном случае — стадного инстинкта, есть у оленя и вредный — мне и Антону — инстинкт: оказавшись на склоне, бежать по нему вверх, только вверх. И сколько я ни убеждаю беглецов на новом для меня, но давно известном им языке, реакции с их стороны никакой.

— Хо-о, хо-о, — уже с отчаянием кричу я им вслед.

— Олень не подчинится пастуху, если не почувствует уверенности в его голосе, — просвещает меня Антон.

— Хо-о, хо-о, — солидным басом нарочито негромко произносит он, демонстрируя свои телепатические способности. Тоже мне знаток зоопсихологии! Олени, видимо, не хуже меня раскусили фальшь в уверенном голосе семиклассника из хаилинской неполной средней школы и припустили в гору еще резвее. Ладно, Антон помоложе, пускай тренируется. Но когда я совсем один остался лицом к лицу с тремя тысячами голов скота, меня охватило беспокойство. Я принялся обшаривать взглядом окрестные кусты и, конечно, заметил еще один назревающий откол. Так, так, только без паники... Расстояние критическое или не критическое? Да кто ж его знает... Вернее будет завернуть их, строптивых, пока не поздно. Отрабатывать уверенность в голосе я не стал. Может, они уже почувствовали иностранный акцент в моем корякском?

И я бочком, делая вид, что я здесь просто гуляю, начал опережающее восхождение по большой дуге. Закончился эпизод тем, что потерю поголовья в своем пастушеском дебюте я все же предотвратил. Но для этого мне пришлось пуститься во все тяжкие. И уверенность в голосе я все же пытался демонстрировать, и простонародные (не корякские) выражения себе позволял, и пробовал обогнать легион оленей, и бросал камни, стараясь попасть в землю перед их мордами. Когда я завершил победный спуск в долину, я не обнаружил там Антона. Он что, тех еще не догнал или побежал уже за другими?

Времени на размышления не оставалось, потому что я снова заметил, как какая-то подозрительная компания вроде бы намеревается отправиться к ближайшему перевалу.

Уж не знаю, сколько я проделал спускоподъемных операций, сколько километров (или десятков километров?) напетлял по зарослям на склоне, но к тому долгожданному моменту, когда даже взрослые олени начали сыто отрывивать пищу, я хотел покоя и сосредоточенности на своих мыслях не меньше, чем утомленные шалостями каюю.

— Сейчас пасти легко, — успокоил меня Антон. — В июле табун

ходит медленно. А вот в августе, когда оленята подрастут, им понадобится больше движения. Если сами не будут бегать, их надо гонять, иначе вырастут слабенькими, недоразвитыми.

Что ж, выходит, я специально подбирал для визита самое легкое время?

— Да-а, — бестактно вздыхает Антон, — разве можно сравнить сейчас и когда грибов много? Вот осенью олени отбиваются пачками! Но вообще-то пасти надо правильно, и все. Сытый олень из табуна не уйдет.

Чаевка не показалась мне лишней. Мясо, наваленное горкой рядом с котелком, исчезло в одно мгновение. Побегали не только мы с Антоном. Тяжело дышали опытные пастухи, выигрывавшие этап за этапом в гонках преследования, с трудом приходили в себя и олени, взбудораженные непрерывными погонями. Еще трое из них недосчитались ушей после перенесенной операции.

Тайм-аут прервался, когда табун закончил пережевывать пищу и мало-помалу пришел в движение. На этот раз Олелей указал нам нетронутое пастбище посреди широкой долины, где ни склонов, ни высоких кустов не было. Я облегченно вздохнул, но, как вскоре выяснилось, радовался я напрасно.

Бригадир со старшими Нинани целиком посвятили себя врачеванию, а пасти должен был я под руководством Антона. Задача казалась несложной — следить, чтобы не произошло скучивания животных в одном месте, тогда корм вытаптывается, не все наедаются, и чтобы не возникало разрывов в широком веере стада. Все шло хорошо. Но вот на пути организованного нами превосходного рассыпного строя неожиданно возникло озеро, не такое уж и большое, всего какая-нибудь сотня метров. Оно сразу разделило стадо надвое. Минував водоем, левая половина, вместо того чтобы соединиться с правой, стала отклоняться от генеральной линии еще левее, а правая сосредоточилась в зарослях карликовой березки.

Я бросился заворачивать ушедший вперед гурт, Антон принялся собирать тех, что разбрелись по равнине. Но олени, услышав мои то ропливые шаги, ускорили ход. Они поднимали головы и, заметив по-

близости невиданное существо — человека без чаута, — срывались на легкую рысь. Возможно, моя рысь не выглядела столь же легкой, но я не отставал. Они прибавили скорость, я ответил тем же, но через некоторое время понял, что у меня мало шансов в этом состязании.

Требовалось срочно что-то придумать.

Остановившись, я осмотрелся. Уходящая к горизонту плоская тундра выглядела пустынной. Олелей с Виталием и Аркадием проводили невесть где очередной курс лечения, у Антона хватало своих проблем, и наставить на путь истинный полторы тысячи легконогих олелей было некому, кроме меня.

Я решил понаблюдать за поведением табуна, чтобы вычислить его траекторию и выйти на перехват. Оторвавшись от преследования, мои подопечные успокоились, но пастись продолжали все же на ходу. Теперь я смог бы опередить их, если бы сумел обеспечить скрытность маневра. Умело используя едва заметные складки местности, где пригибаясь, а где и ползком, я таки совершил охват фланга и возник прямо перед носом противника.

И вот, взгромоздившись на ледниковый валун размером с ярангу, я наслаждаюсь господствующей позицией и своей безраздельной властью над множеством живых существ. Теперь все будет, как я хочу, ну, а хочу я... Чего же я хочу? Вот, пожалуй, там угожья подходящие, ни камней, ни высоких кустов, ни склонов, да и кормовые запасы там богатые, разнообразные, нетронутые. К тому же и обдует их немножко, пусть идут лицом... э-э... нет, какое же у них лицо? ...виноват, мордой к ветру.

Торжеству моему не было предела: олени послушно повернули туда, куда я их направлял. Осваиваю помаленьку пастушескую науку! А как же иначе? Мне еще в детстве мама говорила, что я способный.

Табун шел ходко, я спокойно выдерживал положенную дистанцию. Поначалу они что-то щипали у земли своими мягкими губами, потом перестали наклонять головы. Потом они перестали останавливаться, сбились в кучу и... понеслись так, что только ветер свистел в рогах.

Догнал я их за горизонтом, но не было это доказательством ни моих спортивных возможностей, ни моего профессионального уме-

ния. Животных остановила река. И тут я увидел Антона, с выпученными глазами поспешавшего ко мне на помощь.

— Разве так можно? Летом, когда комары, мошка, овода, — он с трудом перевел дыхание, — олени всегда бегут против ветра, могут уйти, потеряться, не догонишь, не найдешь.

— Excuse me, — разозлился я и хотел добавить: «А где ты был раньше?» — но вовремя вспомнил, что Антон и раньше был на своем месте и теперь оказался где труднее, как и положено настоящему руководителю. Нам доверили один табун на двоих, и он добросовестно пас свою половину, а теперь взялся и за мою. — Извини, друг. Кстати, а как у тебя с английским?

— Да так... — замялся Антон. — Не очень.

— Ну, тогда перевожу на русский. Извини, я этого не знал. Да, кстати, а как у тебя с русским?

— Ну... это... более или менее...

— Ах, более или менее? Так, может, тебе на корякский перевести или на эвенкий? Но, понимаешь, у меня здесь скорее менее, чем более...

— Не надо, — расплылся в улыбке мой наставник. Ну, слава богу, договорились!

Увы, хотя, как говорят американцы, только дураки учатся на своих ошибках, но о существовании чужих я просто не подозревал. Зато уж теперь я прочно усвоил урок. Кошку не поверну против ветра, от медведя буду убегать только по ветру!

Ох, нелегко путь познания! До следующей плановой чаевки я добрался совсем без ног. Зато у нас с Антоном был полный ажур: и олени сыты, и они же целы, а больше ничего от нас и не требовалось. Бригадир был доволен: мы развязали ему руки, вместе с Аркадием и Виталием он вылечил еще четверых больных.

Теперь я убедился, что пастьба — процесс такой же непрерывный, как творчество или доменное производство. Скинув сапоги, мы сидели у костра и сушили портянки. А олени все никак не могли успокоиться, то один из них, то сразу несколько поднимались, начинали искать место поудобнее, удалялись и снова приближались к ос-

тавшимися, но бывало, что и не возвращались, а так и продолжали бродить поодаль. Конечно, их следовало подогнать к табуну. Но в голове шевелилась ленивая мысль: а может, они и сами образуются? Однако в мышлении тех, кто имел большой опыт в оленеводстве, чем я, оптимизма было поменьше. Конечно, прерывать полдник никому не хотелось.

Аркадий, не выпуская из рук кружку с чаем и увесистый мосол, прямо босиком направился по острым камням на ближайший бугор, уселся на вершине и, издавая резкие горловые возгласы, направлял уходящих в его сторону оленей обратно. Управившись с едой, он подошел к костру за очередной порцией.

Несколько важенок (видимо потерявших телят) сделали попытку уйти. И опять все тоскливо соображали — надо за ними бежать или обойдется на сей раз? Я понял, что мне не следует полагаться на привилегированное положение гостя, уступать все права на нежеланную прогулку хозяевам. К тому же, рассуждал я, если к этому праву прилагается соответствующий мосол, то тут, кроме моральных, есть и серьезные материальные стимулы. Ну я и отважился. Сразу выяснилось, что и северная тундра не так холодна, и камни не столь остры, а самое главное — ближе к кости мясо действительно слаще.

В конце концов табун уgomонился, портянки высохли, а мы все съели и все выпили. Олелей пошел куда-то за куст. Через некоторое время он появился, неся груды крепко укатанных снежков. Чтобы не замерзли руки, он втянул их в рукава и бережно прижал свою холодную и мокрую ношу к животу. Большую часть он аккуратно разложил по краю кострища, остальное набросал на угасшие, но еще дымящиеся угли, затем тщательно вмял снег каблуками в торфянистую почву. Ни одна искорка не должна выжить, иначе она возьмется размножаться и пожирать тундру.

Страшное дело — подземный пожар. Огонь нечасто вырывается наружу. Кругом дым, а где горит, неизвестно. Желтые язычки пробегают по ягелю то здесь, то там и снова нырнут в глубину. Долго ползет беда по пастбищам, вспыхивая ярким пламенем на массивах кедрача и останавливаясь лишь перед реками, болотами и скальными сте-

нами. Печальны итоги, огромны пространства черной пустыни, на десятилетия исключенной из круговорота жизни.

— Вот у вас, — обращается ко мне Олелей, — с кострами вроде хорошо. Смотрел я, на камнях, на песке разводите огонь, на тундре, бывает, окапываете. А когда банки бросаете, старый полиэтилен, это мне не нравится. На жестянку олень наступит, под ногами у него пленка неожиданно зашелестит, он испугается. Весь табун может броситься бежать, копыта посбивает, падеж будет. Вы убирайте за собой, мусор сжигайте или зарывайте.

Небо понемногу затянулось тучами. Упали редкие, крупные, необычные для Камчатки капли дождя. Олени вдруг начали вздрагивать, нервно вставать, переминаться с ноги на ногу, подергивая кожей.

— Сейчас, во время лета овода, — пояснил Аркадий, — у них повышенная тактильная чувствительность.

Любое, даже самое легчайшее прикосновение они воспринимают как угрозу, панически боясь паразитов. Подкожный овод нападает на табун в июле — августе, он садится на шкуру и откладывает в шерсть множество мелких яичек. Спустя два-три дня из них выведутся белые червячки, через волосную сумку проникнут в тело животного и будут расти до следующего лета, как жуки-древоточцы, выедая себе ходы в мягких и чувствительных живых тканях. Достигнув размеров зрелости — до трех сантиметров в длину при сантиметровой толщине, — наглый паразит прогрызает дырку в коже и вываливается наружу. Накопленных за счет хозяина запасов ему хватает для всех дальнейших циклов развития вплоть до стадии крылатого насекомого, в первый же день появления на свет готового к решающей атаке. Черви буквально пронизывают тело оленя, их количество достигает двух тысяч на одну несчастную голову скота. Нестерпимые мучения выпадают на долю оленя.

В прежние годы я много раз наблюдал такую картину. Заслышав знакомое жужжание, олени сбиваются в плотную массу, инстинктивно стараясь уменьшить уязвимую поверхность тела, трутся боками друг о друга. Табун начинает вращаться, олени бегут по кругу, боясь лишиться защиты соседей, все быстрее, быстрее... Копытами они за-

девают друг за друга, за камни, за кусты. Раны, царапины, ссадины превращаются в нарывы, инфекция беспрепятственно проникает в истощенный организм. В табуне, пораженном оводом, копытка собирает обильную жатву. Чуть не каждый второй олень становится прямой или косвенной жертвой крылатого убийцы.

Борьба с оводом велась испокон веков. Но какими были возможности коряков и чукчей раньше? Для отвлечения насекомых от стада чумработницы раскидывали на пастбище белые шкуры. Что ж, некоторое количество паразитов попадалось в эту ловушку. Но было их такое великое множество, что с лихвой хватало и на живых оленей.

Созревшие личинки пастухи выдавливали руками и уничтожали, как деликатно выражаются авторы брошюр об опыте передовиков.

В.Г. Богораз говорит определеннее — съедали. Но если в каждом олене по две тысячи червяков, то в трехтысячном табуне кишмя кишат миллионы отвратительных тварей. Мыслимо ли известить всех? Да и черное свое дело они уже успевали к тому времени сделать.

В шестидесятых годах зоотехникам Севера пришла в голову идея использовать препарат байтекс, разработанный в ГДР для борьбы с африканской мухой цеце, вызывающей «сонную болезнь» скота. Эксперимент удался. Однократная внутримышечная инъекция убивала до девяноста девяти процентов личинок. Действенность этого средства Аркадий продемонстрировал мне на своих замшевых штанах. На них можно было заметить две-три маленькие круглые заплатки, так коряжские мастерицы заделывают отверстия, через которые выбиралась наружу уцелевшие черви. Кроме того, бросалась в глаза масса светлых точек, штрихов, коротких полосок. Это, сказал Аркадий, следы погибших подкожных паразитов.

Поголовная обработка байтексом проводится сейчас каждое лето. Препарат настолько ядовит, что оленина становится после укола непригодной в пищу в течение месяца. Кроме того, несколько раз за летовку предпринимается уничтожение яицек овода, из которых еще не вывелись червяки. Ранцевым опрыскивателем пастухи орошают шкуру каждого оленя. Можете представить, насколько пострадали бедные животные от жестоких паразитов, если под струйки хлоро-

фоса они бросаются с большим нетерпением, чем на сочные побеги тальника, чем на грибы, чем даже на соль.

Успехи коряжской ветеринарии несомненны. В конце восьмидесятых мне ни разу не довелось увидеть, как вращается в панике табун. Да и самого овода, которого Аркадий хотел продемонстрировать мне в качестве наглядного пособия к своим лекциям, пришлось караулить очень долго.

Кроме подкожного овода, объяснял ветврач, существует и другой — носоглоточный. Этот — живородящий, действует еще более изощренно, чем его гнусный собрат. Подлетая к оленьей морде на пять — десять сантиметров, он пускает прямо в ноздри струйку белой жидкости, в которой извиваются сотни маленьких червячков. Беспрепятственно пробираются они в горло, быстро набирают вес и образуют в зобу огромный ком. Против этих не поможет опрыскивание, но внутримышечная инъекция уничтожает и их.

Хватает врагов у оленя. Не дают они пастухам ни покоя, ни отдыха. Не дремлют медведи. Свой ясак собирают волки, росوماхи, орлы. Даже вороны наносят урон, нападая на беззащитных новорожденных оленят. Только каждодневная, ежечасная забота уберегает табун от всех бед. Тяжела работа оленевода. С малой толикой трудностей успел я познакомиться, и мое уважение к этой профессии еще больше укрепилось. И с искренней признательностью выслушал я комплимент Олелея:

— Я бы тебя взял в свою бригаду. Захочешь — приходи, будешь пастухом.

Единоначалие

— Николай Васильевич, говорят, — с предельной осторожностью обращаюсь я к Олелею, — завтра перекочевка?

— Кто говорит? — вскидывается Олелей.

— Да... понимаете... Я от Аркадия слышал.

— А при чем Аркадий? Кто здесь начальник? Аркадий начальник? Я здесь начальник, как скажу, так и будет! — горячится Олелей, но спустя минутку меняет гнев на милость: — Завтра перекочевка. Я так решил.

В тундре, как в море, — единоначалие. В экстремальных ситуациях не до дискуссий, надо действовать твердо и незамедлительно. А ситуаций неэкстремальных в кочевой жизни просто не бывает. Однако здесь нет и отдаленного подобия армейскому чинопочитанию: у кого на звездочку больше, тот и умнее. Зато есть понимание приказов и распоряжений и их сознательное исполнение. Ну, а когда они остаются непонятными, так тоже бывает, — доверие к руководителю, его опыту и авторитету.

Я слышал, как Олелей докладывал на общем собрании бригады (отсутствовала одна ночная смена) о планах на завтра: как надо пре-

одолевать перевал к бухте Сомнения. Это была настоящая лекция профессора, и студенты внимали, не замечая ничего вокруг. Тишина стояла такая, что слышен был шорох каждой былинки. Патриарх говорил долго, рисовал палочкой на земле карты местности, схемы передислокации табуна и сопровождения. Когда голова колонны поравняется с этой скалой, обращался Олелей к одному пастуху, ты будешь стоять здесь, а тебе, поднимал он взгляд на другого, необходимо прикрыть вот это опасное направление.

Затем были многочисленные точные вопросы и обстоятельные, исчерпывающие ответы, и хотя обсуждение велось на корякском, даже у меня не осталось никаких неясностей. Когда есть что понимать, понять всегда можно, у любого настоящего дела — один язык.

Однако опыта и умения, какими бы непревзойденными они ни были, для тундры маловато. Здесь не управляют войсками с тылового КП, в самые ответственные моменты надо быть впереди, на белом коне. И без личных физических данных результата не добьешься.

— Как здоровье, Николай Васильевич? — поинтересовался я, появившись на стойбище.

— Ох, плохо, — по-стариковски заскрипел бригадир, — ноги совсем не ходят.

Что верно, то верно. Ноги у Олелея вообще отказываются ходить. Единственное, на что они еще годятся, это бегать. Бегают патриарх наперегонки с оленями, наравне с молодыми пастухами, не давая себе никакой поблажки, а ночью стонет в палатке от ревматизма. Его лучшие времена, конечно, позади, но зато что это были за времена! Олелею есть что вспомнить.

Когда-то хаилинский чемпион по бегу выезжал на окружные, областные, зональные соревнования по национальным видам спорта в Палану, Петропавловск-Камчатский, Магадан. Я был заинтригован — а как он там выступал? Но — уж это пастушеское самолюбие — на какой козе к нему подъехать?

— Ну, и как... — робко зондирую я, но потом все же конкретизирую свой интерес, — какие места вы там занимали?

— Как это какие? — обижается Олелей. Ну вот, черт меня дернул с

моей репортерской настырностью! Но бригадир неожиданно расплывается в непосредственной детской улыбке: — Конечно, первые!

Самый быстрый, самый ловкий, самый несгибаемый. Шли годы, убывали силы, но оставалась привычка во всем быть лучшим. Как удержаться на гребне успеха? И Олелей меняет вид спорта. Он принимает решение переквалифицироваться в штатного чемпиона по гонкам на оленьих упряжках. Одна призовая важенка за другой пополняют личный табун победителя. И сколько же лет его последнему трофею?

— Э-э, — досадливо жестикулирует экс-чемпион. В восемьдесят девятом впервые отвернулась от него удача. Слишком сжился он со своей непобедимостью и накануне соревнования легкомысленно нарушил спортивный режим. Утром проснулся — голова болит, все тело ломит. Какие там гонки?

Однако в гости заглянул сосед. «Да брось, не переживай, — махнул он рукой слишком оживленно. — Запрягай. Я тебя вылечу», — и поставил на стол трехлитровую банку. Основательно полечившись, друзья-соперники в обнимку направились к месту старта. Их упряжки волею жребия оказались рядом. Главное — оторваться от основной массы, а там... Друг-соперник выразительно похлопал по кухлянке. За пазухой явственно обозначилось что-то похожее на полено.

Пока идеальный конус Наюю едва различался в морозной мгле, олени шли рога в рога. Но по мере приближения сопки, служившей поворотным пунктом шестидесятикилометровой дистанции, прекрасно вышколенные быки Олелея понемногу ушли вперед. Да и могло ли быть иначе? Ведь хозяин холил их, кормил, поил и тренировал целый год, начиная с предыдущего финиша. Рядом держался и сосед.

Уже за горой, совершив разворот в сторону поселка, Олелей оглянулся. Доброхот-врачеватель оказался тут как тут. Не много времени потребовалось спортсменам, чтобы в бутылке булькнуло по три раза, зато сразу прошли головные боли. Правда, и с лидерством пришлось распрощаться. «Хо-о!» — крикнул Олелей, и его могучие ездовые, не привыкшие видеть никого впереди себя, рванули с места.

Уже на полпути к Тылговым снова лишь снежная целина рассти-

лалась перед глазами каюра. Но и демон-искуситель не отставал. Тут еще вон сколько осталось, — потряс он бутылкой вдогонку удаляющемуся в гордом одиночестве признанному фавориту. Разве можно оставлять столько зла на дне? И Олелей притормозил резвый бег упряжки.

Голова не болела, тело не ломило, но и азарт уже не мучил гонщика. Пластом лежал на аргизе главный претендент на белую важенку, когда упряжка выкатилась на русло Тылговаям. Надо было бы попридержаться нарту, да где там... Ударившись головой об лед, Олелей погрузился в небытие. Наверно, он пришел в сознание сразу, потому что преследователи еще не добрались до реки. Олени стояли рядом, ожидая хозяина. Но пока, падая и поднимаясь, он устраивался на привычном месте седока, стало уже поздно. Впервые в своей жизни Олелей стал бронзовым призером.

И все же главным его спортивным достижением был выигранный вчистую совершенно необычный кросс-марафон. Делая майским утром обход маточного табуна во время отела, он обнаружил мечущуюся в крайнем беспокойстве важенку. Еще вчера, разрешившись от бремени, она съела послед и осталась рядом с крохотным олененком, лежащим на снегу несколько на отшибе от общего «родильного дома», устроенного на прогреваемом солнцем склоне в уютной, закрытой от ветра долине.

Другие младенцы уже пробовали вставать на свои тонкие подгибающиеся ножки, некоторые даже ходили вслед за мамой и пристраивались к ее теплomu вымени, а этот появился на свет не очень вовремя — на закате солнца, и не очень на месте — рядом с кустом, за которым начинался сплошной массив стланика. Олелей еще вечером подумал, что надо бы переложить его подальше от зарослей, а то, не дай бог, подкрадется ночью волк, да и кто только ни охоч до беззащитных каюю. Однако брать на руки новорожденного требовалось с великими предосторожностями. Если мама почует человеческий запах, исходящий от собственного ребенка, она может отказаться от своей кровиночки. Олененка нельзя прижимать к одежде, его можно брать только за ноги, при этом камусные рукавицы должны быть предвари-

тельно обработаны кедровой хвоей или багульником. Вчера на это не хватило времени. Слишком много забот у пастухов во время отела, то тут, то там приходится поспевать повивальным дядькам.

Наутро Олелей отправился к оставленному в ненадежном месте теленку и еще издали почуял неладное. И все же по пути ему пришлось оказать помощь еще двум важенкам. Подойдя к кустам, он услышал урчание и чавканье. Лохматая росомаха с жадностью, давясь большими кусками, пожирала то, что еще несколько минут назад было нежным, трогательным созданием с длинными ножками и печальными глазами.

Разъяренный, пастух бросился на хищницу. Росомаха медлительна, не слишком ловка, и Олелей вполне мог рассчитывать на успех в этом отчаянном своем выпаде. Но кусты были слишком близки. Стланики — родная стихия всех зверей. Конечно, кустарник — серьезное препятствие для кого угодно, но больше всего он мешает человеку, который, увы, не умеет бегать на всех четырех. Росомаха же, со своими железными лапами и каменными плечами, прошивает заросли в любом направлении, как челнок.

Олелей видел, что массив стланика вскоре заканчивается, за его краем разбойница должна выйти на ровную тундру, где ей не удастся скрыться от возмездия. Однако все получилось не так. Росомаха оказалась хитрее, чем ожидал человек. Вырвалась на простор она не в противоположном углу массива, а гораздо ближе. Это вроде бы создавало для нее наибольшую опасность, но зато выскочила она не на черные проталины, а на глубокий, раскисший от весеннего солнца рыхлый снег.

Никто не может тягаться с росомахой на вязких грунтах. Там, где другие постоянно проваливаются, «хитрый зверь» с медвежьими лапами и собачьим весом как бы парит над поверхностью, словно Христос, шествующий по водам, аки посуху. После обильных безветренных снегопадов росомаха властвует повсюду. Загоняет и берет едва живым обессилевшего лося, добывает прыткого зайца.

Олелей понимал, что не удержится за хищницей и часа. Не беда, главное — не упустить ее из виду. Правда, выйдя на снег, росомаха

оставляла за собой глубокий след. Но если она сама совсем пропадет из поля зрения, поди догадайся, какой маневр она проделает в конце снежного массива?

Пастух, не разбирая дороги, мчался вдогонку, с трудом вытаскивая ноги из жидкой каши. Поднявшись на небольшой пригорок, он едва не закричал от радости: снег заканчивался, и хищница тяжелыми косячками скачками преодолевала широкое бурое пространство оттаявшей тундры. Олелей прибавил ходу, хотя, казалось, не было для того никакой возможности. Силы ему придало предчувствие близкой победы. Но и разбойница поняла, что до противоположного края открытой земли она не дотянет, и резко взяла влево.

Крутой склон хребта был покрыт глыбовой осыпью. Для росомахи, как и для медведя, подъем предпочтительнее спуска — задние ноги у нее длиннее передних. Что ж, решил Олелей, лишь бы ты не ушла здесь — на том склоне будет мой верх! Камни сыпались у него из-под подошв, сапоги срывались, то и дело приходилось помогать себе руками, иногда даже карабкаться на четвереньках. Зверь ухотил в отрыв. Из-под его лап вылетали, словно пущенные катапультай, большие угловатые глыбы. Если уж ловкости у хищницы не хватало, то сил было в избытке. А на подъеме не выручат ни ловкость, ни хитрость, здесь все решает сила, только сила. И еще выносливость.

Росомаха вела борьбу на своей территории, условия диктовала она. Судорожно глотая воздух открытым ртом, Олелей взобрался на гребень, рассчитывая на скорый реванш. На спуске если он и не догонит хищницу, то уж во всяком случае многое отыграет. А там посмотрим...

Но за хребтом его ожидал новый сюрприз. Свернувшись в тугой упругий клубок, зверь катился вниз в лавине камней, набирая скорость и не обращая внимания на увесистые булыжники, то и дело бьющие по корпусу. Броня из крепких, эластичных мышц могла выдержать и не такие удары!

В долине начиналась кочковатая тундра. Здесь неуклюжие движения росомахи не очень бросались в глаза, она шла по дистанции вполне прилично. Но и для пастуха бег по кочкам — не в диковинку. Сколько себя помнил Олелей, ни одна трасса спортивных состязаний

ний не пролежала по гладкой равнине, ни одно пастбище не обходилось без рытвин, колдобин, бугров и ухабов. Оглядываясь на преследователя, россомаха раз от разу убеждалась, что расстояние неумолимо сокращается. Тогда она решилась на крайние меры. Слегка пригасив скорость, она отпрыгнула на мох наспех проглоченные куски мяса.

Пробегая мимо, Олелей успел заметить нежную пятнистую шкуру, вспомнил пугливого каюю, пытающегося встать на слабенькие, дрожащие и подгибающиеся ножки, и ярость охватила его снова. Огромными прыжками, распластываясь в шпагате над прихотливыми переплетениями карликовой березки, он помчался вперед. Однако тут на его пути возникло новое препятствие.

Прибрежные тальники кое-где освободились от снега, но иногда, придавленные навалившейся массой, вдруг распрямлялись от малейшего сотрясения, кололи глаза, цеплялись за ноги. И самый коварный зверь всея тайги, словно почувствовав это, стал прыгать прямо по захороненным вершинкам, и, не преграждая дорогу ему, целые кроны ивы одна за одной вставали перед человеком.

На той стороне пойменной трущобы взгляду открылось широкое речное русло. Легкий зверь уверенно преодолел заснеженную равнину. Пастуху пришлось продвигаться медленно и осторожно. Ненадежен слоеный пирог сугробов, наледей, пустот и текучей воды. Невозможно угадать заранее, где пройдешь без происшествий, где вдруг провалишься в сказочно сверкающую ледяную пещеру, а где ухнешь по уши в бурлящий поток.

...Солнце клонилось к закату, когда россомаха впервые легла отдохнуть, немного оторвавшись от преследования. Силы совсем было уже покидали Олелея, когда он понял, что может выиграть эту гонку. До этого он просто бежал — поначалу в порыве гнева, потом без всяких мыслей, просто по въевшейся в плоть и кровь привычке не уступать никогда и никому. Но чем дальше, тем чаще появлялись сомнения: да мыслимо ли это? И вот он убедился: да, мыслимо! Неутомимая россомаха, не знающая себе равных во всем зверином царстве Севера, устала!

За следующим хребтом хищница стала устраиваться на лежки через каждые двести — триста метров. Конечно, вымотался до предела и Олелей. Но цель была уже так близка! Зверь и человек едва шли, с трудом преодолевая преграды, которые еще три-четыре часа назад они перемахивали одним прыжком. Каждый понимал, что надо сохранить силы для решающей схватки.

Росомаха теперь встречала преследователя, глядя ему прямо в глаза. Светлая, почти белая шерсть на ее заливке резко контрастировала с совершенно черной злобной мордой, хищница слегка подавалась назад и пригибалась к земле, напряживая мышцы. Она выставляла словно напоказ свои длинные стальные когти, оскаливала острые белые клыки, перегрызавшие шею коню. Зверь запугивал: посмотри, на кого ты хочешь занести руку! Даже сохатый, не уступающий дороги медведю, здоровый молодой бык, одним ударом страшного копыта наповал убивающий охотничью собаку, становился моей добычей! Куда тебе, двуногому, слабому!

Впервые встретившись взглядом с росомахой, Олелей вдруг понял, что совершенно безоружен. На зверя он бросился с голыми руками. Карабин, копье, даже палку он оставил там, на месте отела, когда помогал важенке...

Холодной молнией прожгла мысль: что делать? Нет, не об уходе с поля боя он думал. Нельзя дарить жизнь наглую разбойнице. Нападать, атаковать! Вперед, только вперед! Но как?

...Еще издали присмотрел Олелей высокие заросли прибрежного тальника и ольхи на том берегу протоки. Немного отпустив росомаху, он вытащил нож и одним ударом срубил крепкую ивовую палку. Не спуская глаз со зверя, он срезал все лишние ветки, открыл надетую на пояс шкатулку, сделанную из жесткой, словно фанера, моржовой кожи. Здесь у пастуха всегда на случай срочного ремонта запасены нитки, веревочки, ремешки... Длинной шивкой из оленьей сыромятины он накрепко примотал нож к концу палки. Теперь он был с копьём!

Словно стальные клинки, скрестились взгляды врагов. Росомаха уже не запугивала, она готовилась к решающему прыжку. «Победно-

му», — читалось на ее морде. «Последнему», — выражали решимость глаза человека.

Удар копьём застал ее в воздухе. Хирургически точный укол между ключицей и шеей. Анатомию Олелей знал хорошо. Хищница рухнула к его ногам бездыханной...

Этому рекорду Олелея суждено навеки остаться непобитым. Больше за росомахами бригадир не бегал. Догонял ли он еще кого-нибудь? Ну, это уже мелочи. Тарбаганов на тундре брал угоном, добывал копьём. А на медведя с копьём не ходил? Пастухи, вообще-то, не охотятся специально. С копьём несли они раньше охрану табунов. Карабинов на всех не хватало, вот и приходилось полагаться на холодное оружие. Однажды Олелею пришлось столкнуться с медведем носом к носу. Тот подкрадывался к стаду, пастух преградил ему путь.

Топтыгин попался не из слабонервных. Приблизившись шага на три, он начал переминаться с ноги на ногу и громко фыркать. Но опытный пастух не поддался давно знакомым медвежьим хитростям. Когда двое косопалых встречаются на спорной территории, они так и пытаются сначала прогнать друг друга. Это не объявление войны, даже не угроза, просто привлечение внимания к своей персоне в надежде, что противник уйдет сам.

Но противник не уходил. Тогда косматый рассердился не на шутку. Встав на дыбы и оценив обстановку, он утвердился затем на всех четырех, подался вперед, задвигал ушами и засопел, весь дрожа от сдерживаемого напряжения. Пастух окаменел на месте и тоже слегка подался вперед. Нет, он не угрожал нападением. Он только давал понять, что дорогу не уступит.

Уверенность человека чувствуют не только олени. Уважая силу, Михаил Иванович решил не лезть на рожон, проявил благоразумие. Это сразу стало видно по тому, как он вдруг расслабился и отвел взгляд. Затем мишка с достоинством повернулся и не спеша отправился восвояси.

Ну, а прочие конфликты с косматым племенем пришлось уже на то время, когда почти все пастухи имели карабины.

Возвращался недавно Олелей на сером мерине из Хаилина к себе в бригаду. Перед выходом долины Хатапваям из Пылгинских гор на равнину промелькнула в кустах клочковатая шкура медведя. Затем она попала на глаза снова. Неспроста это, забеспокоился кочевник. Когда облезлый старик вышел на тропу в третий раз и остановился, ожидая всадника, Олелей уже знал, что времени на размышления ему не отпущено. Этот — голодный, отчаявшийся, беречь себя не будет. Встречу с человеком он воспринял как последний шанс, да и терять престарелому особенно нечего, жизнь ему не слишком мила. Выстрелил Олелей прямо с седла.

Пришел он в себя в чистом поле, с удивлением понял, что лежит босиком. Не сразу возвратилась ясность ума, только по следам да обрывкам воспоминаний сумел он выстроить связную картину происшедшего. Сначала нашел портянки, потом — сапоги. Неподалеку валялся карабин, рядом с ним — медведь, упокоившийся без лишних мучений на своей последней боевой позиции.

После выстрела конь рванул вскачь, Олелея выбросило из седла. Спасло его лишь то, что сапоги сидели на ногах немного свободно. Сначала вытряхнуло из сапог на очередном ухабе его самого, затем выпали из стремян сапоги. К счастью, все оказалось целым и невредимым. Последним нашелся серый мерин, запутавшийся сбруей в ольховом стланике. Олелей собрал вещи, заседлал коня и, спокойно объехав с наветренной стороны поверженного врага, продолжил путь.

Ни в одном из слагаемых кочевой жизни нет Олелею равных. Я наблюдал много раз, как он управляется со стадом. Подходит старый пастух к оленям не торопясь, суетливых движений не делает, каждый жест его приобретает какую-то округлость, да и сам он становится пластичным, как балерина. Тихо посвистывая или ласково приговаривая что-то по-корякски, он идет по табуну, и олени лишь слегка расступаются перед ним. Такого доверия они не выказывают ни к Виталию, ни к Гаррику, да и к Володе — самому доброму из всей бригады. Ахальхут весь внимание и забота, но табун все же предпочитает иметь дело с Олелеем.

Даже инстинкты у оленей меняются: полезные — усиливаются, вредные — ослабевают, а то и исчезают. В кустах животные не теряются, от товарищей не отдаляются, вверх по склону не устремляются и даже бежать против ветра теряют всякую охоту. Бригадир не гоняется ни за кем, палкой не размахивает, он просто идет сзади, вот и вся пастьба.

— Хэк, хэк, — негромко произносит Олелей, и табун поворачивает влево.

— Хэу, хэу, — говорит он, когда надо взять правее. В общем, дело делается само по себе. И зачем тогда в бригаде столько пастухов?

— О, да, — расплывается в улыбке Олелей. — Раньше мы с их отцом, — кивает бригадир на Антона, — вдвоем пасли. Я днем, а он — ночью. Говорили с оленями одинаково, даже подходили к табуну как он, так и я, вот и управлялись безо всяких помощников.

Каждому ясно: Олелей — личность, и руководит людьми с полным на то основанием. Поэтому все его приказы и распоряжения, даже довольно сомнительные, выполняются беспрекословно.

Рассказывают: выяснил начальник, сколько дров оставили ночные дежурные на только что покинутом стойбище. Посчитал, что мало. Велел им отправиться назад, пополнить запасы до нормы, что и было без промедления сделано.

Или: попросил как-то Олелей взрослого пастуха принести ему со стойбища пять сигарет. Подчиненный повернулся через левое плечо, легкой ногой отмерил четыре километра туда и четыре обратно. Предупредительно подал руководителю нераспечатанную пачку. Тот аккуратно достал пять штук, остальные протянул младшему по званию: «А это отнеси обратно», — и приказ был тоже выполнен без возражений.

Не стать чужим

Инстинкт самосохранения оберегает жизнь не только человека, но и целого народа. Даже неживая система, если она достаточно совершенна, функционирует в режиме гомеостазиса, то есть самоподдержания необходимых для ее существования условий. Пока что система ценностей, созданных жителями Севера, не обеднела настолько, чтобы неудержимо покатиться вниз, она еще в состоянии излечиться от недуга, окрепнуть и расцвести вновь. Для этого надо лишь снять давление извне, не мешать свободной передаче традиций, воспитанию подрастающего поколения.

В стране, где все мужское население — воины, даже внешний вид оружия способен поведать о многом. Дед Виталия Нинани, восьмидесятишестилетний Иван Семенович Коммо, рассказывал мне, что в начале века делом чести любого пастуха было содержать копье в безупречном порядке. Позор для мужчины, если его пойгын окажется ржавым или тупым.

И карабин в руках пастуха надраен всегда так, что зайчики пускает. Чтобы уберечь от сырости самые ответственные детали, коряки обматывают затвор мягкой замшей, а на дуло надевают кожаный колпачок.

Для повышения точности боя они зачастую прилаживают к стволу легчайшие сошки из хорошо высушенного дерева, не нарушающие центровку, если приходится стрелять из положения «стоя», но позволяющие вести огонь, как из станкового пулемета, в положении «лежа».

В первый же вечер на таборе Олелея я убедился, как много внимания уделяет каждый член бригады личному оружию. Пришел пастух с дежурства, устроился в палатке, выкрутил шомпол, достал ершик, масленку — и начинает драить, протирать дуло, разбирать и смазывать магазин, затвор. Только после этого карабин занимает свое почетное место у стойки палатки и ремешком, пришитым к дульному колпачку, крепко прихватывается к колу.

Оружие нужно пастухам не для парадов и смотров. Стреляют они как снайперы. Расскажу лишь об одном эпизоде. Старый коряк Абрам Абрамыч, которого мы, конечно, сразу прозвали Рабиновичем, хотя его настоящая фамилия была Улей, заготавливал юколу у озера Атиюль на полуострове Говена. Уже два раза его юкольник почти дотла разоряла огромная бурая медведица. У бывшего пастуха осталось всего три патрона. С таким боезапасом идти на медведя не рекомендуется — очень уж крепкий на убой, опасный зверь. Но Абрам Абрамыч устроил-таки засаду у юкольника.

Медведица не уступала возрастом и опытом охотнику. Она пробиралась по кустам осторожно, не выдавая себя ничем. По крайней мере, я ничего не замечал. Точно так же не находил ничего подозрительного в зарослях и Абрам Абрамыч. Насторожило другое: «Однако, что-то чайка ругается». И карабин на боевом взводе был тотчас изготовлен к стрельбе. Приблизительное местонахождение цели тоже стало ясно. И когда медведица всего на пару секунд встала на задние лапы, приподнялась над кустами и осмотрелась, маленький пенсионер выстрелил в ее сторону почти не целясь, навскидку. Медведица медленно опустилась и исчезла в трущобе.

Абрам Абрамыч выкрутил шомпол, достал ершик и принялся методично чистить ствол.

— Ушла? — полуутвердительно спросил я.

— Однако, попал, — возразил Рабинович.

Я не очень поверил этому — слишком бесшумно закончилась охота. Какой рев поднимает косматый, когда в него попадает пуля, я знал. И отправился на поиски следов, каплей крови на земле — обычных доказательств того, что ты хоть как-то зацепил зверя выстрелом.

На том самом месте, где она в первый и последний раз продемонстрировала нам свой поясной портрет, лежала без движения старая хищница. Вскрытие показало, что пуля прошла как раз между ключицами. Абрам Абрамыч подарил разорительнице легкую смерть. Долго мучиться ей не пришлось. Она вряд ли успела даже осознать, что разбойная ее жизнь закончилась.

Виталию Нинани тоже приходилось отражать медвежье нашествие. Хотя кайнын — рационалист, очертя голову рисковать не любит, все же бывают ситуации, когда он безоглядно полагается на силу. Мамаша с прошлогодками, достигающими поздней осенью габаритов и мощи взрослого мишки, распространяет свои притязания на все живое, оказавшееся на ее охотничьем участке. Совершенно открыто напали однажды на табун три бурых громилы. Виталий стоял на пригорке. Когда стало ясно, что миром дела не решить, он выстрелил в воздух. Вместо того чтобы уйти, двое нападавших бросились на пастуха.

Эхо двух выстрелов, отразившись от стен ущелья, слилось в один раскат грома. Эффектно, как в американском боевике, покатались к подножию бугра два косматых богатыря. Третий, оставшись в одиночестве, счел за лучшее ретироваться, не дожидаясь, пока и его постигнет та же участь.

Случались у молодежи встречи с кайныном на узкой тропе и без огнестрельного оружия. Довелось в свое время Виталию стоять против медведя с одним копьём в руках. «Уходи, — сказал он, глядя зверю прямо в глаза. — Ты меня не возьмешь. Сделай только шаг, заколю!» Вряд ли косолапый понимал по-корякски, едва ли и Виталий отдавал себе отчет в том, какие выражения он употребляет. И для зверя, и для человека главными были не слова, а оттенки голоса. Правильно оценив волевой настрой противника, мишка ушел прочь.

Подрастающее поколение пока еще умеет не только пользоваться холодным оружием, но и изготавливать его. Братья Нинани

рассказывали мне, как делают копья, вернее древки для копий, потому что наконечники, как и ножи, для всей кочевой Корьякии на протяжении столетий куются в селе Парень на западном берегу Пенжинской губы. Главная проблема в этом деле — прямой шест. В довольно редких здесь березняках ищут наименее кривой ствол подходящей длины (для каждого воина — его рост плюс длина локтя) и толщины. Затем его распаривают и разгибают насколько возможно. Окончательная доводка состоит в подтесывании, подстрагивании, подшлифовке оставшихся неровностей.

Знакома нынешняя молодежь и с техникой изготовления луков, багров эльгы для добычи нерестового лосося. В качестве материала для лука выбирается тоже береза — самое крепкое и упругое дерево из всех произрастающих на камчатском Севере. Длина заготовки — около метра. В середине палку оставляют цельной, с нее снимают лишь кору, к краям диаметр сгоняется с четырех-пяти до двух-трех сантиметров. Тетива делается из оленьих жил, разделенных на волокна и затем ссученных в длинную нить. Пока что корякские мальчишки видят такое оружие не в музеях древнего быта. Правда, это не боевой лук, о тех уже и старики не знают, а обычное охотничье оружие, с помощью которого можно добыть зайца, утку, лису. А прадеды били и медведя, тучами стрел осыпали врагов.

Очень просто устроена корякская острога эльгы, камчадалы называют ее мариком. Я помню, пришлось мне делать багор для добычи горбуши. Древко мы вырубили сразу. Острие для багра, что-то вроде большого гвоздя-двухсотки, удалось найти среди подручных материалов только одно. Заточили мы стержень, даже бородки-зацепы ухитрились насечь, но горбыли то и дело срывались, так что хоть и не вымерли мы тогда с голоду, но и поправились не сильно на скудной рыбной диете. Теперь я бы сделал из тех же материалов снасть гораздо более уловистой.

Кочевники изгибают металлический стержень наподобие латинской U. Один конец заостряют, другой на десятисантиметровом поводке привязывают к концу шеста, затем его же некрепко прихватывают двумя-тремя оборотами ремешка. Проткнув добычу, наконечник от

удара выскакивает из-под ременных колец, и как только рыбак рванет острогу к себе, крючок поворачивается в теле рыбыны, которая после этого уже никак не сможет сорваться.

Я спросил однажды у Коммо, приходилось ли ему добывать кайнына копьем. «Что ж, был такой случай». — «Один?» — «Да, только один», — скромно подтвердил старейший житель Хаилина. Ну, а... мало ли... ведь каждому хочется показаться хоть немножко лучше, чем он есть... Однако еще С.П. Крашенинников писал о «правдивых», по его оценке, коряках: «Клятвы у них больше нет, как только «инмокон кеим метин-метик», то есть правда, я тебе не солгу». Охотничьи рассказы кочевников — это совсем другой жанр, чем преподносимое под этим же названием у нас. Ни один из моих собеседников не пытался приписывать себе больше, чем было на самом деле. Впрочем, я же не видел, как было на самом деле... Тем не менее в истинности их свидетельств сомнений быть не может. Залогом может служить мужское самолюбие каждого пастуха.

Развитое чувство собственного достоинства приобретает иногда довольно утонченное выражение. Помню, увидел я, как Аркадий несет очень тяжелый груз. У костра сидели несколько подвахтенных, ничего не делали и смотрели равнодушно на человека, выбивающегося из сил. С готовностью бросился я навстречу, почти силой стащил поклажу с плеч ветврача, дотащил до палаток.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Аркадий. А когда мы остались вдвоем, вернулся к той же теме: — А вот наши пальцем бы не пошевельнули, чтобы помочь, даже если бы ты замертво упал в двух шагах от лагеря.

— Это же надо, — возмутился я, — бесчувственные какие!

Но Аркадий лишь усмехнулся в ответ.

— Нет, — сказал он, — наоборот, очень заботливые. Они не хотят унижить товарища, выразить сомнение в его выносливости и выдержке.

Проявление пастушеского мужского самолюбия граничит подчас с жестокостью. Один из сыновей Олелея уступил дорогу медведю, оставил табун без охраны. Бригадир был взбешен:

— Как ты мог это сделать?

— Но ведь у меня была одна мелкокалиберная винтовка, — оправдывался молодой пастух, — против медведя это не оружие.

— Все равно ты не имел права уйти!

И вместо того чтобы замять дело, не травмировать человека, Олей при каждом удобном и неудобном случае без всякой жалости позорит родного сына, принародно напоминая ему о поступке, недостойном настоящего мужчины.

Самолюбие нужно пастуху не только в критических ситуациях, но и в повседневной жизни. И виду не подаст кочевник, что ему холодно, что он измучен беспрестанными укусами комарья, что моросящий дождик, еще утром вымочивший все до нитки, к вечеру стал совсем невыносимым. Разговоров о выдержке аборигенов я слышал много. Но меня всегда возмущали комментарии:

— А-а, коряки — они привычные!

Да разве они не такие же люди, как все, у них что, кожа дубленая, нейроны из оленьих жил, болевые рецепторы отключены или притуплены ощущения? Ведь нет же! Наоборот, восприятие окружающего мира у них обострено до предела. Обнаженным нервом нужно чувствовать каждое прикосновение, легчайшее дуновение, грохот далеких обвалов и осторожную поступь крадущегося хищника. Иначе среди дикой природы не выживешь. Если пастухи к чему и привыкли, то лишь — не обнаруживать боли, усталости, страха и слабости. Все вытерпеть, все перевозмочь — так понимают они удел мужчины.

В старину самыми прославляемыми подвигами были победы над кайныном. Выходили на бой не за добычей — для самоутверждения. В Хаилине и сейчас живет старик Банрык, лично знавший героя, бросившего вызов косматому хозяину. Человек и медведь начали выяснять отношения заочно, оставляя метки на огромном тополе. Выпрямившись во весь рост, зверь исполосовал своими длинными когтями кору на стволе. Охотник провел копьем глубокую черту еще выше. Пришел кайнын, рассвирепел и дотянулся лапой до первых толстых ветвей. Но и человек не остался в долгу.

После взаимного запугивания сошлись медведь и охотник врукопашную. Отбросив копье, богатырь набил рукавицы камнями и встал

против кайнына. Долго выясняли бойцы, кто сильнее, но так и не выяснили до конца. После этого охотились они на спорной территории вместе и друг другу не мешали.

А когда мы шли по пастбищам, Виталий показал мне на тундре валун и пояснил, что, по преданию, его принес во-он с той вершины былинный герой (имя его Виталий называл, но там, на ходу, я не сумел записать сразу, а потом забыл), а тот валун — другой силач с противоположного хребта. Камни были, прямо скажем, неподъемные...

А еще старики рассказывали, продолжал образованный кочевник, что раньше некоторые пастухи ухитрялись охранять тысячные табуны днем и ночью в одиночку.

— И как они везде успевали, — не выдерживаю я. — Да у них не хватило бы времени, чтобы сварить для себя хоть раз в день!

— Верно, — соглашался Виталий, — они съедали за раз целого теленка, а потом несколько дней обходились без пищи.

— Послушай, а твои старики немного не того? Может, они, скажем так, не очень точно излагали?

Виталий смотрит мне в глаза совершенно серьезно:

— Конечно, они преувеличивали. Но я думаю, что для воспитания молодежи это было полезно.

Я не нашел что возразить. Меня подобное объяснение убедило. Разве у нас не так же? Отними у геологии романтику, приподнятость, преувеличенность восторга, что останется? Мокрые портянки, грязь и холод. Ведь можно сказать, что и меня в свое время так же вот дезориентировали. Ну и что, неужели я в обиде, разочаровался ли я, увидев наконец своими глазами то, что представлялось раньше в каком-то розовом тумане? Нет, я благодарен тем, кто ввел меня в детстве в это заблуждение, кто одарил меня способностью видеть все окружение не таким, как находит его бесстрастный наблюдатель. Красота ведь не существует сама по себе, она открывается лишь человеку, возвышенному духом. Что ни говори, а мудрые были старики, баламутившие души корякских подпасков в недалеком еще прошлом. И очень добрые.

К середине двадцатого века за воспитание пастушеской смены взялись иные педагоги. Нельзя отрицать, они давали подрастающе-

му поколению многое, но не заставляли ли при этом терять еще больше? К тому же то, что они преподавали, в тундре непригодно, а лишался юноша именно того, без чего здесь не обойдешься. Хорошо еще, если на перевоспитание направляли человека сложившегося, в котором уже поселились духи кочевья.

Восемнадцатилетним попал Аркадий Нинани в Омский ветеринарный институт. Учиться пошел по призванию, вжился в студенческую среду без проблем. Контактный, доброжелательный, он не стремился обращать на себя внимание. Только экзотическое его происхождение дало основание местным юмористам назвать его Аркадием Северным. Потомок пастухов без возражений поддерживал легкий тон общения. Да, живем в вечных снегах, ну, конечно, там негде научиться плавать, подыгрывал он друзьям, решившим отвезти его на Иртыш, чтобы познакомить с водой в жидком ее природном состоянии, невиданном на его родине.

— Плавать учатся в омуте, не бойся, Аркаша, ныряй смелее, выкарабкаешься. Ну, а совсем тонуть будешь, не дадим пропасть, — убеждали его опытные спортсмены-пловцы.

Прыгали в воду с кормы старой баржи, стоявшей на вечном приколе.

— Ну, я и нырнул, — рассказывает ветврач. — А был я тогда в прекрасной спортивной форме. Мог задерживать дыхание почти на три минуты. В воде чувствовал себя как рыба, мы же в Хаилине летом пропадали на прудах, мелких озерах, они у нас хорошо прогреваются под солнцем. После прыжка сразу ушел в глубину, обогнул баржу и вынырнул рядом с носом у противоположного борта. Пока меня ждали с той стороны, я выбрался на берег. А они похихикали сначала (утонул, мол, как топор, наш северный друг), потом заволновались, а через пару минут по-настоящему запаниковали, чуть не отлупили тех, кто подначивал: давай, ныряй. Я поднялся по трапу, подошел сзади и тоже начал показывать — а вон, похоже, что-то виднеется. Не сразу сообщали, что вместе со мной утопленника ищут. Ну, конечно, досталось потом, когда кто-то наконец «застукал».

Такой вот обычный студенческий юмор. Обычным был и выпуск-

ник А. Нинани, и распределили его тоже обычно. Как всех. Куда нужнее Родине. Кто-то попал на коневодство в Казахстан, кто-то на совхозное животноводство молочного направления. Аркадия послали в Читинскую область зоотехником овцеводческого советского хозяйства. Долго пришлось потомственному оленеводу обивать пороги. Не находили инстанции причин для удовлетворения прихотей эгоиста, которому домой хочется, к папе с мамой. Только через Комитет народов Севера удалось добиться перераспределения.

Но Аркадий все же редкое исключение. Чаше всего дети кочевников задолго до совершеннолетия становились чужими для тундры. Ясли, детсад, интернат — вот самая накатанная колея. Ширпотреб, общепит, субкультура. Если и случалось погостить в бригаде у родителей, то отнюдь не всем и не слишком долго. Непосильной будет мальчишкам, так и не ставшим мужчинами, работа пастуха, жесткой покажется родная земля после пружинных матрацев, страшными — медведи, невыносимыми — гнус и комары, застынет зимой кочевник интернатовского закала на хребте, словно московская барышня на трамвайной остановке.

Конечно, общедоступное обучение — благо, но хорошо ли, когда оно — обязательное? Не слишком ли большая цена за познания в области физики, химии, русской литературы — потеря родного языка, родной культуры, утрата умения жить среди родной природы?

Вот строки из письма, которое я получил от Аркадия, этого образованного защитника первобытных устоев: «Выражение «борьба за существование в суровых условиях Севера» не соответствует действительности, не было ее в истории наших народностей, а была Жизнь в природе Севера. В какой же борьбе используется столько излишеств, среди которых можно назвать подлинное искусство в изготовлении одежды, утвари, различных предметов промысла, не имеющих вроде к практическому применению никакого отношения? Взять, к примеру, рождение нарт, ведь их можно сделать проще...»

Не было борьбы, как и не принесло счастья «дикарям» повышение их благосостояния и уровня культуры. Ни по ту, ни по эту сторону Берингова пролива, ни на суровом Севере, ни на благодатном Юге

ни одному первобытному племени не стало лучше от распространения цивилизации.

Наш далекий предок во многом походил на нынешних «дикарей», то есть представителей иной цивилизации, это признают специалисты самых различных профессий. Он вовсе не был «зверем» — злым, кровожадным, грубым, уверен богослов, философ и писатель К.С. Льюис: «Современное мнение о первобытном человеке основано на поклонении материальным предметам — главном грехе нашей цивилизации». Наш далекий предок был ниже нас только в этом одном смысле — он не создал дворцов, видеомэгнитофонов, ракет и пулеметов. А что же в прочем? «Современные йоги говорят, что они держат в повиновении те физиологические функции, которые кажутся нам чуть ли не частью внешнего мира, — пищеварение и кровообращение. Не знаю, так ли это, но у первобытного человека это было так. Органические процессы его тела подчинялись закону его воли, а не законам природы». Что ж, невероятная способность чукчи переносить морозы, голод и обжигающие комариные атаки подтверждает подобные выводы. «Сном было для него не наше тяжкое оцепенение, а сознательный отдых — он бодрствовал и наслаждался радостями сна». Примерно как пастух, умудрявшийся пасти табун неделями в одиночку, когда полностью отключиться невозможно было хотя бы на час. «Отмирание и восстановление тканей тоже подчинялось ему, и можно предположить, что он жил столько, сколько хотел». Библейские патриархи жили сотни лет — Мафусаил девяносто шестьдесят девять лет, Иаред девятьсот шестьдесят два года, Каинан девятьсот десять лет, среди чукчей зарегистрированный рекорд поменьше — сто шестнадцать лет, но много ли было этих регистраций? Они стали всеохватывающими именно тогда, когда под давлением цивилизации культура кочевников полностью рухнула, пропала гармония с природой, и регистраторам оставалось лишь наблюдать деградацию свобододлюбивого и гордого народа.

Первобытные люди жили на земле, поэтому они могли видеть небо, слышать голоса космоса, путешествовать в миры духов. В том, что нынешний цивилизованный человек утратил многие самые обычные

качества, убеждают результаты космической медицины. Когда после заточения на много дней в сурдокамере, куда не доносятся извне никакие звуки, человека спрашивают об его впечатлениях, ответы стандартны: больше всего удивили два неумолчных тона — низкий и высокий. Это тоны биения вашего сердца и вибрации крови в ваших капиллярах, объясняют врачи. В шуме и суете нынешней нашей жизни, засоренной огромной массой помех, человеку не слышны даже эти звуки. А ведь под куполом ясного неба, посреди первозданной чистоты и тишины нетрудно было отключиться и от шумов нашего сердца и капилляров. Что мог познать человек, какой зов ниспосылало ему небо? Мы этого, увы, не можем себе даже и представить.

Свободным был индеец в своих прериях, — считает Дж.В. Шульц, проживший многие годы с охотниками племени пиеганов, — а нынешний белый прикован к тачке. Не зная меры в потребностях, люди сделали себя сами вечно озабоченными и несчастными, пришел к неутешительному выводу Диоген. Где уж таким услышать голоса из дальнего космоса!

Какие они несчастные, эти белые, поразился чукотский лидер Амвраоргин, собравшийся ехать в Санкт-Петербург, чтобы просить у Александра II защиты от грабительских экспедиций американских китобоев. Он добрался только до Якутска и не смог вынести тамошней суеты, тесноты и шума. А что бы он сказал о столице империи? А ведь и она казалась многим европейцам захолустьем. «Ад — это местечко, весьма похожее на Лондон», — воскликнул однажды английский поэт Шелли.

Тогда, по контрасту, раем следовало бы признать местечко, похожее на Чукотку, где в гармонии с природой жил на земле человек и способен был слышать голос неба.

Могла ли природа не вознаградить человека за столь бережное отношение к ней? За доброту, слияние с ее духом, за полную гармонию...

Природа наделила человека радостью, счастьем, ощущением блаженства. И здоровьем. Вот какими предстали аборигены Севера перед глазами беспристрастных очевидцев.

«Ловко и красиво сложенный, притом крепкий и мускулистый, способный без труда переносить голод и жажду, холод и зной,

прекрасный стрелок как из ружья, так и из лука, — пишет об эвенах колымский исправник Г. Майдель, — он представляет собой истого охотника, которого самые трудные лишения не могут заставить даже подумать о том, чтобы остаться у человеческого жилья долее, чем безусловно необходимо для промена его добычи».

С кем только ни сравнивали эвенов восторженные исследователи: ламуты — они и цыгане тундры, странствующие рыцари Севера, щеголи дикого захолустья, дворяне тайги, и даже — французы тундры.

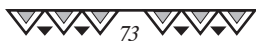
Вот в каких выражениях пишет о ламуте Н.В. Слюнин, врач экспедиции К.И. Богдановича, автор книги «Охотско-Камчатский край»: «Он не знает ни усталости, ни холода, ни голода. Ночует под кустом или в снегу; спит мало, да и то лишь, когда сильная пурга мешает охоте; ест и пьет еще меньше, проходя в день 40–80 верст, и так неделя за неделей по хребтам и долинам».

Карл Генрих Мерк, натуралист экспедиции Дж. Биллингса, — о чукчах, 1792 год: «Они стройные, сильные, выносливые и доживают до глубокой старости. Суровый климат, жестокие морозы, которым они постоянно подвергаются, их частью сырая, частью слегка подваренная пища, которая у них всегда в изобилии, их физические упражнения, от которых они не уклоняются почти ни один вечер, пока позволяет погода, их немногочисленные занятия дают им преимущество силы, здоровья и выносливости. Среди них не встретишь жирного брюха, как у якутов, у которых более зажиточные, называемые обычно их князьями, при хорошей и обильной пище перекладывают тяжелые работы охот-но на более бедных и вместо того услаждаются жирными кусками».

Только одного тучного чукчу встретил В.Г. Богораз за много лет непрерывных разъездов по кочевьям и стойбищам тундры и побережья Ледовитого океана.

Карл фон Нейман, 1871 год: «Чукчи роста высокого, стройно сложены и лицом своим вовсе не напоминают ни монгольский, ни тартарский тип. Манеры у них чрезвычайно приятны и обличают доброту душевную, чувство сознания своей, конечно, физической силы и собственного достоинства».

Чукчи — народ прездоровенный, убежден отец Александр Арген-

тов, настоятель Николаевского Чаунского прихода. В его официальных актах регистрации занесены были корякская старуха ста шестнадцати лет, чукча столетнего возраста, далее — девяностолетние, семидесятилетние, и вообще, они «долго живут», считает православный священник.

Коряки и чукчи ездят на нартах только зимой. Как только распутица прерывает санный путь, кочевник вынужден переносить свой скарб на себе. Пастухи, если надо, перетаскивали на плечах целого оленя, камни весом до пяти пудов. И мужчины, и женщины в состоянии были работать по двое-трое суток без сна. «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки, — пишет штабс-капитан Н.Ф. Каллиников. — Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы и всех невзгод полярной жизни, особенно в их молодые годы». Пешком пастух часто отправлялся в одиночку за несколько сотен верст в гости с одним куском мерзлого мяса. Мальчишка-чукченок прошел четыреста верст, ночуя в снегу лишь дважды.

Виталик Нинани узнал однажды, что в поселке Средние Пахачи умер его любимый дядя Каучан. Сумрачно отреагировал он на известие об уже закончившихся похоронах.

— Узнал бы немножко раньше, — произнес он, — рванул бы на прямую.

— Ты что, — поразился я, — больше сотни километров, хребты, болота, реки. Не успел бы!

— Почему, — возразил Виталий, — за сутки вполне бы дошел.

С большим достоинством переносят кочевники все невзгоды жизни на лоне природы, а это вовсе не то, что представляет себе теплая компания, собираясь на пикник. Комары, мошка жгут буквально как огонь, своими непрерывными укусами способны свести с ума. Рассказывают об отряде ко всему привычных уссурийских казаков, которых комары довели до того, что один молодой станичник принялся срывать с себя одежду, истерично крича: «Нате, жрите!»

Ни одного судорожного движения не сможете вы заметить у чукчи, заедаемого гнусом. Время от времени не спеша, с достоинством проведет он по лицу и по шее, как бы вытирая кожу, и снова вернется

к спокойному обсуждению каких-нибудь важных для него проблем. Но и среди аборигенов встречаются настоящие феномены по этой части. Мой симпатичный знакомый Алеша Нутахмет, ночной дежурный из четвертой бригады Корфского оленесовхоза, летом вообще не отдыхал в палатке. Если было сухо, ложился он прямо на мягкий ягель, закидывал руки за голову и сладко засыпал. Поражались даже опытные пастухи. Это же все равно, что спать, когда тебя поджаривают на медленном огне!

Умение переносить боль — главное достоинство мужчины, это известно по романтическим историям об индейцах, в которых, конечно, далеко не все — правда. Но в этом Майн-Рид, Фенимор Купер и Карл Май не погрешили против истины. Заботливо подсказывали своим врагам новые способы пытки индейцы, под ногами которых пылал костер, — об этом пишут не авторы бестселлеров, а американский философ Генри Торо. Попавши в капкан, собственным ножом делают себе операцию алеуты, — сообщает святой Иннокентий.

Не только активный образ жизни, оптимизм и уверенность в себе делали аборигенов крепкими и долговечными. Они умеют взять от земли и моря все, что человеку надо, и не больше. Не было в их запросах жадности, потребительства, они довольствовались тем немногим, что могла дать северная природа.

Основным их богатством были олени. Пастуху всегда приходилось беречь поголовье. Поэтому и питались животноводы и их семейства летом, как заправские вегетарианцы: ели травы, корни, листья и молодые побеги ивы, не брезговали никаким другим подножным кормом — личинками подкожного оленьего овода, тарбаганами, евражками.

А если уж в меню попадал олень, его использовали полностью, вплоть до пресловутых рогов и копыт. Не пропадала и кровь — ее сливали в огромный, как мешок, олений желудок, перемешивали с листьями ивы и кипрея, корнями и клубнями известных только аборигенам съедобных растений, с обрезками мяса и ставили в теплое место. Получался вылевыль, как его называли коряки; у русских первопоселенцев в ходу было другое название — маняло, блюдо чрезвычайно полезное, калорийное и питательное, и только европейцы могли пре-

небрегать им из-за его специфического запаха и внешнего вида. Сержанты же его очень любили, как и копальхен — квашеную моржати́ну.

Шли в дело и кости. Их долбили камнем, засыпали в котел и вываривали из них костный жир. Мясо, конечно, предпочитали вареное, но часто ели и сырое. Не всегда хватало топлива, чтобы сварить горячий обед, не всегда было на это и время, особенно у пастухов, неделями находившихся в табуне, когда приходилось не покладая рук заботиться об оленях, а не о себе, когда едва-едва удавалось выкроить время на короткий тревожный сон, — и кочевник ел вяленое, мерзлое или просто сырое мясо.

Меня пытался накормить однажды Вита́лик Нинани сырым мозгом. Понимая, что мне трудно пересилить предубеждение, он советовал:

— Ты не смотри на него, представь себе, что ешь мороженое, лубуйся окрестностями.

И как я ни вглядывался в облака над острыми заснеженными вершинами, как я ни напрягался, убеждая себя — это же пломбир, эскимо, — у меня ничего не получалось.

— Да уж ладно, не старайся, бери грудинку, — пожалел меня Вита́лик, придвигая поближе котел с вареным мясом.

Белые путешественники, отдав неизбежную дань европейским предрассудкам, в конце концов убеждались, что более здорового образа питания невозможно и придумать. Карл фон Нейман пишет, что сначала он и его спутники изощрялись в приготовлении своего обеда, используя экстракт Либиха, французские прессованные овощи, всевозможные соусы и приправы, затем махнули рукой на нелепые причуды и перешли на меню кочевников.

Все полярники поражались, замечая, как много жира потребляют аборигены. Собираясь в дальний путь по заснеженным просторам, где слышишь лишь вой вьюги да видишь над головой лишь сполохи северного сияния, чукча всегда выпивал несколько фунтов жира.

Это необходимость, иначе баланс энергии свести невозможно, пришел к выводу Фарли Моуэт в своих скитаниях по бесплодной пустыне Баррен-Граундс. Он пишет, как охватило его жестокое расстройство желудка от постоянного питания тощим, без малейшей

частички жира, мясом оленя-карибу. Несколько ложек сала-лярда тотчас поправили его пошатнувшееся здоровье.

Едят без соли — отмечали все исследователи северного быта. Я успел еще захватить в шестидесятых годах последние отголоски этой ранее всеобщей нормы. Над костром на каждом стойбище в Корякском нагорье висели два казана с мясом, в одном варилось без соли, для стариков, в другом — соленое, для молодежи, выросшей в яслях, детсадах и школах-интернатах и успевшей перенять чужой образ питания.

Старики справедливо упрекали подрастающее поколение, что оно теряет многие способности, без которых в тундре жить плохо. Пастухи прошлых лет не уступали по чувствительности своего обоняния ни волку, ни медведю, да и почему, собственно, человек, не утративший гармонии с природой, должен уступать хоть в чем-то братьям нашим меньшим? Чукча, не употреблявший соли, не нуждался посреди тундры даже в чтении следов. С закрытыми глазами, втянув ноздрями воздух, он мог сказать, что здесь прошел табун оленей, когда прошел, куда и откуда, и какие люди при нем были, а какие почему-то не оставили своих запахов.

Цинга, опустошавшая корабли первопроходцев Ледовитого океана и стоянки полярных экспедиций, была неизвестна чукчам и эскимосам. От дефицита витаминов они не страдали посреди самой суровой зимы, от завоза овощей и фруктов с теплого юга не зависели. Все их дефициты покрывало изысканное блюдо — зеленые щи из содержимого оленьих желудков. Ягель, эта настоящая кладовая ценнейших компонентов, необходимых живому организму, для человеческого питания непригоден. Но когда олень совершил самую тяжелую работу по первичной обработке грубой растительной массы, когда полупереваренный ягель превращается в нежный и легкоусвояемый продукт, почему от него должен отказываться человек? Не выбрасывать же вкусную и здоровую пищу только потому, что «цивилизованные» люди считают ее несъедобной?

Все, что едят, все, что делают аборигены — абсолютно все — надо признать идеальным.

Интересны с этой точки зрения наши нынешние рыночно-гастро-

номические проблемы. На нашу голову, или, лучше сказать, на наш желудок обрушились «лучшие в мире продукты» — бананы, сникерсы, гербалайф, стиморол и т.д., и т.п. Даже если это совершенно доброкачественные продукты, в чем можно усомниться, они не могут принести пользу нашему здоровью, тем более здоровью наших детей. Теперь и в цивилизованном мире становится ясно, что питаться надо тем, что произвела родная природа. Бананы если и полезны, то только жителям банановых республик.

В качестве галлюциногенного средства на Севере использовался мухомор. Его собирали в лесу у южного края тундры, сушили, особым образом обрабатывали. Его принимали шаманы, чтобы облегчить себе общение с миром духов, употребляли старики, очень его любившие. Не позволялось мухоморить молодежи, людям в расцвете сил, еще участвующим в продолжении рода человеческого. Да и у пожилых, с удивлением отмечал в середине прошлого века колымский исправник барон Герхардт Майдель, тяжелых последствий от мухоморной наркомании в виде расшатанного здоровья, ослабленных умственных способностей не наблюдалось.

Много лекарственных растений и других медикаментозных средств знали чукчи. Индийский философ П.Р. Саркар вообще утверждает: в каждой местности растут именно такие растения, которые нужны для лечения болезней, поражающих население именно этой страны. Можно объяснить это совпадение другим образом, но факт остается фактом: насылая одной рукой какие-либо напасти, природа другой рукой дает человеку и средства избавления от них. Чукчи — лишь подтверждение этого вселенского закона гармонии.

Раны, ссадины и язвы они засыпали порошком от гнилушки, и Н.В. Слюнин, судовой врач военного транспорта «Якут», с удивлением отмечал хорошую грануляцию тканей, без следов реактивного воспаления. Девясил, копеечник, шеламайник использовали они с лечебными целями.

Труднообъяснимыми для белого человека были нормы гигиены северных аборигенов. Юстус Либих, основоположник агрохимии, предложил измерять уровень культуры народа по количеству

потребляемого этим народом мыла. Чукчи не употребляли мыла вообще. Троглодитами называли их некоторые европейцы за это и за дикий обычай обходиться без белья, надевая шкуры мехом внутрь прямо на голое тело.

Но вот какая связь прослеживается между неупотреблением мыла и ношением шкур. Волос у оленя длинный, толстый и ломкий, очень гигроскопичный. Постоянно обламываются, обволакивают тело и ссыпаются вниз нежные шерстинки, унося с собой грязь, пот и все выделения человеческой кожи.

Чистым оставался «немоющийся народ», как называли себя сами чукчи. А если бы к голому телу прилегало белье хоть из самого изысканного голландского полотна или китайского шелка? Сгнили бы от грязи и пастухи, обильно потеющие на тяжелой своей работе, кормящие мамы, детишки несмышленные и старики немощные...

Для женщин и детей приготовила природа Севера еще более гигиеничное средство — ягель, буквально всасывающий любую влагу, довольствующийся для нормального роста легким туманом или пробежавшим по земле облачком. Никакие патентованные французские гигиенические пакеты не выполняли своих функций столь идеально.

Есть и еще одна тонкость в проблеме чистоты. Давно ли сама Европа познакомилась с мылом? Хорошо, если двести, от силы триста лет назад. А раньше как жили бедные герцогини, королевы, статс-дамы, маркитантки и крестьянки? Они что, запаршивевшие и засаленные, только и делали, что чесались и блох ловили? А кто же поко-рял, вдохновлял мужчин и кружил им голову?

Ну, допустим, изобрели бы и сами чукчи мыло. Но много бы дало оно без воды? А вода, в жидком ее состоянии, была для чукчи посре-ди безбрежных снежных просторов большим дефицитом. Как из-вестно из физики, чтобы перевести твердую H_2O в жидкую ее фазу, необходимо затратить восемьдесят калорий на каждый кубический сантиметр.

Если этих калорий не хватало даже на то, чтобы сварить по-настоя-щему мясо, которое ели скорее подогретым, где же напасешься энер-гии для умывания? А еще и умыться негде. В яранге тесно, кругом шку-

ры, а намочишь, забрызгаешь шкуру, она сразу смерзается и перестает греть, а это уже смертельно опасно в арктическую стужу. Мыться в сторонке от жилья при минус пятидесяти с ветерком? Вряд ли какой любитель чистоты согласится на подобную пытку. Обтираться снегом? Снег на Чукотке мягок примерно так же, как алмазный наждак.

Пробовали европейцы в гостях у чукчей обтираться одеколоном вместо умывания. Но заметили, что хозяева испытывают острую физическую боль от запахов, обжигающих их нежное обоняние, и, как люди воспитанные, были вынуждены прекратить это издевательство и перенять образ жизни туземцев.

Дело было даже не в гигиене. Матерчатое белье пришельцев, всевозможные свитера и рейтузы стесняли движения, вымокали от пота и переставали защищать от мороза. Сбрасывали полярники свои нелепые наряды, надевали легкие, теплые, удобные и гигиеничные кухлянки и забывали о мыле и французских духах.

Омывал северного кочевника осыпавшийся оленин волос, так же как песчаный самум — его собрата где-нибудь в Сахаре, такой же безводной, как Чукотка зимой. Робин Дэвидсон, австралийская путешественница, задумавшая пересечь в одиночку с тремя выючными верблюдами Великую Западную пустыню, заметила, как верблюды валяются в песке, дрыгая от наслаждения ногами, и последовала их примеру, благо одежды на себе она оставила не больше, чем было ее надето на четвероногих «кораблях пустыни», — и проблема гигиены для нее была решена.

А почему, собственно, если волк не умывается, медведь тоже не пользуется мылом, и бывают чисты и опрятны настолько, что шерсть их прямо лоснится от чистоты, почему человек, как царь зверей, должен уступать им в этом естественном для всего живого умении сохранять здоровую кожу? Это только цивилизованные люди умудрились за несколько столетий сжечь агрессивными химикатами свой идеальный, природой дарованный покров, так что он потерял способность к самоочищению. Чукчи своего дара Божьего не успели потерять.

Догола раздеваться вынуждены были они от жары в меховых полах своих яранг. По чисто дипломатическим соображениям, при-

личия ради, и белые их гости надевали тот же костюм Адама. Полная возможность была у них, чтобы изучить состояние кожи своих хозяев, хозяек и их детишек.

В двадцатом веке пришла пора и фотографии. Штабс-капитан Н.Ф. Каллиников, начальник Чукотского уезда, помещает эти фотографии в книге «Наш крайний Северо-Восток», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1912 году. Особенно привлекают внимание портреты здоровых, цветущих, прекрасно сложенных женщин.

Нет, природа, забывшая сотворить мыло, не ошиблась. Не ошиблись и доверившиеся ей люди.

Обманом природы называл гигиену культурного человека Лев Толстой. И далеко не очевидно, что попытка обмана удалась раз и навсегда. Грядут глобальные кризисы, что будет с несчастными беженцами из вымерших урбанистических центров? Даже если они сумеют как-то раздобыть себе тепло и пищу, не сгниют ли они от грязи?

Расхожий штамп — блаженны дикари в неведении, не знают они о радостях, предоставляемых цивилизацией. Но нельзя ли развернуть это утверждение на сто восемьдесят градусов — блаженны европейцы, не представляют они радости жизни среди нетронутой, тщательно сбереженной природы, радости понимания и заботы о ближних и дальних... Ветровое стекло автомобиля и экран телевизора закрыли от них все блага реального мира.

— Мой Эдик такой целеустремленный, — услышал я однажды от одной мамы и сразу проникся было уважением к юному борцу, не догадываясь, правда, за что же он борется, — захотел он приобрести «Казанку» с «Вихрем», пожалуйста, заработал, достал.

«Казанка», «Жигули», стерео, видео... А у чукчи нет извращенных потребностей. Чем ему заполнить жизнь?

Непонятно туземцу, как это — сначала отработал, а потом наслаждайся жизнью. Почему радоваться можно, только пользуясь уже сделанным? Почему не получать удовольствие, изготавливая предмет? Но тогда зачем производительность, эффективность, к чему рационализация? И место ли для приложения ума то, во что надо вкладывать душу? Чукча не хочет потеть, чтобы добывать хлеб насущный,

не хочет вычеркивать из своей жизни время, отведенное на труд.

Отстоять восемь часов у конвейера, позабыв все человеческое в себе, чтобы потом потреблять стандартные радости, в которых тоже нет ничего человеческого? А благоговение перед природой, восторг и восхищение от соприкосновения с ней? Ах, в нерабочее время, свободное от хлопот, забот и нервотрепки? Делу время, а потехе час... Да что же это за дело такое человеконенавистническое?

Нет, это совершенно иное мировосприятие, и чукча оказывается не в состоянии уразуметь вывернутый наизнанку смысл жизни. Конвейерная цивилизация выбрасывает его на обочину. Чукче не остается ничего другого, кроме как пить. Чтобы уйти, чтобы отключиться от извращенного мира, полного непонятных условностей и неоговоренных соглашений. Вот он и пьет.

Да и места ему не оставили ни пяди на родной земле, где бы мог он чувствовать себя самым собой. Любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу — святое чувство. Но где их теперь отыщешь, родные пепелища? Неперспективными были признаны они в середине двадцатого века.

Ах эти «неперспективные»! Национальная трагедия Руси. Запустевшие вологодские земли, заросшие бурьяном огороды на Псковщине... Но у нас хоть уклад городской жизни существовал начиная с Киева, матери городов русских, с вольного Новгорода Великого. Да и большие села были всегда. Поэтому была утеряна во время этой печальной эпопеи лишь часть русской народной культуры.

А что такое уничтожение неперспективных поселков для народа, у которого поселений другого типа никогда и не было?

Мой друг Коля Храмов родился в селе Шелемисс на Среднем Поволжье. Тихо нынче в Шелемиссе. Аркадий Нинани родился в Верхних Пахачах. Нет ныне Верхних Пахачей. Его отец родился в эвенком стойбище у впадения Луловая в Вывенку. Где сейчас то стойбище, какой краевед укажет забытое пепелище?

Жили аборигены в «неперспективных» как хотели, как привыкли. А привыкли они к радости, к красоте, неотступному соблюдению древних обычаев. До чего живописными были обряды и праздники! Арка-

дий рассказывает, как происходила встреча табуна, возвращающегося с дальней кочевки. А много ли, кстати, может поведать человечеству нынешнее поколение, выросшее у телевизора?

...Яранги застыли в парадном строю — строго в линию с юга на север! Да уже одно это невозможно в нынешнем поселке с его кочегарками и помойками, механическими дворами и свинофермами.

Костры и очаги потушены, табун приближается... Вот он обтекает стойбище, мужчины салютуют из карабинов, мальчишки стреляют из луков, в течение долгого времени изготавливавшихся специально для этого торжества. Многочисленные болельщики и судьи пытаются определить победителя, чья стрела оказалась выше всех. Взлетают вверх чауты...

Свое состязание начинают женщины и девушки. В ход идут деревянные доски для добывания огня, по форме отдаленно напоминающие человеческую фигуру. Быстро-быстро, как сверло, вращается деревянный стерженек в углублении, из-под руки самых умелых и упорных появляются легкие струйки дыма. Много терпения и старания нужно, чтобы получить едва заметный красный язычок, от которого загорается ягель, и наконец — главное событие: вспыхнул огонь! Огонь года.

Неудачницы не унывают, занимают уголки у более опытных, во всех очагах должно полыхать новое пламя! Маленькие девочки, добившиеся хотя бы колечка дыма, хоть неуловимого запаха, с гордостью выслушивают похвалы, возгласы одобрения, все поощряют их на будущие успехи.

В очищающем пламени сжигаются все старые, прошлогодние инструменты для добывания огня. К следующему празднику возвращения табуна должны быть изготовлены новые. Долгими вечерами в яранге мальчишки с отцами и старшими братьями будут осваивать все премудрости древнего искусства, выстругивать человекоподобные доски, олицетворяющие хранителя очага и пастбища, ладить луки и стрелы, стержни зажигательного прибора. Культура народная должна передаваться из поколения в поколение.

Кульминация любого праздника у оленеводов — принесение жертвы. Духов долины, приютившей стойбище, надо отблагодарить за

то, что табун вернулся с дальней летовки без больших потерь, за то, что весело и оживленно носятся между ярангами повзрослевшие каюю, за то, что пастухи целые и невредимые снова будут сегодня рядом со своими любимыми. Кровь жертвы пригоршнями разбрызгивается по всем ветрам, по всем сторонам света.

Пастухи соревнуются в беге, в борьбе. Все население стойбища играет в мяч...

А весенний праздник отела! Торжество по случаю рождения олененка... Тут все наоборот — никакого шума, стрельбы, канонады. Табун нельзя беспокоить, кормящие мамы с малыми детками должны ощущать полное умиротворение. Над входом в ярангу укрепляются рога. И все прочие рога, сброшенные важенками после рождения каюю, нагромождаются между ярангами в большую кучу, она символизирует олений табун.

Все кости, обглоданные жителями стойбища за зиму, собираются к очагу, там их разбивают камнями и бросают в котел, чтобы вытопить из них костный жир. Из кожаных мешков извлекаются куски замороженного мяса, долгими месяцами приберегавшегося специально к этому событию. Ягода, коренья, прочие запасы тоже выставляются к праздничному столу.

По завершении приготовления все вместе медленно шествуют по ходу солнца вокруг стойбища. Потом начинаются угощения, сосед потчует соседа, родственник — родственника. Далее празднование продолжается в тесном семейном кругу.

Так было в Верхних Пахачах. Такого не может быть в образцовом национальном поселке Хаилино. Какой же кочевник согласится ломать комедию на глазах бухгалтеров, главных механиков и владельцев коммерческих магазинов?

...И все же даже об этих временах приходится вспоминать ныне с ностальгией. Потому что пришла в тундру гораздо более жестокая, рыночная цивилизация. Пришла в Россию свобода деловых, очень деловых, абсолютно бесчеловечных отношений. Свобода торговать, воровать, свобода убивать людей и уничтожать народы.

И вот уже из семнадцати тысяч оленепоголовья советских вре-

мен осталось в Паланском совхозе Корякского автономного округа к 1995 году три тысячи голов, а к 97-му, увы, всего тысяча пятьсот. К нам в институт постоянно приезжают на занятия студенты из всех мест Дальнего Востока, сообщают мне самые свежие, к тому же и самые достоверные, официальные новости — ведь многие заочники работают в местных органах власти. И если бы хоть эта цифра, полторы тысячи оленей, была последней! К 99-му году осталось на территории бывшего совхоза только восемьсот голов.

А вот печальная статистика по Провиденскому району Чукотского автономного округа: 1990 год — двадцать одна тысяча триста семь оленей, 1994-й — девять тысяч семьдесят один, 1998-й — три тысячи одиннадцать.

Что делать бывшим оленеводам без оленей? Только бутылки собирать в поселковых помойках. И мрут коряки как мухи, рассказывают мне друзья, приезжающие в гости с северов. И вот уже из всех героев этой книги, с которыми я общался вплоть до девяностого года, нынче, к двухтысячному, не осталось в живых и половины.

Да разве мрут только коряки? Подружился я с симпатичным студентом Хабаровского пединститута Колей Хукочаром, звенком с Нижней Тунгуски. Поговорили о житье-бытье. При советской власти было у семьи Хукочаров сто оленей, несмотря на все запреты частной собственности. Нынче, когда никто никому ничего не запрещает, у семьи — двадцать оленей. Но я-то знаю, что этого катастрофически недостаточно для самого нищенского прозябания. Как же вы живете, спрашиваю. А мы не живем, мы вымираем, ответил Коля. С 1992 года на тысячу человек уменьшилась численность звенков в крае. Для народа с начальной численностью три тысячи пятьсот человек это даже не геноцид, это где-то на грани массового расстрела.

Какова же технология этих эпохальных процессов? Да нет никакой специальной технологии! Вполне достаточно лишь существования рыночной цивилизации.

Во все эпохи добросовестным людям, соприкоснувшимся с иной, более нравственной цивилизацией «первобытных» племен, было ясно: главная, смертельная опасность — это водка, это торговля.

С 1812 по 1869 год на Северо-Востоке Азии действовали и эффективно исполнялись так называемые законы Н.И. Трескина — иркутского губернатора. Провоз к месту торговли водки, продажа ее местному населению настрого запрещались. За нарушение правила, за обнаружение спиртных напитков купец раз и навсегда лишался права торговли. Никаких отговорок (мол, «водка для собственного сугрева»), никаких полумер в виде штрафов, которые купцу недолго было компенсировать, не допускалось. Для облегчения контроля торговля была ограничена немногими местами официально разрешенных ярмарок.

Более подробный «Устав об управлении сибирских инородцев» был составлен выдающимся деятелем империи М.М. Сперанским, тогда генерал-губернатором Сибири. 22 июля 1822 года Устав был утвержден Александром I. Подтверждался запрет на продажу спиртных напитков «сибирским инородцам». В дальнейшем на основе Устава было составлено «Положение об управлении сибирских инородцев», действовавшее до 1917 года, и, конечно, ключевой пункт о запрете спаивания ни в чем не повинных людей там был сохранен.

После 1917 года главная традиция в отношении местного населения сохранилась. Как и все русские, бывавшие в местах проживания малочисленных народов, прекрасно помню практику советской торговли: мы могли покупать в магазинах спиртные напитки, а местные жители не могли. Еще дальше пошла в этом направлении столько раз осмеянная и раскритикованная кампания по искоренению пьянства и алкоголизма. Основной аргумент противников — дискриминация, нарушение прав человека, неэффективность: ну долго ли чукче попросить знакомого русского, возьми, мол, на мою долю пару бутылок? Конечно же, брал русский друг и для друга-чукчи. Закон — что телеграфный столб, его не перепрыгнешь, а обойти всегда можно. И правда, смешные нормы.

И только сейчас выяснилось — отнюдь не смешные. Как только они были отменены, мы и увидели разницу.

Джигиты с черными усами, оседлав вертолет, пикируют со своим смертоносным грузом прямо на табун. Сервис на высшем уровне, продукт доставляется прямо к потребителю. Результат мгновенный — бри-

гада, мертвецки пьяная, закусывает под кустом «сниккерсами», а олени, уцелевшие после набега двуногих хищников, разбредаются, теряются, становятся легкой добычей хищников уже четвероногих.

Социальная статистика вытекает автоматически. Нравственность, семейные отношения, здоровье местного населения, рождаемость и смертность ужасающе красноречивы.

Я разговаривал со многими своими друзьями — эвенками, коряками, чукчами и задавал им один и тот же вопрос: почему они так быстро спиваются? А ты учти, следовал ответ, сколько поколений пьете вы, наверное, уже двести — триста, у вас давно иммунитет выработался. А мы? Всего два-три поколения, вот на нас и действует алкоголь так губительно.

Уточняя: практически все мои собеседники были пьющими, и они вовсе не настаивали на своем праве пить и спиваться, они видели, к чему пьянство приводит и их самих, и их семьи, их потомство.

Когда газета «Советская Чукотка» опубликовала мое исследование «Почему они пьют?» (14 мая 1991 года), в том же номере было помещено письмо Ремкылина, старшего пастуха-оленьевода бригады № 6 совхоза «Певек» из села Рыткучи «Мы не знали, что такое водка»:

«Мне уже пятьдесят лет. Всю свою сознательную жизнь работаю оленеводом, начиная с 19-летнего возраста. В общем-то, все ветераны оленеводства очень рано начинали свою трудовую деятельность. Жизнь такая была. Уже к 15 годам мы были, так сказать, матерыми пастухами — знали повадки оленей, тундру. Знали также повадки волков и медведей. В общем, в этом возрасте мы были «подкованы» на все случаи жизни. Правда, мы плохо знали, что такое книга. Но у нас была своя книга — тундра. Мы читали ее и учились. Не знали телевизоров, бани, практически не умели писать ни по-русски, ни по-чукотски. Вот и это письмо пишет под мою диктовку мой знакомый сельчанин.

Но не знали мы и что такое водка. Чукотское название водки, спирта — экимель (или акамымель) — в переводе на русский язык значит «плохая вода», а не «огненная вода», как утверждают некоторые. «Огненная вода» — это, кажется, придумал Рытхэу.

И вот читают мне про то, как самогонку в Янранае пьют, завезен-

ную из соседнего села авиаторами Апапельгина, обращение местной интеллигенции, напечатанное в районной газете. Слушаю и думаю: от безделья начала пить наша молодежь. Побросают оленей в тундре на съедение волкам, а сами — в поселке, пьянствуют.

Чукотский народ должен осознать, что он и сам виноват в этом. Мой народ, а тем более молодежь, прекрасно понимает всю опасность водки. Но тем не менее люди пьют. И самогон ведь не суют им в руки насильно, а они сами за ним едут. Мой народ должен глубоко задуматься над этой проблемой, а не сбрасывать ответственность со своих плеч. Указывать на кого-то пальцем легче всего. Мой народ сам должен победить этого врага — водку. У нас есть еще силы!»

Но это было только в самом начале «перестройки». А сейчас — хватит ли этих сил?

Местное начальство прекрасно видит, что народ гибнет. Владимир Александрович Корчмит, бывший директор Паланского оленевхоза, первый вице-губернатор Корякского автономного округа, на мой возмущенный вопрос отвечал прямо: да, я вижу, что происходит, да, я знаю причину, более того, я председатель окружной комиссии по борьбе с алкоголизмом, ну и что? Дважды я издавал указ — закрыть водочные «комки», и оба раза владельцы на следующий день приходили ко мне с санкцией прокурора на отмену моих постановлений как незаконных.

Вот так-то, коллеги, власть доллара — это вам не царская власть и не советская власть, для нее существование народа — пустой звук по сравнению с прибылью. Пусть вымрут все великие и малые народы, лишь бы деньги текли рекой!

Вечное движение

Мой интерес к любому кочевнику всегда был профессиональным, как у бродяги к бродяге: оба ходим да таскаем. Конечно, тут наличествовала и ревность: «А кто делает это лучше?» — и корысть: «А что у них можно позаимствовать?»

Я понимал, что у коренных северян опыта побольше, как индивидуального, так и коллективного. Мы, геологи, ходим только летом, в полевой сезон, когда обитают скальные обнажения горных пород, пастухи же кочуют круглый год. Вся мировая практика геологии умещается хорошо если в две сотни лет, чавчужены и чаучу следуют за своими стадами многие века. Наверное, кое-что из их навыков может оказаться полезным и исследователю земных недр, и туристу, и прочим путешественникам. Ведь все, что осталось в распоряжении нынешних кочевников, прошло долгий и жестокий отбор. Неудачное, непригодное было отброшено, используемое доведено до высокой степени совершенства.

Не ходить оленные люди не могут. Скучна северная природа, на небольших пастбищах тысячные табуны не прокормятся.

Бригада Олелея прошла по пустыням Корякии за неполный сезон от Хаилина до бухты Сомнения. Если мерить по прямой, это около сотни километров, а кто же ходит в горной тундре по прямой? Обычный район перекочевков составляет, по В.Г. Богоразу, сто пятьдесят — двести километров.

Невероятно, но факт: до перехода на оседлость кочевать, особенно домочадцам, приходилось меньше. Семьи жили на стойбищах по три-четыре месяца, пока олени не объедали весь корм в радиусе тридцати — сорока километров. Неотступно следовали за табуном одни мужчины. Как рассказывал Коммо, никаких чумработниц не было. Густозаселенные, словно коммунальные квартиры, чумы стояли на одном месте, пастухи путешествовали с легким походным снаряжением. А что такое сорок километров? Даже для меня, горожанина, это не расстояние — день неспешного хода, а если очень нужно, то всего пять — семь часов. Зимой для оленьей упряжки это лишь два, максимум три часа.

Короче говоря, семейная жизнь не прекращалась, родные люди не были оторваны друг от друга, и безостановочно странствовать женщинам, детям и старикам не приходилось. Нынче совсем другое дело. Близкие должны либо жить в поселке за сотню километров и больше, практически в постоянной разлуке, либо делить с мужчинами все тяготы походной жизни. Оба варианта не назовешь оптимальными. Первый ведет к разрушению домашнего очага, второй не привлекает девушек. Результат довольно противоестественный: женихи остаются неженатыми в тундре, невесты незамужними в поселке.

Жилье на современном кочевье — все то же «общезитие», летом брезентовое, зимой меховое. Что касается легких палаток, они для меня большого интереса не представляли, разница с нашим полевым бытом не так уж и велика. А как обустраиваются люди в трескучие морозы? Виталий пошел навстречу моей любознательности.

Палатка, сшитая из оленьих шкур, натягивается на деревянный каркас. Снег из-под нее вычищается до земли. Оттяжки крепятся либо за деревья и кусты, либо за колья, вбитые в старательно утрамбованные сугробы. Пол укрывается ветками, на них настилают шку-

ры шерстью вниз, а следующий слой — шерстью вверх. В углу на камнях или на поленьях сырого стланика устраивается железная печурка с трубой — вот и все удобства. Спят в оленьих или бараньих кукулях. Если с вечера не жалеть дров, то температура и к утру не опускается ниже нуля, вода не замерзает.

Как и столетия назад, доводится пастухам спать и на улице. Виталий, например, ночевал при сорокаградусном морозе. Со стороны все выглядит на удивление просто. Разве можно замерзнуть, говорит северянин, в двойной шкуре, если оленю и в одной тепло? Застигнутый непогодой путник ложится прямо на снег или на постель из веток. Кухлянка широка, она позволяет вытягивать руки из рукавов и прятать их за пазуху. Остается лишь заслонить лицо от ветра воротником из росомахи или капюшоном — и ночлег обеспечен.

Сколько я ни разговаривал с коренными жителями, все в один голос уверяли, что самое трудное — не январская стужа. Пока лежат снега, у оленных людей нет проблем с транспортом, стоит лишь запрячь ездовых быков в нарту.

Летом не только мошка, комары и овода не дают житья, голова болит о другом — как доставить груз из пункта А в пункт Б? Вот на эту-то тему мне и оказалось всего интереснее поговорить с оленеводами. Слишком уж привык я до того повторять: единственное, что я умею, — это ходить да таскать. Но утверждал я так в своем обществе. Очутившись среди пастухов, я почему-то не рискнул использовать при них этот личный штамп. Не потому ли, что забеспокоился — а вдруг они мне докажут, что этого-то я как раз и не умею делать? Правда, коллега по бродячей профессии Антон отпустил мне однажды комплимент: «Вы хорошо ходите», — но хоть он и Нинани, а все же не Виталий, да и не пастух в высоком значении этого слова, а всего-навсего ученик с окладом семьдесят рублей в месяц.

Итак, я проявил интерес: как же переносят тяжести аборигены Корякского нагорья? Заплечные мешки, рюкзаки, — скорее всего, изобретение дилетантов. Будь у меня времени побольше, сам бы придумал что-нибудь более подходящее. Очень уж давят лямки на сердце, дышать не дают. Быстро устаешь под рюкзаком. Туристы пона-

придумывали всяких усовершенствований — легкие каркасы, станковые системы, позволяющие равномерно распределить нагрузку по спине, перенести ее частично на пояс и даже на живот, и тому подобное. По-видимому, лучше совсем снять давление с грудной клетки.

Народы, имеющие большой опыт пеших походов, предпочитают нагружать плечи, спину и шею. Гималайские шерпы и американские индейцы используют лобный ремень. Коряки и чукчи (кстати, Дж. Кеннан относил их к индейской ветви), многие века вынужденные переносить на себе весь свой летний скарб, давно практикуют этот способ. Мне рассказал о нем и продемонстрировал его в деле Аркадий Нинани.

«Иннымтайе» — тащить шеей, так называют коряки этот метод. Поклажа собирается в форме оригинального выюка, основой которого служит вещевой мешок северян — кеметайочин. Похож он немного на спальный мешок, только меньших размеров, и отверстие в нем прорезано посередине, круглое, небольшое. Шит кеметайочин, конечно, из выделанной оленьей кожи, но, как утверждает В.Г. Богораз, по образу и подобию тюленьей шкуры, снятой с ластоногого целликом. Примерно так делали в старину на Кавказе козы или воловы бурдюки. В этом копировании нерпы усматривает В.Г. Богораз доказательство первичного приморского происхождения нынешних оленых людей Северо-Востока Азии.

Груз распределяется по всей длине и ширине плоского мешка, который затем ставится на ребро и изгибается подковой. В таком виде он фиксируется ремнем и от одного конца до другого соединяется широкой лямкой. Все это громоздкое сооружение занимает место на плечах, облекая сзади голову, лямка охватывает лоб. Руки остаются свободными, ничто не нарушает дыхания, не давит на сердце. Недостаток все же есть — трудно сохранять равновесие, особенно при ходьбе по кочкам и кустам, при скалолазании. Однако и тут кое-что предусмотрено. Обвязка ремнем при упаковке производится таким образом, чтобы можно было взяться за выюк снизу и поддерживать его одной рукой, другой, обеими сразу. Можно подвинуть поклажу вперед, привалив груз к голове сзади, тогда снимается нагрузка с лобного ремня, можно, наоборот, сместить назад, в этом случае лобный

ремень будет натянут до предела. Короче говоря, возможности баландировки ничем не ограничены.

Иннымтайе требует развитой мускулатуры шеи и крепкого мышечного корсета, но он же их и развивает, так что чавчувены и чаучу не нуждаются в суперсовременном бодибилдинге. Сверху на привьюк можно пристроить карабин, чайник со всем припасом для обеда, прочие вещи, в которых может обнаружиться срочная потребность посреди дороги.

Так переносят довольно значительные грузы. Например, Аркадий тащил пятьдесят — шестьдесят килограммов, причем на лошадиную спину свой багаж он принципиально не перекладывал. Начиная с выхода из Хаилина во всех перекочевках вслед за табуном он пользовался только дедовским способом. Для сохранения традиций...

Я попробовал однажды взвалить на себя его ношу. Впечатление осталось довольно сильное. Прежде всего трудно, как выяснилось, поднять груз с земли, требуется либо помощь друга, либо большой ледниковый валун, либо обрыв речной террасы. Очень уж нетренированной показалась мне и собственная шея, а где же ее накачивать в домашних условиях? Не будешь ведь делать во время утренней гимнастики борцовский мост на полу городской квартиры!

Но и шестьдесят килограммов — не предел. Аркадий рассказывал, что как-то в молодости он дал маху, заказал лишний мешок муки для бригады. Лошади тянули на пределе, оставить муку было негде, выбрасывать жалко. И он таскал этот лишний мешок на перекочевках дополнительно к основному своему грузу, пока продуктов не поубавилось и привьюку нерасчетливого снабженца не нашлось места на конском седле.

А в прошлом корякские богатыри носили и больше... Да, но сколько же это получается? Ну, я думаю, прикинул ветврач, до центнера. «Эты серьезно?» — не поверил я. «Конечно», — настаивал Аркадий. Правда, сто килограммов на плечах многовато, поэтому они комбинировали мужской и женский способы транспортировки тяжестей. Хранительницы очага раньше носили за спиной грудных детей, собирали в мешок и доставляли на лагерь коренья, грибы, ягоды. Под-

держивался мешок тоже лобным ремнем и опирался на изгиб спины. Так вот силачи прошлого кроме выюка на плечах подвешивали к ремню еще и мешок сзади. Так и набирался богатырский груз.

Что ж, Аркадий разубедил меня в том, что тяжести таскать я умею.

Что касается использования нагрудного ярма, то мне не удалось увидеть самому, как это выглядит. Братья Нинани подтвердили, что до сих пор этот способ практикуется. Правда, читая этнографическую литературу, слушая рассказы бродячих коллег, я никак не мог понять, а почему эта палка не съезжает вниз? Наконец объяснение нашлось.

На грани XIX — XX веков директор Американского музея естественных наук Джемс организовал на собственные средства Северо-Тихоокеанскую экспедицию. На Азиатском побережье культуру чукчей изучал В.Г. Богораз, коряков — В.И. Иохельсон, сахалинских гилаков — Л.Я. Штернберг. У В.И. Иохельсона я наткнулся на подробное описание: чтобы ярмо не спускалось, оно привязывалось посередине к ремennому ошейнику. Исследователь коряцкого быта приводил и иллюстрацию.

Для меня наконец все стало на свои места. При этом я испытал удовлетворение не только абстрактной любознательности. Сколько раз случалось: не выдерживают лямки рюкзака, лопаются как назло в самый критический момент. Бывает, что ремонт, по крайней мере в пути, просто невозможен, но идти-то надо! Как донести груз до лагеря, хотя бы до места, подходящего для ночлега? Теперь я колебаться не буду: вырублю и уложу на грудь палку, к ее концам привяжу за спиной отказавший мешок и ярмо прихвачу в середине к шее. Может, это и покажется неудобным, но уж во всяком случае будет не хуже, чем тащить поклажу по кустам, по кочкам или по скалам наподобие мешка картошки. А иннымтае, излюбленный коряцкими богатырями, меня не выручит — короткий и толстый рюкзак не изогнешь подковой, не пристроишь вокруг головы как стоячий воротник.

Я долго пребывал в убеждении, что все национальные способы перетаскивания грузов — лишь обломки прошлого, кое-где искусственно культивируемые образованными энтузиастами. Неожиданно выяснилось, что это не так. Да, зимой кочевники испокон веков пере-

возили все на нартах. Так они и делают до сих пор, более того, заранее, по снежному покрову, забрасывают запасы на лето: хлорофос во флягах для противооводной обработки стада, опрыскиватели, другие вещи, непривлекательные для голодного медведя. А летом переключаются на выючный транспорт, лошади есть в каждой бригаде. Однако существует и межсезонье, называется оно осенёвкой, поздней осенёвкой. Снега еще нет, оленьей упряжкой не воспользуешься, и травы для прокорма коней уже нет. Мох и ветошь — пожелтевшая листва, высохшие стебли — пища не для чужеземного, чересчур домашнего скота. Заготавливать сено, овес, комбикорм — слишком накладно, вот и приходится путешествовать без тягла, таскать все на себе. Причем носят груз и рядовые пастухи, а не только ветеринары с современной научной и спортивной подготовкой и обостренным интересом к первобытной культуре, или, если раскрыть примелькавшийся и невоспринимаемый штамп, к первоначальной, созданной предками, бытовой культуре.

Кони появились в Корьякии в 50–60-х годах. Требовали они неприличного внимания, для них надо было строить конюшни, косить сено. Ничего этого местные жители поначалу делать не умели. На зиму бедную животину отпускали на волю. Лошади бегали по окрестностям, научились копытить не хуже оленей, ели все подряд, не брезговали дохлой отнерестившейся рыбой, если удавалось выкопать ее из-под снега, перерывали носом, словно кабаны, хаилинские помойки, пробовали на зубок остатки любых консервов. Добывая очередную банку, конь, ударив по ней ногой, иногда оказывался «обутым», а снять жестяной ботинок удавалось не всегда. И вот, рассказывают старожилы, можно было наблюдать жуткую картину: дышит в окно среди ночи и шумно фыркает неизвестный науке зверь с мохнатой мордой, до земли заросший шерстью, и постукивает по завалинке серебряным копытом.

Мало-помалу все образовалось. Зимует выючно-гужевой транспорт в теплых конюшнях, жует себе сено, накошенное в пору душистого травостоя, возит в санях по поселку разные разности, а летом животных распределяют по бригадам для перекоченок.

Выючные переходы не представляли для меня особого интереса.

Острота восприятия стерлась за долгие годы полевой практики. Единственная, пожалуй, бросившаяся в глаза деталь: коряки перевозят с одного стойбища на другое длинные палки, используемые в качестве каркаса для палаток. Удивляться нечему: прямой ствол в краю стлаников — большая ценность. Хватает здесь мест, где ничего подходящего не сыщешь днем с огнем в радиусе многих километров. Экономнее волочить за собой громышающие по земле привязанные к вьюку шесты, чем искать их на новом таборе долго и безуспешно.

А каково было людям во времена, когда все таскали на собственном горбу? Я решил узнать об этом у Коммо. Правда, Иван Семенович припомнил, что в молодости он ездил верхом сам и перевозил на оленях летний скарб, но эти эпизоды все же можно считать угасающими отголосками таежного прошлого эвенов. В основном, говорит он, приходилось полагаться только на себя.

— Трудно было?

— Нет, — неожиданно отвечает старейший хаилинский оленевод, — совсем легко. Носить было нечего. Муки не было, сахару не было, круп не было. Ни соли, ни спичек. Одна палатка — вот и все.

— Как это — спичек не было? — У меня в голове не укладывалось, как можно обойтись без спичек. Среди дикой природы Севера без огня не выживешь.

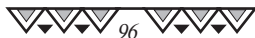
Гаррик рассказывал однажды, как он скитался по тундре налегке. Потерялись двести оленей, он искал их целую неделю. Беспрестанные укусы комаров, голод, усталость приходилось преодолевать, тут ничего не придумаешь. От медведей охраняли его сон две собаки, от холода уберегала одежда, сделанная из шкур.

— А как же ты спал под дождем? — допытывался я.

— У костра, — отвечал Гаррик. Это было понятно, другого выхода не мыслил и я.

— Ну, а если спички кончились или вымокли, как тогда? — предложил я Гаррику для обсуждения самую критическую «нештатную» ситуацию.

— Спички кончились — все! — решительно подводит черту пастух. Замерзают люди не только при трескучих морозах. Известно

Виталик Нинани — кочевник в десятом поколении

*На берегу бухты Сомнения. Здесь будет
новое стойбище*

Дружба на всю жизнь

*Чистота, красота, покой... и беспокойство.
Это и есть работа пастуха*

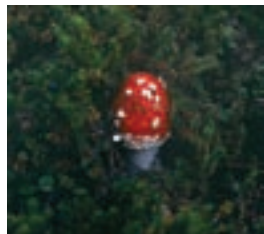

*Кто видел хоть раз такую мимолетную вспышку
красоты среди суровых скал, не забудет ее никогда*

*«Иннымтайе» — тащить шей. Аркадий
Нинани в маршруте*

*Ну чем бриллиант краше
мухомора?*

Путешествия никогда не кончаются

*Каждая веточка прекрасна. Надо только суметь
это увидеть*

*Старейший хаилнский пастух восьмидесятишестилетний
Иван Семенович Коммо с семейством на стойбище*

Под высоким небом Корякского нагорья на берегу родной реки

Жажда вечности. Неудержимое стремление к продолжению рода

Палку воткнуть некуда — это не только из преданий старины далекой

*В сотне метров от стойбища. Не боятся
лисята ни ребят, ни щенят, ни оленей,
ни фотографов*

*Нет занятия азартнее
рыбалки*

Здесь готовят юколу и стройматериалы

Туманное утро на побережье Олюторского залива

*Когда-то на перевале Бисерном были
погребены под обвалом бригада оленеводов
и табун оленей*

*Когда исчезнут все бесполезные зверьки на земле, человек
вымрет от тоски и одиночества*

Отдых на перевале — это вам не на диване перед телевизором

*И весь океан мироздания вливается
в каплю росы*

*О скалы мрачные дробятся
с ревом волны*

Снимок на память

сколько угодно случаев смерти от переохлаждения, при положительной температуре, летом, особенно если это еще и северное лето!

Вот и в рассказе З. Балаяна «Коммо» сюжет вращается вокруг последней спички. Уходит старый пастух один в царство ледяющей стужи. Истратил последнюю спичку — кончилась жизнь.

И вдруг — такое признание!

— Да как же вы огонь добывали? — недоуменно спрашиваю я.

Огонь хранили, носили за собой в корзинках из бересты или ивовых прутьев. Для долгого, негасимого тления использовали березовый трутовик — губчатый нарост на старых деревьях. Его собирали в запас, отваривали и высушивали. Искру высекали кремнем, а потом раздували огонек, поджигали от него сухие былинки, смолистые стружки кедрового стланика. Когда-то приспособление для добывания огня — кремь, кресало и трут — было фирменной продукцией эвенов, которую они чаще всего прочего дарили корякам и чукчам, обменивали на другие нужные им товары — шкуры лахтака, пареньские ножи, оленину, одежду.

Исконные жители Корякского нагорья добывали огонь трением. О таком первобытном способе я слышал и читал много раз и представлял себе всегда одну и ту же картину, абсолютно идиотскую, как выяснилось впоследствии: сидит человек над доской и вращает между ладонями деревянный стерженек. Очень уж не верилось, что таким образом можно добиться хотя бы легкого запаха дыма. Руки сотрешь до костей, с ума сойдешь, инфаркт заработаешь, взглядом камни испепелишь, а огня не дождешься. Правда, возникили и восторги: это же надо, какими терпеливыми были наши далекие предки! Наверное, они ухитрялись-таки хоть раз за многие сотни попыток, но все же получить что-то из холодной доски. Понятно, почему огонь в те времена был величайшей ценностью. Многие книги посвящены изложению драматических историй о том, как племя, не сумевшее уберечь свой очаг, похищало тлеющую головешку у врагов, иногда истребляя ради этого бесчисленное количество охраняющих костер воинов.

Корякам, чукчам и эвенам, я думаю, все в этих романтических выдумках было непонятно: зачем преодолевать такие трудности ради мелочи, доступной каждому ребенку? Накинь тетиву небольшого луч-

ка, специально для того сделанного, на палочку, поводи этим луком туда-сюда, как смычком скрипки, и появится первый робкий язычок. Даже эвенский кремьень с трутом не нужен. Но... как говорят арабы, на аллаха надейся, а своего ишака все же привязывай. Остаться в тундре без спичек я бы не хотел, несмотря на все мои нынешние познания. А возрождать способы, о которых даже Коммо слышал в детстве от стариков, лучше дома, когда над тобой не каплет.

Особенно интересно мне было посмотреть, как ходят профессионалы. О том, что Олелей загонял росомаху, я к тому времени уже успел услышать. Но, по-видимому, бригадир выделяется среди всех, так же как и силачи, способные нести на перекочевке целый центнер?

— Да нет, пожалуй, — говорит Аркадий. — За росомахой, правда, я не бегал, а вот за лисой однажды попытался.

— На охоте?

— Нет, просто так. В школе еще учился. Пошел в тундру, вижу — сидит, смотрит на меня. Подумал, дай-ка догоню. И побежал.

Долго ли, коротко ли, но лису Аркадий настиг, когда она, вконец обессиленная, пластом лежала под кустиком и слюни пускала.

— Ну, и что ты с ней сделал?

— Да ничего. Посмотрел, повернулся и домой пошел.

Пожалуй, вот это «ничего не сделал» и убедило меня окончательно. Выдумывал бы — сумел бы приплести что-нибудь эдакое. А тут — все просто и очень достоверно: ну зачем мальчишке, школьнику, лиса, да еще летняя?

Я уже устал удивляться, когда Виталий сообщил:

— А я однажды сто один километр за тринадцать часов прошел.

— Погоди, что-то не верится. Откуда такая точность?

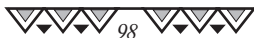
— На вездеходе там ездили, по спидометру измерили.

— Но это что же получается, восемь километров в час?

— Эге, — невозмутимо ответил Виталий. — Даже больше, потому что я чаевал на полдороге один раз.

— Все равно что-то не то. Извини меня, но восемь километров — это же не ходьба.

— Эге, — не моргнув глазом, подтверждает пастух. — Мы на боль-

ших расстояниях чередуем: то бегом, то, для разгрузки, быстрым шагом.

Этот невероятный результат я потом обсуждал с местным русским охотником Родионом Сиволобовым. Тундру он исходил, думаю, не меньше моего, но и он засомневался.

— А может, — высказал он предположение, — это связано с мухомором?

Подобный допинг был известен еще С.П. Крашенинникову: «Некоторой служивый едал, сказывают, мухомор умеренно, когда ему в дальний путь итти надлежало, и таким образом переходил он заметное расстояние без всякого устатку». Мухоморов как раз в окрестностях Хаилина произрастает множество. Коммо, дед Виталия, рассказывал мне, что в августе пастухи бегали по тундре, искали их, собирали и сушили. По сообщению Н.Н. Беретти, изучавшего здешние места как раз во времена молодости Коммо, за взрослого быка давали от одного до трех грибов. Любят до сих пор многие старики побывать «под мухой». Есть в Хаилине ветеран, собирался он было помирать, да прослышал о хороших видах на урожай, передумал: «Нет, поживу еще хоть годик».

Меня все связанное с мухомором заинтриговало, и я спросил у Коммо, а знакомо ли ему самому действие наркотика? Нет, ни разу в жизни не соблазнился старый пастух возможностью заглянуть на тот свет, представить себе то, что не дано знать человеку в нормальном состоянии. И хоть я и привык к суровой честности кочевников, все же, подозревая, что ему не захотелось признаться в постыдном пристрастии, задал еще один вопрос:

— А пить вы тоже не пьете?

— Да нет, — вздохнул Коммо, — пью.

Что ж, тем более не стал бы скрывать и увлечения мухоморами. По-видимому, в том же духе воспитывал он и детей и внуков. Нет, не похоже, что Виталий преодолевал сверхмарафонскую дистанцию под допингом. Да и человеческое достоинство, чисто спортивное самолюбие не позволили бы ему афишировать «грязный» результат. И все-таки... Неужели это действительно возможно?

Мое высшее достижение в тундре — восемьдесят километров за тридцать часов. Правда, шел я с тридцатикилограммовым рюкзаком, вес мне известен точно. По приходе в Хаилино я сразу зарегистрировал свой багаж на ближайший авиарейс, оказалось двадцать семь килограммов. Если прикинуть, сколько продуктов израсходовал я в дороге, то как раз и набегит под два пуда. Конечно, самую темень я переждал у костра, поэтому чистого времени ушло меньше, но ведь и Виталий подсчитывал свои тринадцать часов от старта до финиша...

Помог мне представить, как это делается у пастухов, Аркадий. Я возвращался на базовый лагерь, ветврач, закончив работу в четвертом табуне, отправлялся лечить копытку в третий. В поводу он вел кобылу Ракету, нетяжелые ее выюки были заполнены ветеринарными инструментами, медикаментами, личными вещами Аркадия. К седлу была приторочена и сума с теленком, забитым по распоряжению Олеля специально для меня.

Сначала путь пролегал по террасе с плотным, слегка пружинящим грунтом. Аркадий задал хороший темп, но ничего особенного в том я не находил. Скоро, однако, выяснилось, что это и есть темп отдыха, потому что лошадь впереди сорвалась вдруг на рысь. Трюх, трюх — подпрыгивали выюки в ритм бегу. Ракета буквально следовала за Аркадием, шла за ним нога в ногу. Что мне оставалось делать, кроме как не отставать?

Через пару километров ветеринар снова перешел на ходьбу, но теперь я и сам уже расценивал ее как передышку. Следующий темповый отрезок дистанции пришлось на берег озера Потат-Гытхын. И тут я понял, почему человек и лошадь бегут, как невидимой веревочкой связанные.

Сапоги или копыта идущего впереди оставляли в рыхлом песке глубокие ямки, удобные как стартовые колодки. Чуть сбился со следа — и моментально теряешь скорость, ноги вязнут, то и дело пробуксовывают на буграх и неровностях. И я благоразумно подчинился ритму, который диктовала мне размеренно и широко рысившая впереди кобыла, но и она же, как я понимал, была несвободна в выборе — как идти дальше.

К концу третьего бегового интервала я почувствовал, как бешено бьется сердце. Острыми углами колотил по спине рюкзак. Хотя он и не был тяжелым, там лежала лишь оптика, которую я не доверял никаким лошадям, уж я-то знал, какие они умеют выделять сальто-мортале на крутых склонах, все же вскорости он не показался мне и особенно легким. Одной рукой я старался придерживать объективы и камеры, чтобы они не превратились там за спиной в мешанину осколков стекла и металла, в другой сжимал двустволку двенадцатого калибра. Аркадий предусмотрительно сунул свой карабин под сумы, я же, снова по соображениям безопасности, не рискнул ввериться надежности выючного транспорта. Будь ружье моим собственным или казенным, я бы ни минуты не колебался перед подобным решением. Но меня, безоружного перед началом сезона, выручил хороший знакомый из Хаилина, Дима Ветров, и подводить его я не хотел ни при каких обстоятельствах.

Следующей перемены стиля я ждал как избавления. Аркадий не оглядывался. То ли он, исполняя мое неоднократно подтвержденное желание, действительно показывал мне, как пастухи преодолевают марафонские дистанции, то ли не считал, что обо мне надо так уж сильно беспокоиться. Мне была, конечно, лестной столь высокая оценка моих возможностей, однако...

Своего шанса я не упустил, сумел восстановить на ходу дыхание, более или менее утихомирил пульс.

И все же при очередном ускорении я почувствовал: до ближайшего «отдыха» не дотяну. Что же делать? Попросить Аркадия бежать помедленнее или выкинуть какой-нибудь фортель с переобуванием? Да ни за что на свете! Сдохну, а не отстану! Я отвлекся от всего многообразия внешнего мира вкупе с внутренним, сосредоточился лишь на копытах впереди, стараясь попадать след в след, держась ровно в одном шаге от кобыльего хвоста. Стоит лишь поотстать, ох как трудно придется догонять! Чтобы осознать это, опыта мне доставало. А чуть сократишь дистанцию, того и гляди получишь подковой в лоб, если вдруг споткнешься или лошадь неожиданно притормозит.

Дилемма «сдохнуть или отстать» не получила ни того, ни другого завершения. Вмешался бог-случай. Ровная песчаная коса сменилась глыбовым пляжем. Хуже всего такое покрытие для коней. Ветеринар вынужден был снизить скорость даже по сравнению с принятым у нас самым медленным ходом. Мы заговорили — по моей инициативе — на отвлеченные темы, я изо всех сил старался произносить каждый слог отчетливо, дышать размеренно, окончания не глотал и всем своим видом показывал, какая сегодня чудесная погода, как мне нравятся изумрудная вода и ласковое солнышко, и что вообще моим любимым занятием всегда были прогулки по берегам озер в компании корякских ветеринаров, что я просто обожаю стиль преодоления длинных дистанций, выработанный далекими предками нынешних оленных людей, когда легкий бег чередуется с быстрой ходьбой.

Я торжествовал, потому что знал: теперь уже не сдохну. И не отстану. Мы вступили в знакомые места. За последним (ура!) скоростным отрезком, уж который я одолею во что бы то ни стало, начнутся кусты, там не шибко разгонишься, потом болото, где я каждую кочку изучил не хуже Аркадия, а дальше... О, дальше мы увидим наши палатки!

Все шло как по писаному. Я мог не слишком надрываться в своем старании говорить ровно, без пауз и неправильных ударений. И мог уже приводить (про себя, понятно) главный аргумент в пользу ничейного результата соревнования: все же мой соперник немножко помоложе. На двадцать два года.

А насчет того, сумел ли я представить, как я бы преодолел сто один километр за тринадцать часов, будь я в возрасте Виталия, как говорится, лучше замять для ясности. Но зато я понял, как это делают *они*.

Перевал Бисерный

Много лет работал я в сказочно прекрасных, девственно чистых просторах Корякского нагорья. В геологических маршрутах постоянно встречался с кочевниками.

— А что вы здесь ищите? — спросил меня как-то Олелей. В его голосе улавливалось беспокойство: а вдруг мы найдем что-нибудь?

Еще А.Е. Дьячков из села Марково на Анадыре, псаломщик-абориген, в конце прошлого века писал, что местные жители не очень спешат откровенно рассказывать русским, особенно грамотным, все, что они знают о горах, воображая, что грамотный человек может сообщить начальству, начальство — правительству, а правительство прикажет копать землю.

Кстати, группа туристов с Урала, встретившаяся нам однажды на маршруте, горячо пожелала нам неудачи в геологических поисках. Они-то знали, как богатство недр боком выходит земной поверхностью со всей ее флорой и фауной, атмосферой, гидросферой и средой обитания человека.

— Нет, Николай Васильевич, ничего не найдем, обещаю, — заверил я бригадира. — Мы занимаемся разработкой методов геологического картирования. По нашим результатам можно будет лишь давать рекомендации, какие полезные ископаемые в этих местах имеет смысл искать, а какие тут совершенно невозможны.

Кроме геолого-съёмочных исследований, особенно интенсивных в шестидесятые — семидесятые годы, проводились в здешних местах, вблизи от бухты Сомнения и около Хаилина, работы на ртуть и на уголь. Нынче все они полностью прекращены и закончились, к счастью, ничем, а то бы никто не спросил у местных жителей, согласны ли они с тем, что тут будут копать землю, выворачивать наизнанку недра, коптить небо, мутить и отравлять воду.

А заботиться здесь есть о чем. Когда после возвращения с полевых работ, в городе, взглянешь на топографическую карту, полистаешь комплект аэрофотоснимков, раскроешь геологические дневники — как будто снова и снова идешь по старым маршрутам, форсируешь реки, любуешься с хребта захватывающими дух панорамами. Да, пожалуй, не требуется и никаких поводов, чтобы вдруг окунуться в воспоминания. Окрестности перевала Бисерного, я знаю, будут снится мне до конца дней моих.

Когда первый раз услышал я от пастухов странное это название, не фигурирующее ни на одной карте, я слегка поморщился. Как-то сразу припомнились Жемчужная улица и гостиница «Золотая долина» в новосибирском Академгородке. Но уж Бог с ними, с учеными, а от кочевников не ожидал я такой слащавой манерности и жеманности. Очень уж не вязалось это с природной их суровостью.

Оказалось, зря я подозревал их в нехватке вкуса. Перевал, находящийся на пересечении главных путей перекочевков, они иначе и называть не могли. Когда-то давным-давно целый табун с пастухами, проходивший здесь узкой тесниной под скалистыми кручами, был погребен под обвалом. С тех пор ни один кочевник не забывал принести в этом месте жертву горным духам. И как необычным было само событие, так необычен и посвященный ему обряд. Самое дорогое и необходимое кладут под камни все проходящие мимо местные жители. Муж-

чины оставляют боеприпасы, женщины снимают с себя украшения. Много под плитами и глыбами скопилось бисера, сережек и бус, патронов для армейского карабина и американского винчестера, стальных, кремневых и костяных наконечников для стрел и копий.

Когда Игорь, четырнадцатилетний хабаровчанин, трудный подросток, месяц назад исключенный из школы, и в тот сезон мой маршрутный напарник, услышал об этих чудесах, он загорелся желанием отклониться от запланированного многодневного нашего маршрута и хоть всю ночь идти, только бы побывать на Бисерном. Перед его глазами возникла отчетливая, как наяву, яркая картина со всеми деталями: вот он, напрягая все силы, сдвигает с места мрачную замшелую плиту, перебирает бисер, патроны, наконечники... Волнение охватило и меня, но посетила в то же время и какая-то смутная тревога.

— Ну, увидишь, а дальше что?

— Да нет, что же я, дикий, что ли? — возмутился Игорь. — Конечно, ничего не возьму, только посмотрю...

— Идет, — одобрил я. — Еще и сфотографировать неплохо бы.

И я тоже увидел мысленным взором зазубренные лезвия из черного обсидиана, красный и зеленый бисер, золотые серьги... Особенно эффектно будут смотреться все эти археологические находки, если разложить их перед темно-серыми монолитами на ягеле, белом и пышном, как платье невесты... Только надо успеть подняться на самую седловину ясным днем, пока полуденное солнце не зашло за отвесные каменные стены.

Дойти до перевала оказалось совсем не просто. Но не скалы и речные стремнины задерживали нас, не тяжесть рюкзаков замедляла ход. Непроходимым оказалось богатство здешней природы, которого и я, со своим тридцатилетним камчатским полевым стажем, не мог раньше представить.

На пути от стойбища Олелея мы заночевали в долине Навырин-ваяма. По рукавам и протокам этой реки целое лето, волна за волной, шел на нерест лосось — нерка, горбуша, кета... Медведи чувствовали себя здесь как дома. Неподалеку отсюда юный пастух Леня Тналхут встретил за день двадцать семь медведей, да и мы давно перестали

удивляться, если с одного места одновременно замечали по восемь — десять бурых богатырей. И потому Олелей очень беспокоился за нас: как мы будем спать без собак? Кочевник уходит в тундру всегда со своей верной лайкой.

— Вы лучше дежурьте всю ночь по очереди, а то мало ли что... Сезон очень опасный.

Да, мы знали, что у медведей сейчас пора гона. Но только увидев впервые эту брачную церемонию воочию, я понял, насколько точное название она получила. На просторной зеленой лужайке Михаил гонялся за своей избранницей. Она то и дело оглядывалась назад, и наверняка в голове у нее была одна только мысль: а не слишком ли быстро она бежит? Нет, не слишком, подтвердила следующая минута.

Миша догнал Настасью и принялся ластиться, прижиматься к ней, вылизывать шерсть своим красным языком. Сильно и нежно придвигал он подружку к себе, положив свою мощную лапу на ее загривок. Она отступала и пятилась назад, назад, пока совсем не скрылась под его огромным корпусом. Только светлая голова ее, как из воротника, выглядывала из-под темно-бурой шубы. Долго топталась на травке влюбленная пара...

Ситуация разрядилась самым естественным образом. Настасья, воспользовавшись секундной паузой в ласках, отпрыгнула от кавалера и мягкими скачками припустила к реке. Миша, на мгновение оторопев, рывкнул и бросился вдогонку. Прямо посреди реки, на отмели, он настиг беглянку и, невзирая на неподходящую обстановку, принялся снова облизывать мокрую свою возлюбленную. Путь к Бисерному перевалу был открыт.

Но вскоре возникли новые препятствия. Не успели мы пройти и километр, как между кустами кедрового стланика вдруг проскользнула рыженькая шубка. Лисенок! Задрав кверху носик, он поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, в напряженном внимании выставив остренькие ушки. Судя по выражению на морде симпатичного зверька, в смятенной его душе разыгрывалась драма «и хочется, и колется». И все же боялся он не очень. Прямо у его ног между

кривыми смолистыми стволами чернело отверстие глубокой норы. И в конце концов лисенок юркнул в свой спасительный лаз.

Мы обошли вокруг куста. Никто не появлялся. Конечно, решили мы, ему там под землей хорошо слышны наши шаги, он и затаился. Уж совсем было собравшись продолжить свой путь, мы случайно глянули вниз, к подножию бугра, и замерли на месте от изумления. Входы и выходы, с выброшенными из-под земли кучками песка, с разбросанными тут и там обглоданными косточками, перышками и пучками шерсти, открылись нашему взгляду. Сразу из нескольких нор высовывались рыженькие мордочки, некоторые с белыми отметинами на ушах, другие золотистые или светлые, лишь слегка желтоватые, и все они принюхивались, таращили живые глазенки прямо на нас.

Но стоило нам двинуться с места, как все зверьки тотчас, словно по команде, скрылись в черной глубине подземелья. Ну уж нет, мы просто так уходить не согласны! Снова бросили мы рюкзаки в низинке напротив нор, залегли с фотоаппаратами и стали ждать. Как выяснилось, не напрасно. Теперь малышня стала вылезать на свет божий поочередно. То одна мордочка, то другая появлялась безо всякого порядка из самых разных выходов. Они так мельтешили перед глазами, что было невозможно сосчитать, сколько же их там проживает. Но, я думаю, всего их было не меньше пяти-шести.

Вдруг они встрепнулись, как от шороха орлиных крыльев. Мы увидели маму. Маленькая лиска в клоаистой и грязноватой летней шубке застыла на вершине бугра с птичкой в зубах. Лисята недолго гадали, как будет расценено их своеволие. По-видимому, они поняли, что их ожидает. В момент скрылись они из глаз. Лисичка поспешными скачками преодолела оставшееся расстояние и, ни на мгновение не задерживаясь, нырнула вглубь за детьми. Сколько мы ни ждали после этого, никто больше не появился. Воспитательные меры, похоже, возымели действие. А может, это был запланированный послеобеденный мертвый час?

В прошлом году на этом же самом месте, неподалеку от моря, я был в маршруте с другим своим напарником, Сашей. Издалека мы заметили какое-то незнакомое существо, приближавшееся к нам по

тундре кособокими прыжками. Мы едва успели залечь и затаиться за зелеными своими рюкзаками, сливающимися по тону с окружающей карликовой растительностью. Росомаха!

Очень скрытный зверь, хищник размером с собаку, почти никогда не появляется перед глазами человека. И вот росомаха шла прямо на нас, предоставляя великолепную возможность рассмотреть себя. Особенно привлекала внимание желтовато-белая «шля» на светло-серой шкуре — широкая полоса, протягивающаяся от плеч по бокам к основанию хвоста. И еще казалась странной походка. Каждый ее прыжок был направлен не прямо вперед, а как-то чуть вбок, да и скорость бега была очень уж мала. С такой прытью росомаха может дойти себе еду, если только будет нападать из засады да брать жертву угоним, пока та не выбьется из сил. И верно, сравниться с нескладным этим зверем в выносливости не может ни один другой обитатель тундры. Разве что кроме Олелея.

Хищница подбежала к нам метров на двадцать — прекрасная диланция для съемки — и только после этого заметила прямо перед собой засаду. Мгновенный разворот, суетливый неуклюжий галоп — и снова перед нами чистая, ровная как стол тундра от хребта до хребта, и даже самим не верится — было или привиделось? Было, подтвердила по возвращении в город обработка пленок!

Не успела скрыться из виду росомаха, как со стороны моря показалась целая медвежья семейка. Мама с двумя малышами спускалась по обрывистому склону прямо к устью нерестовой реки. Мы начали сразу планировать, откуда лучше зайти для наблюдения и съемки. На прибрежной лужайке заметили издали какое-то коричневое пятно, которое приняли сперва за медведя. Но присмотревшись внимательнее, решили: нет, это что-то неживое — совсем неподвижное. Видимо, ржавая железная бочка. Много их тут выброшено на берег осенними штормами.

За бочкой мы и надумали притаиться. Пригибаясь, где бегом, где шагом, а где и ползком, мы приблизились почти вплотную к цели, как вдруг «бочка» встала на все четыре лапы, раскрыла страшную пасть и смачно зевнула. Потянувшись, она принялась щипать зеленую трав-

ку. Не оборачиваясь в нашу сторону, здоровенный медведище стал топтаться на пяточке вокруг своей недавней лежки. Мы как стояли, так и сели наземь. Предстояло заново переосмыслить ситуацию: где прятаться, за кем прятаться, от кого прятаться... Михаил Иванович уделял нам не более чем ноль внимания. Может, он даже и видел нас, но глазам своим не верил. Откуда здесь, думал, вероятно, он, могут быть какие-то там люди?

Покрутившись на одном месте, мишка сел, начал лениво общипывать траву, сколько доставала его мохнатая морда. Сделать хотя бы шаг ему было ужасно неохота, тогда он перекатился через спину, снова сел и продолжал лакомиться сочной зеленью на новом пяточке. Однако и это занятие вскоре ему надоело. Прямо под носом у нас он свернулся клубочком, словно котик на диване, и мирно засопел. Представление завершилось, надо было переключаться на другой театр вполне мирных, хотя и небезопасных для нас действий.

Медвежья семейка подошла к реке. Медвежата, немногим больше кошки, семенили по песчаной косе, забегали вперед и отставали. Медведица направлялась на пастбище. Плюшевые колобки катались у ее ног, тыкались носиками в ровный зеленый газон и тоже что-то щипали.

Медведица долго помахивала головой над густой молодой порослью, потом вздохнула, села по-собачьи и принялась общипывать травку вокруг себя. Иногда, не вставая, подтягивалась на передних лапах чуть дальше. Медвежата порезвились немного и принялись ластиться к маме. Разморенная солнышком, Настасья Петровна легла набок, положила вдоль тела переднюю лапу, подогнула к животу заднюю, и бурые детки уютно, как в сумке кенгуру, устроились в теплом гнездышке. Уткнувшись пяточками, они начали теревить соски. Когтистая лапа легла на медвежонка. Она не оставалась неподвижной, и впечатление было такое, что медведица гладит сыночка по голове. А потом мамаша принялась долго и тщательно, как корова теленка, вылизывать его, насколько могла достать языком, не тревожа ни одного из сосунков. Может, это была не ласка, а гигиеническая процедура? Не знаю.

Через некоторое время всякое движение прекратилось, маленькие головки исчезли где-то между мощными лапами и мохнатым корпусом, бурая морда откинулась на землю, и вся семья мирно отошла ко сну в пятидесяти метрах от людей и в сотне метров от рокочущего океанского наката. Лишь изредка приподнималась над травой голова медведицы и порядка ради поворачивалась туда и сюда. Так и продолжали медведи ласкаться и нежиться в течение полутора часов...

И медвежьей рыбалке доводилось наблюдать здесь не один раз. На мелководных ключиках лососю нет никакого спасения. Гоняясь за ним вперед-назад, то и дело меняя курс, медведь в конце концов настаивает свою жертву. Вот уж где косолапый устраивает пир!

Случаются, однако, и накладки. На нерестилище у устья реки Кур-ваям, впадающей в озеро Потат-Гытхын, посреди мелководья, на мишкину беду, затаилась яма диаметром два-три и глубиной около метра. Заслышав тяжелую поступь могучих лап, нерка моментально устремлялась на глубину. Промышлять на мели становилось бесполезно. Но как поймать мечущуюся рыбку в толще воды?

Косолапый становился на дыбы посреди ямы и, вертя головой направо-налево, пытался уследить за рыбьим хороводом. Но вот... подходящий момент! Мишка обрушивается с высоты своего гигантского роста грудью и лапами в воду, так что на поверхности остаются одни мокрые штаны, на берег бежит испуганная мутная волна. Обескураженный, выпрямляется незадачливый рыболов, по морде сбегает грязные ручейки, с носа капает и глаза залиты мутью, но уже ясно — и на этот раз остался с пустыми руками! А добыча-то здесь, никуда не ушла и не уйдет, на мель ее не выгонишь, она на расстоянии протянутой руки, шарахается наугад от одного склона ямы до другого, то и дело стучаясь о мишкины колени. Ну разве бросишь такое азартное занятие!

Еще бросок, еще выпад, еще, еще, еще... И вот косматый уже сопит и чавкает в ближайших кустах. А свято место пусто не бывает. Освободившуюся позицию занял еще один рыболов-спортсмен. И он вскорости удаляется под соседний кустик, передавая место очередному несытому. Кипит жизнь на нерестилище.

Переход наш к Бисерному перевалу затягивался. Еще одна интимная сцена из медвежьей жизни задержала наше продвижение. Поднявшись на пригорок, мы увидели впереди медведишку-прошлогодка, лежащего под кустом кедрача. Задрав вверх все четыре лапы, он пытался поймать ртом качающуюся на ветке шишку. То справа, то слева старался ухватить ее зубами, но раз за разом промахивался. Тогда мишка, вытянув лапу, пригнул ветку к морде, захватил в пасть сразу целую гроздь смолистых синеватых шишек и... заметил нас. Мигом перевернулся косолапый брюхом вниз, подскочил на месте и ломанул сквозь чащу. В первом же прогале он обернулся, встал на дыбы и, свесив передние лапы, принялся наблюдать за нами, стараясь предугадать наши дальнейшие действия. Но и у нас были те же намерения. Первым не выдержал косолапый, встал на все четыре лапы и медленно поплелся вверх. К нам он потерял всякий интерес.

...На перевале нас ждало жестокое разочарование. Камней, под которыми можно было бы запрятать бисер и патроны, тут оказалось великое множество. Игорь еще пылал энтузиазмом и потому, сразу же засучив рукава, начал поиски. Однако на третьем десятке тяжелых глыб и плит он помаленьку скис, потерял темп и кураж, вспомнил, как давно и скудно мы отобедали, и загрустил.

— Нет, Игорь, так не ищут, — попытался я обратить его внимание на элементарную ошибку каждого начинающего кладоискателя. — Поставь себя на место человека, который прячет. Засунул бы ты что-нибудь вот сюда? Нет же... Тут каждый понедельник осыпи грохочут, камнепады, ты бы потом и не нашел, куда клал свой бисер. Помнишь, как в «Острове сокровищ» одноногий Джон Сильвер сперва подыскивал отдельно стоящее дерево, у которого все ветви вытянуты кверху... Усваиваешь? Что здесь есть такого приметного? Посмотри — вон огромный валун, замшелый, рогатый, размером с дом. Он совсем не похож на другие. Я бы свой клад запрятал обязательно возле него.

Однако дедуктивный метод, воспетый Конан-Дойлем, на этот раз не сработал.

— А-а, понял! — догадался я. — Конечно, та скала, из-под кото-

рой бьет родничок, еще заметнее. Видишь, наверху у нее вполне под-
ходящая площадка, и там что-то ровненько уложено.

Увы, на скале тоже не оказалось клада. Тогда я нашел необычный
куст. Потом последний луч заходящего солнца, проникший в долину
через узкую расселину мрачной каменной стены, словно прожектором
осветил нишу в крутом склоне противоположного борта. Ну, конечно,
именно в таких тайниках пираты припрятавали свою добычу! Но нет,
и в нише не лежало ни женских украшений, ни боеприпасов. А может,
не последний, а первый луч солнца должен указывать захоронение?

— Как, Игорь, будем ждать восхода? — поставил я на обсуждение
главный вопрос повестки дня, хотя нет, день уже кончился, скорее —
повестки вечера.

— А где тут дрова? А колья для палатки? — засомневался Игорь. А
вдруг нам не помогут и первые проблески света? А если завтра будет
пасмурное утро? И ночь может оказаться дождливой. Игорь поежил-
ся. Что такое холодная ночевка под открытым небом, он уже успел
познать.

Скальный коридор на самом перевале имел неожиданно плоское
дно. Бесчисленными ручейками струилась прозрачная вода, образуя
заводы, плесы и маленькие озера. Это маленькое плоскогорье
обрывалось к северо-западу крутым склоном глыбовой осыпи. Вер-
шина каменного гребня слегка возвышалась поперек долины, как
плотина. Судя по всему, перевальное плоскогорье имело обваль-
но-запрудное происхождение. Когда-то давным-давно сошел с хреб-
та оползень, перемещавшийся на пути с массой каменных глыб и мо-
нолитов, и перегородил долину, заполнившуюся впоследствии реч-
ными отложениями и выносами с крутых склонов. Нет, не на пустом
месте возникла легенда о погибшем здесь табуне! Если совместить
геологические, этнографические и фольклорные свидетельства, мож-
но восстановить яркую и точную картину происшедшей в стародав-
ние времена трагедии.

Перевал Бисерный расположен под самой крышей горной страны,
где сходятся своими истоками реки Пылговаям, Навыринваям и
Илирваям, и в верхнем течении каждой из них раскинулось озеро. Их

три в голубом обрамлении перевала — Потат-Гытхын, Навайен-Гытхын, Илир-Гытхын. Нет в Корякском нагорье более живописных мест, чем окрестности перевала Бисерный, района кочевков бригады Олелея. А есть ли на планете места красивее самого Корякского нагорья?

Да будь здешние хребты хоть из чистого золота, все равно разработка ископаемых привела бы к невосполнимым потерям. Ведь любые ценности, имеющие денежный эквивалент, условны и эфемерны.

Ни единой гусеничной колеей не поранена тундра в уделе Олелея. Убежденным противником научно-технического прогресса всю свою жизнь был великий воспитатель молодежи. «Кочуйте, как деды ваши кочевали!» — требовал он всегда от подчиненных. А когда узнал однажды, что в его отсутствие бригада воспользовалась случайно подвернувшимся в поселке вездеходом для переброски груза от стойбища к стойбищу, ох и выволочку же он устроил молодым лодырям! Конечно, не об экологии он говорил, он взывал к их чувству мужского достоинства. Не пастушеское это дело — стремиться к облегчению труда и быта!

Олелей и его помощники взвалили на свои плечи немислимы для цивилизованного человека перегрузки и тем самым защитили первозданную природу от грубого вторжения беспощадной цивилизации. Они выполнили свой долг, сберегли хрупкую красоту для себя, для своих детей и внуков. Для всего человечества.

Одухотворенность

В июле 1990 года жертвоприношение, совершаемое обычно при выходе табуна на Пылговаям, не состоялось. Уже неделю на кочевье находилась японская киноэкспедиция. Объектив вел пристальное наблюдение за каждым пастухом, каждой чумработницей, фиксировал собачьи драки и детские игры. Но желающих разыгрывать роли дикарей не находилось.

Нагульщик Иван Ятгигин, первый заместитель бригадира, рассказывал об одной из типичных накладок в межнациональных отношениях. Рано утром, пока иностранные наблюдатели спали в своих палатках, он наловил рыбы. Пойманные кетины наделали много шума, они били мощными хвостами по воде, вырывались из рук, метались из стороны в сторону и плескались. Японцы проснулись и схватились за кино- и фототехнику.

Иван лакомился. Как все местные жители, он любил выедать у только что пойманного лосося самые нежные хрящики, располагающиеся там, где голова переходит в спину. Рыбина еще трепетала в его руках, когда операторы подбежали на расстояние съемки, на ходу

устанавливая выдержку и диафрагму. И не успели они навести видоискатели на экзотического туземца, как Иван отбросил кетину, аккуратно вытер руки об траву, доброжелательно улыбнулся чужакам и пошел к своей палатке.

Если кочевники не очень-то позволяли заглядывать себе в рот, могли ли они допустить, чтобы кто-то чужой заглянул им в душу? Вот и не состоялось жертвоприношение на Пылговаям. Только на берегу бухты Сомнения оленные люди принесли жертву духу моря. Жертва, как и принято у всех кочевников от Моисея до Олелея, была без порока. Красавец олень с арканом на рогах, склонив голову, ждал рокового удара. Вокруг в напряженном ожидании замерли все взрослые и дети. Ах, как бы это выглядело на цветной пленке!

Увы, мы пришли на бухту Сомнения двумя днями спустя после торжественного и красочного события. Ну хоть частично инсценируй мне обряд, упрасивал я Виталика Нинани в конце ночного дежурства, когда косые лучи восходящего солнца так контрастно высвечивали каждого оленя. Ну что тебе стоит! Поймай вон того пятнистого, наставь на него копье, сделай вид, что закалываешь, а потом отпустим его обратно в табун.

Виталик искренне хотел пойти навстречу моим желаниям, но колебался. Я чувствовал, что здесь затронуты какие-то тонкие душевные струны. Вроде бы от всего сердца рассказывают и показывают местные жители то, что мне интересно, и вдруг — будто натыкаешься на стену.

...Со своим напарником Игорем жили мы вместе со всеми обычной жизнью кочевья, принимали участие в хозяйственных делах, помогали пасти оленей, ходили на ночное и дневное дежурство. Наше особое внимание к оружию не встречало возражений. Игорь получил возможность беспрепятственно упражняться с копьем. Как вождь краснокожих носился он вокруг стойбища, потрясая тяжелым оружием. И наконец застыл у норы евражки — водится такой суслик на севере Камчатки.

Игорь оказался хорошим охотником. Ему хватило терпения дожидаться, пока евражка не высунул нос на улицу, полюбопытствовать, мельтешишь ли еще между палатками этот ненормальный или ему дав-

но надоела бессмысленная беготня. Точный удар сразил серенького пушистого зверька у самого выхода.

На таборе вспыхнула дискуссия на незнакомом нам языке. Слово «мельгиттанин» — чужой — я все же уловил, как и общее настроение глухого неодобрения. Дело было даже не в том, что Игорь убил животное. Скотоводы никогда не отличались излишней сентиментальностью. Убить можно, причинять без нужды боль нельзя — вот главный принцип в их отношении ко всему живому. Но и убивать без разбору тоже не годится. Принести в жертву, забить на мясо, в конце концов, прервать мучения обреченного оленя — одно, но убивать зря — это уже совсем другое дело!

Бегал себе евражка по табору, подбирал крошки, кидали ему дети остатки мяса, кусочки лепешки, кедровые шишки. И было весело смотреть, как, встав на задние лапки, евражка удерживал, словно руками, свою добычу и, быстро-быстро откусывая малюсенькие порции, поспешно набивал защечные мешки. Закончив заготовительные операции, он тотчас нырял головой вниз в черное отверстие своего подземного жилища.

Только собаки относились к грызуну безо всякой снисходительности. Учувя его запах или заслышав легкий шорох, оленегонные лайки бросались на суслика с той же свирепостью, как и на медведя. Но шустрый зверек будто нарочно дразнил страшных псов. У него всюду были ходы и выходы. Самые темпераментные недоросли с лаем и нервным повизгиванием бросались к норам, принимались с остервенением раскапывать их лапами, так что комья рыхлой земли летели вверх почти непрерывным фонтаном. Один упитанный и игривый щенок умудрился как-то за минуту целиком уйти под землю, только хвост еще был виден над тундрой, а в это самое время евражка, выбравшись через соседнюю норку, стоя столбиком и сложив лапки на брюшке, казалось, с насмешкой поглядывал на ретивого преследователя. Нет, никому не мешал симпатичный зверек на таборе.

Но осуждению подлежало не только бессмысленное убийство. Для его совершения было использовано священное оружие предков. Никогда кочевник не позволит себе употребить всеу сию, можно сказать,

принадлежность культа. Копье необходимо в основном для отправления обряда жертвоприношения. Много неписанных правил, запретов и ограничений связано у кочевника с древним оружием. И запятнать прадедовский клинок кровью ничтожного грызуна? Это немислимо.

На долгие часы повисла вокруг нас пелена отчуждения. Тем не менее взрослые были снисходительны — мальчишка, горожанин, откуда ему знать? К тому же все заметили и то, что проняло Игоря невысказанное осуждение. Да простится ему нечаянное прегрешение, такого он больше не повторит!

...И вот я предлагаю Виталию тоже не слишком благовидное использование окруженного особым ореолом предмета. А оно бы еще и выглядело довольно ненатурально. Извращение это, — почувствовал подсознательную неуверенность и я сам. Ведь жертвоприношение — акт общения с духами. Если веришь по-настоящему, разве можешь одобрить предлагаемый фарс? Видно было, что Виталик очень хочет пойти мне навстречу, и все же, вздохнув, он отвечает:

— Нет, не могу... Духи могут обидеться...

Механическое исполнение обрядов, бездумное следование предписаниям и церемониям культа еще никого не возвышало. Только искренняя вера способна сделать человека более нравственным.

Формулировка ответа мне запомнилась, я записал ее совершенно буквально. Виталий не сказал «разгневаются» или «накажут». В этой фразе — простая и понятная человеческая забота. Точно так же он мог бы побеспокоиться о друге: «Гаррик обидится». Он мог бы позаботиться об Ольге Константиновне, обо мне, о ком угодно — кочевник всегда опасается причинить кому-либо излишние неудобства. Тут было уважение, почтение, но не было никаких богобоязненных оттенков. Ничьими рабами не могли быть вольные анархисты тундры, не были они и рабами божьими.

Религия чукчи представляет собой комплекс взаимных обязательств между человеком и духами. В общем-то, это даже не обязательства, скорее обязательность и предупредительность. Какие-то строгие нормы, за отступление от которых предусмотрена жестокая кара, отсутствуют в светлой и необременительной вере туземцев.

Можно провести красноречивое сопоставление. В скрижалях Моисея было написано: «Кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти». И когда сыны Израилевы увидели человека в пустыне, собиравшего дрова в день субботы, то побил его все общество вне стана камнями, и он умер. Вот так-то...

А у дикого чукчи — всего лишь нежелание обидеть добрых духов. Улавливаете разницу?

«О боге рассуждают они, что он ни щастию, ни нещастию их не бывает причиною, но все зависит от человека», — писал С.П. Крашенников о камчатских жителях.

Духов много, они есть на каждом кочевом маршруте, и все они очень разные. Так же, как Пылга ничем не похожа на бухту Сомнения, так и духи этих мест не могут быть одинаковыми. Идея единобожия оказалась абсолютно чуждой для северян. Граждане общества счастливой анархии не могли представить унитарного устройства и в Верхнем мире. Любое царство Божие показалось бы им недостаточно демократичным. Если между людьми господствуют уважение и внимание, то и между духами — равенство и братство. И почему духи с людьми должны иметь какие-то иные взаимоотношения?

Верования любого народа тесно связаны с его отношением к труду. Крупнейшие мировые религии возникли на благодатном юге. Жителям полуденных тучных земель легко было вообразить изобильный плодами сад Эдем, обитателям которого все достается без малейших усилий. Ему были определены даже точные координаты на географической карте. Из райского сада вытекала река, ниже по течению разветвлявшаяся на четыре рукава: Фисон, Гихон, Хиддекель и Евфрат. И только за грехи Адамовы человек был выселен из рая, лишен вечного блаженства и обречен в поте лица добывать хлеб свой насущный. Грань была проведена в самом первоначале бытия: безмятежная райская жизнь — без труда, и труд — мука человеческая, проклятие Господне за непослушание.

Жителю стран полночных не удалось бы и представить места, где можно счастливо жить, ни к чему не прикладывая рук и наслаждаясь райскими яблоками. В чукотской и корякской географии не нашлось под-

ходящего урочища для Эдема. Анадырь или Колыма со всеми их притоками, протоками и истоками никак не годились для размещения сада, где плоды сами падали бы в рот. Да и Пенжина, Пахача, Гижига отличались в этом отношении немногим.

Бог не мог дать чукче ничего, потому что в ледяной пустыне ничего не было. Унижаться, выпрашивая у него какие-то блага, означало бы попусту терять время. Бог ничего не мог и взять, ничем не мог утешить, потому что ни из какого рая дальше Колымы и Чукотки не выселишь. Прожить на Севере без труда? Это не могло прийти и в голову. Жить значит работать, работать значит жить, а что за жизнь без радости? Поэтому труд и счастье даже изначально не были для чукчи отделены друг от друга.

Проклятие Господне Адаму и его потомкам означало, конечно, не обречение на физическую работу. Физические нагрузки необходимы для нормального человека, преодоление внешнего сопротивления вызывает удовольствие. Истинное проклятие могло состоять лишь в однообразии, монотонности труда, в отсутствии морального удовлетворения.

«Встает над морем один из дней, такой же, как и вчера, — писал Нурдаль Григ, — все тот же рокот глухих поршней, такой же как и вчера».

У кочевника не могло быть дня, такого же, как и вчера. Рокот глухих поршней не вторгся еще в его жизнь. Вчера была бурлящая, стремительная Пылга, и туман закрывал перевалы, сегодня вышли к бухте Сомнения. Ласковые волны тихо плещут на песок. На ночном дежурстве олени забились в кедрачи, пришлось подниматься за ними по склону почти на самую вершину. Медведь рывкнул в зарослях, заставил схватиться за карабин и укоротить поводок расвирипевшей оленегонной лайки, тотчас рванувшейся в атаку. Первые лучи солнца прорвались из-за тучи над иззубренным хребтом. Капельки росы засверкали в полураскрытых фиолетовых бутонах ирисов...

Разве такой труд может восприниматься как проклятие? А что же тогда такое счастье? Не было единовластия, единобожия у кочевников, не могло у них ни в чем быть и единообразия, лишаящего человека неповторимой индивидуальности, превращающего его из личности в усредненный элемент общественной системы.

И грехи ли Адамовы стали причиной превращения труда в проклятие?

Чтобы много потреблять, надо много и производить, а массовое производство может быть только поточным. Продукция с конвейера сходит абсолютно обезличенной, любые экземпляры — как сапоги одного размера. Да, таким образом можно резко повысить производительность труда, эффективность производства. Но за все на свете приходится платить...

Человек у конвейера становится винтиком чудовищного механизма, таким же, как и другие. В быту он пользуется предметами ширпотреба, сидит перед ящиком, тупо уставившись в экран. Массовое производство, массовое потребление, массовая культура... Только вот... культура ли это вообще, если она массовая?

Человек нутром чувствует, что ему подсовывают что-то не то, он не получает удовлетворения, ожесточается. Неискоренимы преступления, нарушения законности и норм общежития, пока не будет устранена дисгармония духовных потребностей и среднечеловеческого потребления.

Нормальному человеку, не испорченному «цивилизацией», в подобной жизни непонятно все. Зачем так спешить стремиться сделать быстрее, больше, дешевле? Разве одежда должна согревать только тело, а не душу? А можно ли согреть чужую душу, не вложив частичку своей собственной?

Как нет в тундре двух цветков одинаковых, нет в горах двух скал, неотличимых друг от друга, так не найдешь на Севере и двух кухлянок, похожих одна на другую, двух шапок одинаковых. По тону подбраны куски шкур, украшены бисером и яркими заплаточками из разноцветного сукна, сшиты вручную, стежок к стежку, окаймлены пушистым мехом. Завязки, застежки, манжеты, клапаны — все несет декоративную нагрузку. Фантазия, творчество, самовыражение... Скажите, для чего может использовать швея бараньи уши, медвежьи когти, гусиные лапки? О, Ольга Константиновна способна из чего угодно сотворить красоту! И хранятся вышедшие из-под ее рук произведения искусства в музеях и на выставках Паланы, Петропавловска-Камчатского, Москвы, выступают в ее кухлянках корякские танцеваль-

ные ансамбли, заказывает ей предметы традиционного обихода Союз художников... Причем, заметьте, искусство Ольги Константиновны — сугубо прикладное, хоть сейчас надевай национальный костюм и иди пасти оленей. А разве Ольга Константиновна единственная мастерица? А теперь подумайте, способна ли она стать швеей-мотористкой?

Конечно, и на Западе художники не смогут работать малярами. Но много ли художников среди огромной армии маляров и швей-мотористок? А у чукотской цивилизации все творцы. И ни один не пригоден для должности швеей-мотористки.

Уж чего, кажется, проще — копьё. Отковал наконечник, насадил на древко, и готово. Медведю все равно, на какой рожон переть. А человеку — не все равно. Просекают искусные кузнецы глубокие канавки в твердом металле, вгоняют в них тонкие пластинки из красной меди или желтой латуни и пришлифовывают заподлицо.

А зачем, к примеру, на копьё колокольчик? Да просто так. Для красоты, для благозвучия. Ножны на наконечнике, очевидно, не лишние. Оберегать надо лезвие от сырости, пыли, грязи, от случайных ударов о камни. А зачем на ножнах бахрому? И необходимо ли столь картинно привязывать их, устраивая на древке прихотливые переплетения ремешков?

Ну а зачем вообще человек живет? Ведь, наверно, не затем, чтобы производить? Скорее наоборот, производит, чтобы жить. Но чтобы жить, так ли уж много надо? И разве духовные нужды, стремление к красоте, единству людей и единению с природой не предпочтительнее материальных потребностей? Мало потребляя, кочевник освобождает себя и от необходимости много производить, он получает возможность все сэкономленные резервы человеческой личности потратить на удовлетворение запросов души.

И нам ли его учить...

Синдром приобретенного иммунодефицита

— Уж и не знаю, — сказала Ольга Константиновна, вылезая из палатки и направляясь к костру, — что бы я делала без чая. Померла бы, наверно.

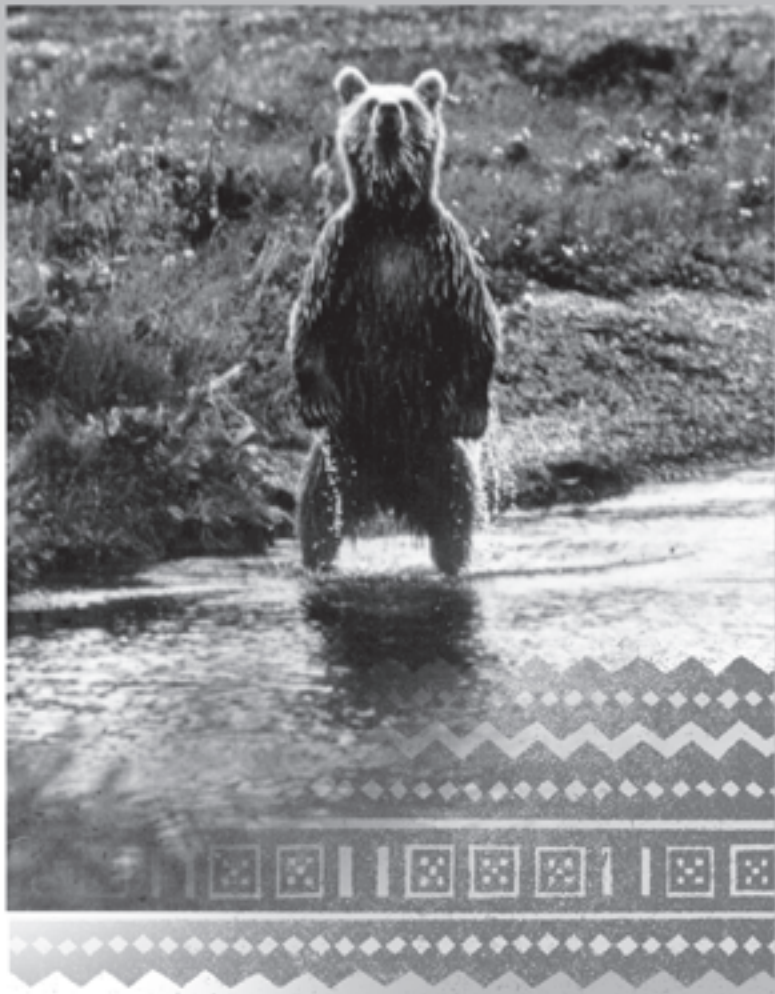
— А я вот не помру, — вступил в разговор Олелей.

— Помолчал бы, — возмутилась жена, — сам-то небось только глаза откроешь, сразу за кружку!

«Чайная голодовка считается самой тяжелой после недохода рыбы, — писал о коряках в 1925 году В.К. Арсеньев, — на третьем месте стоит хлеб, а потом все остальное». Но Н.В. Слюнин высказывается еще категоричнее: чайная голодовка не на втором, а на первом месте. Удивительно быстро чай покорила «храбрых и независимых дикарей Сибири».

И все же впереди шел табак. У Григория Новицкого, ссыльного соратника гетмана Мазепы, можно встретить упоминание о пристрастии остяков к куреву. Особенно большую роль сыграл табак в покорении чукчей.

А что это там за зверь такой с фотоаппаратом?

Табун на отдыхе — у пастухов перекур

Была бы прочна палатка, да был бы нескучен путь...

Самолет хорошо, пароход хорошо, а олени — лучше

*Коряк проживет
и без оленя.
Но корякский народ
без оленеводства
исчезнет
с этнографической
карты мира*

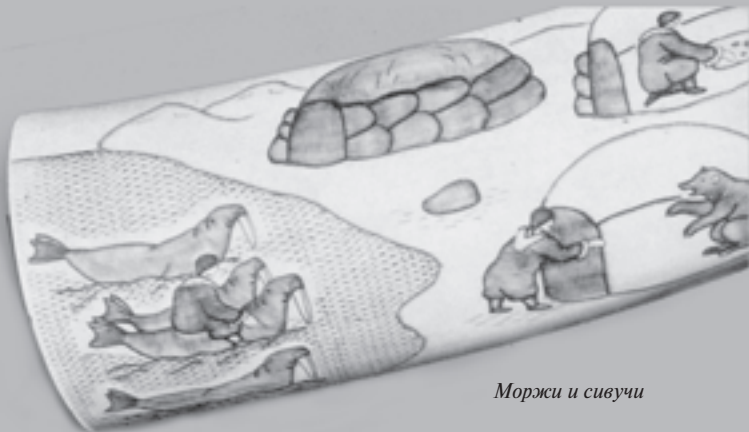
*Ольга Константиновна, чумработница и радист, выходит на связь
с центральной усадьбой*

На одном конце аркана — пастух, на другом — олень

*В пять лет уже почти взрослый пастух.
Мой друг Серёжка Ятгигин*

Моржи и сивучи

Эта бухта недоступна и с моря, и с берега

...И никого вокруг на десятки километров

*Когда-то на этнографической карте Северо-Востока
их было много — и племен, и людей*

Никакой силой не удавалось присоединить к империи «немирных инородцев», всего-то насчитывавших десять — тринадцать тысяч человек и никогда не собиравших более чем трехтысячное войско.

За полтора столетия «усмирений», перемежавшихся относительно спокойными периодами, в результате эпизодических прямых торговых контактов с русскими и постоянных косвенных — через юкагиров, коряков, чуванцев, тунгусов — чукчи заразились самой страшной болезнью цивилизованного мира, возбуждаемой вирусом потребительства. Они познали многое такое, без чего уже не смогли больше обходиться. Самым желанным товаром для них стал табак.

Единственным сортом, признаваемым оленеводами и охотниками Северо-Востока Азии, равно как и их чадами с домочадцами, был так называемый черкасский листовой табак — крепчайший горлодер, от первой же затяжки которого даже заядлого курильщика охватывал неудержимый кашель. Чтобы как-то смягчить шоковое воздействие, туземцы разбавляли самосад древесной корой и закладывали его крошечными порциями в свои маленькие трубки. Но более слабым зельем они пренебрегали. И как знать, не оттого ли Чукотка стала частью Российской империи, что конкуренты наших соотечественников — американцы — не нашли в своем гораздо более широком ассортименте товаров ничего даже отдаленно похожего на черкасский горлодер...

Миссионеры, потерпев полное поражение в попытках христианизации северных дикарей, нашли короткий путь к сердцу закоренелых язычников. Тем, кто соглашался креститься, обещали табак. За этот товар чукча готов был продать душу дьяволу.

Путешественники описывали совершенно анекдотические обряды приобщения чукки к таинству Христовой веры. Раздетого язычника окунали в ледяную купель. Посчитав дело сделанным, новообращенный возмущался требованию повторить это удовольствие. Чтобы согреться, он принимался бегать по морозу с возгласами: «Давай табак, давай табак!» Ему так невтерпех хотелось закурить, что даже одеться было недосуг. По прошествии некоторого времени чукча готов был креститься второй, третий раз, лишь бы получить причитающееся вознаграждение.

Узнали аборигены вкус сахара. С.П. Крашенинников был свидетелем первого знакомства богатого коряка с необычной «солью». Изумившись чрезвычайной сладости, туземец загорелся желанием отвезти маленькую щепотку жене, но не удержался и съел ее сам по дороге. Впрочем, жена так и не поверила ему на слово, что есть на свете продукт слаще голубицы, толченной вместе с корнями сараны и оленьим жиром.

Ныне сахар для жителей тундры — предмет гораздо более необходимый, чем для горожан. Расход энергии на перекочевке, как и при регулярном состязании в беге с быстроногими оленями во время ночного или дневного дежурства, таков, что сахар буквально тает, в каком бы количестве ни был он выставлен рядом с чайником.

— Да вы не чаюете, вы просто сахарничаете! — уличала Ольга Константиновна молодых парней из четвертой бригады Корфского оленесовхоза в июле 1989 года. И как было не возмутиться хозяйке табора, если семидесятикилограммовый мешок еще ни разу не удавалось растянуть на целый месяц, а ведь требовалось перевозить вслед за табуном и другие продукты. Да будь у пастухов хоть слоны для выюков, все равно бы и они надорвались от перегрузок во время преодоления самого простенького перевала!

...После встречи с русскими впервые открыли для себя обитатели Севера твердость железа. Но закон не разрешал продавать «немирным» чукчам никакие железные орудия. И потому они вынуждены были изготавливать ножи и наконечники для стрел и копий из добытых через третьи руки котлов. Одновременно с холодным оружием стало известно аборигенам и огнестрельное.

Нужны ли были «дикарям» упомянутые и неупомянутые дары цивилизации? Так ли уж плохо им жилось в их блаженном неведении?

Во времена С.П. Крашенинникова коряки были «хвастливы и горды тем, что никакие люди, ни самые россианы, такого роскошного жития не имеют». Нам нет нужды к вам ездить, говорили они купцам, потому что у нас всего хватает, а вы приезжаете на Камчатку, чтобы попробовать хоть раз в жизни жирную оленину. Спустя полвека Г.А. Сарычев замечал, что как ни бедными выглядят с точки зрения евро-

пейцев тунгусы, они гораздо довольнее своей жизнью, нежели любые просвещенные богачи.

Поэтично, как и подобает лицейскому другу А.С. Пушкина, Федор Матюшкин, спутник Ф.П. Врангеля, писал в 1820 году: «Как и другие народы Сибири, чукчи имеют немногие потребности, легко удовлетворяемые произведениями оленьих стад, которые дают им жилище, одежду, пищу и все, что требуется для кочевой их жизни. На снежных степях своего мрачного, льдистого отечества, под легкими палатками из оленьих шкур, чукчи почитают себя счастливее своих соседей, и на них всегда смотрят с сожалением. Легко и хладнокровно переносят они все недостатки и лишения и не завидуют другим, видя, что за необходимые удобства и удовольствия жизни надобно отказаться от своей природной независимости».

Можно сказать, что все исследователи приходят к согласию: бедно жили оленные люди до тех самых пор, как их «открыли», и прожили бы еще многие века без чьих бы то ни было забот.

Но белая цивилизация сделала свое черное дело. Вирус потребительства нашел питательную среду и в душах непокорных и счастливых северян. Купцы с простейшими товарами добились того, чего на протяжении полутора столетий не могли добиться военачальники с многочисленным войском. Чукчи сами изъявили свои верноподданнические намерения. Только бы не прекращался товарообмен.

Многое изменилось в вольной жизни бывших «немирных инородцев». Появились у северных анархистов старосты и тойоны. В натуральное, бестоварное свое хозяйствование внесли чукчи необходимые поправки.

Но не было мира в отношениях оленных людей с русскими купцами, которые обманывали и обирали простодушных и грубых дикарей. «Чукчи оказывались слишком мало цивилизованными, чтобы уметь скрывать неудовольствие под любезной улыбкой, — пишет Г. Майдель. — Справедливость они порывались восстановить силой, а так как являлись на торг по обыкновению вооруженными, то происходили кровавые стычки».

Удар колокола на ярмарке был сигналом: меха внесены в государеву казну полностью, можно торговать. Русские купцы, обгоняя друг друга, спотыкаясь и падая в снег, с товарами в руках бросались к ожидающим их покупателям. «Странную противоположность с суетливостью русских составляют спокойствие и неподвижность чукчей. Они стоят, облокотясь на копыя, у саней своих, и вовсе не отвечают на неистощимое красноречие противников, — писал Ф.Ф. Матюшкин, наблюдавший ярмарку в 1820 году, — если торг кажется им выгодным, то молча берут они предлагаемые предметы и отдают свои товары. Такое хладнокровие и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, дает им на торге большое преимущество перед русскими...»

Покорившиеся соблазнам цивилизации дикари постепенно превращались в обычных подданных Российской империи. За понюшку табаку они продали свободу. Хуже того — включились в гонку потребительства. Коготок увяз — всей птичке пропасть. Потребности, раз получившие хотя бы малейший импульс со стороны, в дальнейшем могут лишь возрастать. Джинн был выпущен из бутылки.

Кто покатит вверх камень, предостерегал Соломон, к тому он воротится. Камень воротится, обязательно воротится, это мы знаем. Но почему все же надо катить его вверх, только вверх?

Сведение затрат к минимуму при максимально возможном производстве, предназначенном для удовлетворения потребностей, как раз и означает получение максимальной прибыли — приводной шестеренки в механизме наиболее динамичного, саморазвивающегося общества. В действие включается конкуренция, фирмы с более прибыльным производством одерживают верх, разоряют побежденных. Вечный страх потерять все в конкурентной борьбе подхлестывает всех, и товарный вал нарастает, нарастает...

Вспомогательный критерий — эффективность производства — начинает диктовать свои условия, делает погоду, даже можно сказать — формирует весь психологический климат на планете вплоть до малейших погодных особенностей. Человек оказывается забытым в этом бесчеловечном целеполагании. Подразумевается, что

его дело — потреблять, потреблять, потреблять... Его не спрашивают, хочет он этого или нет. Надо, Федя, надо...

О нем задумываются лишь тогда, когда он перестает управляться со своими обязанностями. Но и кризисы перепроизводства не заставляют поставить вопрос: а может, малость сбросить обороты? Нет, वाली продукцию в море, закапывая в землю, лишь бы фабричные трубы не переставали все гуще и чернее коптить небо. Любой тупик общественного развития вынуждает лишь переключать руль влево, вправо, только бы акселератор был выжат до пола. Как заставить человечество все же съесть все приготовленное?

Нужно укрепить здоровье общества, но отнюдь не из заботы об этом самом обществе, а просто — в здоровом теле здоровый желудок, он в состоянии переварить больше произведенного продукта. Поэтому и было повышено благосостояние демократического общества честной конкуренции.

Говорят, автомобиль создал Америку. Практически каждый взрослый янки гоняет по закоулкам асфальтовых джунглей на своем «форде» или «мерседесе». Японцы пошли еще дальше. Все уже перенасыщено технически совершенной и недорогой продукцией на любой вкус, цвет и запах, но не уменьшать же темпы индустриального развития! Если поток автомобильной продукции застревает в глотке потребителя, так ведь этот поток можно подмазать! И вот фирмы продают машины с гарантией — через пять лет покупатель получит новую модель вне зависимости от того, вышла из строя его «тойота» или по-прежнему обгоняет на дороге всех соперников. Безукоризненно пригодная техника находит себе место на автомобильном кладбище.

Технологическая цивилизация одержала полную победу. Прежде всего над здравым смыслом. «Я иду по ковру, — спрягали наши бабушки в дореволюционных гимназиях, — мы идем, пока врем». Уже вконец изоврались, но продолжаем напускать все больше и больше тумана, лишь бы идти по ковру. Говорят, производство только реагирует на запросы потребителя. Да, у американца, у японца есть жизненная необходимость в автомобиле, иначе он просто не сможет об-

щаться с друзьями, родственниками, коллегами и компаньонами. Но возникла ли эта необходимость сама по себе или она стимулирована, то есть само ее зарождение спровоцировано? Впрочем, вопрос кажется слишком риторическим. Как появляется рынок сбыта наркотиков? Человеку сначала дают попробовать, бесплатно, от чистого сердца, а за последующие дозы требуют деньги...

«Громада двинулась и рассекает волны. Плывет, — говорил поэт. — Куда ж нам плыть?» Потребительская цивилизация торжествует. Но это пир во время чумы, это дорога без конца. Если естественные человеческие потребности невелики, то искусственные, извращенные не имеют предела. Как рисовалось нам раньше наше светлое будущее: социализм — это когда у Ивана мотоцикл, у Петра автомобиль, коммунизм — это когда у Ивана вертолет, у Петра самолет. Но зачем Петру самолет, возникал недоуменный вопрос. А как же, следовал обезоруживающий ответ, а вдруг он узнает, что в Киеве колбасу дают!

Хорошо, хоть нынче мы спокойны — Ивану не грозит стать обладателем вертолета даже в самой отдаленной перспективе. Зато грозит Тому с Джоном. Так зачем же Джону самолет? А вдруг он узнает, что на нагорье Путорана можно хлебнуть глоток чистой воды? А в дебрях Амазонии подышать без противогоза...

Если же послезавтра Джон начнет менять «боинги», как сегодня это делает Ясухиро с «тойотами», — не только глотка чистой воды в нагорье Путорана, горстки чистого снега в Антарктиде не останутся!

Правда, некоторые надежды человечеству сохраняет неравномерность общественного развития. Пока только индустриально развитые страны потребляют в три горла, это не такая уж большая, считают эксперты, нагрузка на экологические и сырьевые ресурсы планеты. Передовики не дадут никому догнать и перегнать себя, сумеют организовать утечку мозгов из недоразвитых стран, экспорт устаревшей технологии, закабалят отстающих долговыми обязательствами, неравноправными договорами... Но тогда неизбежны войны и революции — пролетарские, исламские, национально-освободительные... Снова тупики, снова безысходность.

Таковы далекие перспективы потребительской цивилизации. Но много ли выиграли аборигены Севера, сделав первые шаги по дороге, ведущей к пропасти?

Они стали промысливать в море на вельботах, с винчестерами и гарпунными ружьями. Если раньше не было поселка на берегу Ледовитого океана, где бы в течение года не добыли хотя бы одного кита, обеспечивавшего людей на долгое время мясом, жиром и строительным материалом для яранг, то к 1895 году уже и навыки охоты на самого крупного морского млекопитающего стали забываться. Если до того моржей били не только весной и осенью во льдах, но и летом, когда они выходили на берег, то с распространением цивилизации стали редкой удачей и моржи. Лахтак и других тюленей раньше промышляли столько, сколько было нужно для пропитания, для изготовления обуви, ремней и арканов, к концу XIX века они тоже почти исчезли. Голод, безысходность поселились в стойбищах приморских жителей, все больше пустели их селения.

Резко уменьшилось и количество пушных зверей в тайге и тундре, когда широкое распространение получило огнестрельное оружие. Высокомерная и невежественная цивилизация, агрессивная по отношению к народам, странам и континентам, завершив покорение неведомых земель, принялась покорять природу. Проявила свои преимущества перед недоразвитыми туземцами и в этом. Что ж, таким образом было получено очередное, давно уже излишнее доказательство: завоевательная цивилизация никогда не умела во благо распорядиться своей властью над «младшими» братьями, над природой.

Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, говаривал Солон, не отделится от него глупость его. Вовсе не нужно было ждать появления ядерного оружия, чтобы поставить под сомнение пользу технического прогресса.

Кочевникам повезло больше, чем их оседлым соплеменникам. В первых, земли оленных людей оказались не такими удобными для «освоения», как морские берега, и во-вторых, олени шкуры показались не столь привлекательными для завоевателей, как соболя или пес-

цовые. Однако и кочевникам не сильно поздоровилось, просто эффект оказался «сдвинутым по фазе».

Труд оленеводов никому не казался легким, но тяжелее всего, пожалуй, были перекочевки летом и в межсезонье, когда воспользоваться оленьими упряжками для перекочевки груза было невозможно. На Чукотке получило широкое распространение использование гусеничного транспорта в оленеводческих бригадах. Результат — беззащитная перед грохочущими, изрыгающими вонь и рев железными чудовищами тундра во многих местах напоминает рыболовную сеть: незаживающие шрамы от острых траков пересекают ее вдоль и поперек. Даже весной, когда летишь на вертолете, рассказывал Аркадий Нинани, раны земли просвечивают сквозь снежный покров, как кровавые рубцы через марлевую повязку. К счастью, не везде передовые методы были приняты на вооружение.

Технические нововведения причиняют ущерб не только окружающей среде — именно это в первую очередь имел в виду Олелей. Там, где в обиход вошли тракторы и вездеходы, неизбежно снизился интерес к оленьим упряжкам. Езда на оленях — основа всей народной культуры, связанная многочисленными нитями с материальным производством, спортивными навыками, психологией кочевников.

Ездовых быков надо было долгими месяцами приучать к упряжи, тренировать, тщательно ухаживать за ними, чтобы не ударить в грязь лицом перед партнерами на перекочевках, перед соперниками на гонках.

Необходима была и серьезная племенная работа. Чукотский тундровый олень во все времена был мельче и слабее таежного эвенского. Заядлые гонщики всегда стремились закупать у представителей тунгусских племен самых выдающихся быков-производителей и важенков для улучшения породы.

А многочисленные секреты выращивания молодняка, откорма, подведения к пику спортивной формы к нужному сроку! Не случайно победителями всегда, без исключения, оказывались старые, опытные пастухи. Самая талантливая молодежь рада была бы призовому третьему месту, не говоря уже о серебряном успехе.

Но и это не все. Могучий ездовой бык в перерывах между состязаниями и перекочевками гулял вместе с двумя-тремя тысячами прочих рогачей в общем табуне. Прежде чем запрячь, его требовалось отловить, для чего нужен был чаут и умение им пользоваться. Метание чаута — спорт, требующий крепких мускулов, верного глаза, способности долго бежать по рыхлому снегу и внезапно делать спуртовые рывки. Метание чаута — национальный обряд, когда собираются, как на трибуны стадиона, болельщики, принимают участие, подначивают и подковыривают, издеваются и восторгаются. Метание чаута закаляет характер, делает упрямым и терпимым, добродушным и незлопамятным.

Для перевозки грузов годилась одна нарта, для гонок — другая. И легкие, и тяжелые санки предназначались для езды по кочкам и косягам, по кустам и осыпям. Заваливалась нарта то налево, то направо, ныряла в ямы и сползала назад. Нарта скрипела и перекашивалась, скользила боком по льду и внезапно грохалась всей тяжестью о камень... Как сделать ее такой, чтобы не рассыпалась она на части при первом же серьезном испытании?

Ни единого гвоздя нельзя было вбить в копылья и полозья, прожилы и поперечины, чтобы не нарушить прочность древесины. И дерево шло на нарту не любое, да и невелик выбор в арктической тундре!

А ремешки для соединения деталей нарты, а чауты, постромки! Представьте себе, что из двухметрового лахтака вам поручили вырезать ремень двадцатиметровой длины. Не сразу придет в голову решение — многократно обходить спиралью вокруг корпуса морского зверя, снимая двухсантиметровую полоску кожи. Кольцо, скользящее по ремню при броске и захлестывающее петлю на оленьих рогах, должно быть легким и гладким. Для него нужен моржовый клык, бивень мамонта или бараний рог.

Ну и самое главное — все должно быть красивым. Какой же мастер допустит, чтобы из его рук вышло нечто аляповатое и постыдное! Очень хочется, чтобы восхищались твоим творением почтенные люди, с уважением поглядывали и на тебя самого.

Не на каждом кочевом маршруте росла каменная береза. Не во всех поселках побережья можно было добывать лахтака. Моржи плавали в Ледовитом океане, снежные бараны бегали по заоблачным хребтам Корякского нагорья. У любого нуждающегося в транспорте была только часть материала. Изготовление одной-единственной нарты побуждало идти на контакты с соседями. Приезжали оленные люди к оседлым соплеменникам, получали от них богатые дары — ремни, шкуры, готовые чауты. А потом принимали дорогих гостей, увозивших домой копылья, полозья, другие заготовки; случалось, и готовая нарта поджидала нового хозяина. За эквивалентностью обмена никто не следил, торговли как таковой не было. Просто старались от души для хороших людей, стремились отдать побольше. Формировался культ щедрости.

А сами соревнования! Темперамент, азарт, упоение скоростью, когда олени мчатся рога в рога, летит снежная пыль из-под копыт, и никто не хочет уступать!

До сих пор не изжита традиция, когда пастух по своей инициативе объявляет гонки — в честь рождения дочери например, и ставит на приз собственного оленя. А раньше ставкой бывало и многотысячное стадо.

Нет, если автомобиль создал Америку, то уж Чукотка с Корякией просто рождены оленьей упряжкой!

Лицемерная белая цивилизация не только лишает человека всех подлинных материальных ценностей, заменяя их эрзацами, не только обманывает, всучая вместо народной культуры дешевую субкультуру, она отбирает у каждого и все его физические возможности. Человек — дитя природы, и когда-то он жил в полной гармонии с ней. Но захотелось ему отключиться от неприятных ощущений, понежиться в комфорте и уюте. От мороза и зноя, от ветра, сырости, комаров и москитов защитили человека одежда, стены жилища, и в конце концов спрятался изнеженный потребитель в бетонных склепах посреди асфальтовой пустыни. Но разве склепы — для жилья? А где укрыться от вибрации и радиации, от фенолов и метилмеркаптанов, пестицидов и гербицидов, аллергенов и канцерогенов, от

инфразвуков и экстрасенсов? От семейных скандалов за стеной и автомобильных пробок на улице, от организованной преступности и нехватки электроэнергии, социальных потрясений и всеобщей озлобленности...

Когда-то человек был способен на многое. Сейчас об этом можно узнать лишь по скудным свидетельствам, касающимся недавно живших или ныне живущих племен, все еще не потерявших непосредственного контакта с естественной средой обитания.

С.П. Крашенинников сообщает, что некоторые камчатские жители спали зимой у костра, повернувшись к нему голой спиной. К утру огонь затухал, а туземец не просыпался, хотя спина и покрывалась инеем.

Многие путешественники поражались, как северяне легко и непринужденно проводили зимние дни на улице. Женщины даже кормили детей грудью, не прикрываясь одеждой, выделывали шкуры и шили при тридцатиградусном морозе. Перетерпеть холод, по-видимому, может и европеец, но как добиться, чтобы голые пальцы не коченели, сохраняли подвижность и чувствительность, необходимую при тонкой и кропотливой работе?

Г. Майдель, увидев однажды на стойбище полуобнаженных мастериц, побеспокоился, не холодно ли им? Северные красавицы решили было, что русский начальник считает их наряд неприличным, и начали поспешно натягивать меховые комбинезоны на свои пышные формы. Когда же переводчик донес до них смысл вопроса, раздался дружный взрыв хохота, и швеи тотчас снова подставили смуглые тела ласковому ветерку, пронизывавшему до костей господина исправника в его кухлянке из двойной оленьей шкуры.

Мужчины, обнажившись до пояса, часто устраивали состязания в борьбе и беге. Дистанция обычно составляла десять — пятнадцать километров по снежной целине. Нетрудно представить себе расход энергии на физическую работу и обогревание окружающей среды собственным телом. О нынешних соревнованиях полуголых стайеров я не слышал, но вот борются коряки и чукчи до сих пор на снегу в одних торбасах и брюках.

Конечно, сама жизнь требовала от кочевников полной приспособленности. В самые жестокие зимние бураны, когда ветер с ног валит, а от мороза лопаются термометры и замерзает водка, пастухи все без исключения оказываются там, где труднее и где они были нужнее всего — в табуне, рядом с оленями, не позволяя им разбежаться, перегоняя хотя бы в относительное затишье, не давая отстать больным, слабым и неокрепшим. Чукча мог обходиться зимой и вовсе без тепла, без огня, без топлива. Правда, вареное мясо кочевник все же предпочитал сырому, но мог целыми неделями находиться в табуне без яранги, и настроение у него от этого не портилось.

К холоду чукчу приучали с самого первого дня жизни. Маленькое нежное тельце новорожденного выставляли на свежий морозный воздух. Подросшим детям разрешали полуголыми бегать зимой между ярангами, да и сами ребятишки находили удовольствие в ходьбе босиком по мерзлой осенней земле. Мужчины работали обычно с непокрытой головой, шапку надевали только садясь на нарты или в очень сильные морозы.

Летом в Сибири ничуть не легче, чем зимой. Комары способны буквально с ума свести. Наглые кровопийцы часто заедают до смерти здешних копытных. Дикие олени собираются летом в огромные стада и мигрируют из тайги на север, преодолевая многоводные реки и любые другие преграды, лишь бы хоть немного отдохнуть от комариных полчищ на обдуваемых ветром морских побережьях. Сибирские просторы прокормили бы гораздо больше зверья, если бы не это маленькое хрупкое насекомое с хилыми крылышками и дрожащими голенастыми ножками.

Мы, геологи, обеспечиваем себе в летний сезон возможность с грехом пополам отдохнуть ночью, с тяжкими муками поработав днем, но у нас — отпугивающие химикаты, тюлевые накомарники, марлевые пологи. Пастухи днем и ночью на улице и никакими защитными средствами не пользуются.

«Чертовое время», — называют лето красное северяне. Это при советской власти появилась у них и техника безопасности, и охрана тру-

да, и работа в две смены, медицинское обслуживание, продовольственное обеспечение. Раньше пастух неделями обходился без горячей пищи, довольствовался всяческими травами и листьями, мышами, личинками оленьего овода, по величине и форме напоминающими личинки майского жука, — ведь поголовье надо было беречь.

И труд ему был не в тягость. Пастухи часто проводили по двое, по трое суток без сна. Нынче у аборигенов кишка тонка, утверждает Аркадий Нинани, пасти так же, как их не очень далекие предки. Многое безвозвратно потеряно. Однако не все, отнюдь не все.

Дневной дежурный из восьмого табуна Корфского совхоза отправился на поиски потерявшихся оленей. Ни оружия, ни продуктов у него не было. Лишь три конфетки случайно оказались в кармане. Отбившийся косяк он разыскал довольно быстро. Но по следам установил, что здесь в окрестностях гуляют еще несколько групп по пять — десять голов. Малые группы вообще неуправляемы, гнать табун можно лишь тогда, когда он насчитывает хотя бы несколько десятков оленей. И самодеятельный искатель, используя как приманку найденный им гурт, присоединил к нему всех прочих уже одичавших наполовину животных. Всего набралось около трехсот голов. Только после этого, через четверо суток, он вернулся на стойбище. С шутками и прибаутками рассказывал обо всем случившемся, и о том, в частности, что найденными конфетками он по-братски поделился с лохматым своим четвероногим другом. Если вы, читатель, не можете представить, что такое провести под холодным дождем хотя бы одну ночь, поверьте мне на слово — это нелегко. По крайней мере, туристам, альпинистам и прочим флибустьерам и авантюристам известны случаи гибели от переохлаждения, вызывающего понижение жизненного тонуса. При вполне положительной температуре. Да что там ночь!

Я помню, как мы вдвоем с Игорем пришли на кочевье у бухты Со-мнения. Целую неделю стояла мокрая, дождливая погода. Мы спали в палатках, ели горячую пищу, но обсушиться было негде. Как действовали на психику вечная сырость, холодная, скользкая одежда! Но жизнь на таборе и в табуне шла своим чередом. Всюду я встречал улыбки, доброжелательное внимание, юмор и разговоры о хорошем.

— А как же вы вообще сушитесь? — не выдержал я.

— Никак, — последовал обескураживающий ответ. — Просто ждем солнышка.

И в этом я убедился воочию. Когда ветерок разогнал наконец тучи, стойбище стало похожим на цыганский табор. На оттяжках палаток, на кустах, на копьях затрепетали рубашки, портянки, брюки... Только на кочках ничего не валялось. Опытные кочевники знали, что одежда может не успеть высохнуть на земле до следующего дождя.

Я-то мог собраться с силами, перетерпеть до возвращения в город. У пастухов, и молодых, и старых, у детей и чумработниц на это надежды не было. Это и был их привычный образ жизни. И хоть неделями не перестает дождь, благодушное настроение не покидает их никогда, много поводов для радости находят они и в плохую погоду. Как это прекрасно, что на влажном ягеле олени не поранят ноги, что не приключится у них копытка, что оставят их до солнышка в покое овода...

Так было в бригаде Олелея, принципиального сторонника сохранения традиционного уклада жизни.

...История будто специально поставила эксперимент на северных народах. Бок о бок, в одних и тех же суровых условиях жили тунгусы, чукчи, юкагиры и чуванцы.

Огромную территорию от Лены до Тихого океана занимали когда-то юкагиры. Дым от костров их стойбищ, по преданию, затмевал солнце, и даже ворон стал черным после того, как пролетел сквозь этот дым. Но вот юкагиры соприкоснулись с цивилизацией. И уже в 1789 году И. Биллингс констатировал: «Юкагирский народ чувствительно переводится, и в короткое время поколение сие пропадет совершенно». Нет нынче «земли юкагиров». Приполярная перепись 1926 года учла лишь 443 человека, считавших себя принадлежащими к этому народу.

Прямо противоположную эволюцию проделали чукчи. Владения их резко расширились с первой половины XVII века до начала XX века. Ни одна перепись не зафиксировала падения их численности.

В чем причина различий в судьбе чукотского и юкагирского наро-

дов? Юагиры «принялись подражать во всем россиянам, живущим около их страны, — пишет И. Биллингс, — выключая только то, что женский пол не позволяет волосу расти нигде на теле». О самобытных чертах культуры юагиров сейчас трудно говорить, меланхолически констатирует в 1958 году «Этнография народов СССР». Параллельно с утерей народных традиций, обрядов и навыков происходило постепенное забвение языка.

Чукчи не подражали никому, они оставались самими собой. Начиная с первых десятилетий XVIII века кочевые орды распространялись, как газ, который расширяется, пока не встретит сопротивления стенок сосуда. Ранее они занимали небольшую территорию на Чукотском полуострове и левобережье Анадыря, со временем их табуны и стойбища докатились по Анюям до Колымы, переправились через реку и заняли Большую Западную тундру. Далее горизонты им закрыли якуты. Перейдя на юг от Анадыря, чукчи принялись теснить коряков и эвенов, дошли до бассейнов Апуки, Пахачи и Вывенки, а на Охотоморском побережье были остановлены под Гижигой. Но места на одном континенте им не хватало; на своих кожаных байдарках переправлялись они через Берингов пролив и возвращались назад с добычей и пленными.

В составе России чукчи сохранили не только свободу, но и культуру, язык, и даже распространили свое влияние на окружающее население. Племена, которые не обрусели, отмечает начальник уезда, те «очукотились». Образ жизни хозяев здешней земли перенимали даже русские. У В.Г. Богораза есть рассказ «Олька-оленщик» об одном таком «перерожденце», мещанине Алексее Казанове.

Чукотский язык, по мнению Н.Ф. Каллиникова, играл роль языка межнационального общения, примерно как французский в Европе. И уж конечно не терял он позиций в своей стихии.

Чуванцы оказались столь же подвержены влиянию западной цивилизации, как и юагиры. Они растворяются среди окружающих народов, ассимилируются, теряют язык и культуру, констатировали исследователи в прошлом веке. «Это племя ныне почти не существует, оно частью совершенно обрусело, частью вымерло», — такое пе-

чальное заключение можно прочитать в статистическом отчете о племенном составе населения Сибири, составленном С.К. Паткановым в 1912 году.

Покорность судьбе, воздержание от брака, потеря энергии, активности, сопротивляемости распространялись среди самых «цивилизованных» туземцев. Жизненный тонус народа понижался. Многое из того, что раньше обеспечивало их существование, стало для них недоступным, непосильным. Чукчи охотились на диких оленей, которые им были не так уж и нужны, а юкагиры, регулярно голодавшие, — нет. Защитные реакции организма исчезали.

Но ведь это и есть самый настоящий иммунодефицит, угрожающий ныне здоровью всей планеты. Причем синдром иммунодефицита для юкагиров оказался приобретенным в качестве приложения к «европейским» потребностям. Если для самих разносчиков цивилизации потребительство аморально и бесперспективно, то не преступление ли — совращение неиспорченных этой скверной безвинных племен?

Не повторяет ли ныне человечество судьбу юкагиров? Куда как актуально звучит в конце двадцатого века грозное предостережение ветхозаветного пророка Амоса, такого же, кстати, пастуха, как и Олелей:

Вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия,

Вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища...

Пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастьями...

За то ныне пойдут они в плен во главе пленных, и кончится ликование изнеженных.

Я думаю, Олелей говорил молодежи, решившей воспользоваться вездеходом для перекочевки, примерно то же.

Рак, сердечно-сосудистые заболевания, стрессы, подавленное состояние, СПИД — не является ли все это следствием сверхпотребительства, потери приспособительных функций организма, карой

Божией возликовавшим изнеженным? «Мене, текел, фарес», — начертала таинственная рука на пиру вавилонян во дворце Валтасара. Исчислено, взвешено, разделено...

Или не все еще потеряно?

Что же делать? На волю, в пампасы? А где она, воля, и хватит ли оставшихся пампасов на всех обитателей асфальтовых резерваций?

Необходимо обуздать извращенные потребности, пока еще все вместе мы не пропили, не проели Землю. Устранить изоляцию от матери-природы, пока мы не превратились в студенистых и омерзительных головоногих. Симптоматично, что именно сейчас появляются конкретные предложения, направленные как раз на это. Одно из наиболее известных связано с легендарным Порфирием Ивановым.

Вернитесь к прямым контактам с природой через землю, через воду, через воздух. Ступайте босиком по земле, обливайтесь холодной водой, ходите полуголыми в любой мороз. Природа возвратит вам жизненную силу ваших далеких предков, сделает стойкими перед любыми невзгодами, невосприимчивыми к болезням. Можно сказать — ликвидирует иммунодефицит.

Что ж, это вполне совпадает с неписаным катехизисом чукчей.

Но вот что интригует. О самом авторе системы физического и нравственного самосовершенствования Порфирии Иванове можно услышать, что он — инопланетянин, посланец неземной цивилизации. Может, не случайно обе альтернативные цивилизации — космическая и чукотская — во многом совпадают?

Анархия — мать порядка

Многих путешественников поражало полное отсутствие у коренных северян какого-либо начальства — вождей, князьков, тойонов. Первым отметил этот необычный факт общественного устройства С.П. Крашенинников. «До покорения российскому владению дикой оной народ жил в совершенной вольности, — писал он о жителях Камчатки, — не имел никаких над собой начальников, не подвержен был законам и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое однако ж, только в том состояло, что их советы предпочитались; в прочем было между ими равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать».

Н.Л. Гондатти, начальник Анадырской округи в конце XIX века, впоследствии Приамурский генерал-губернатор, подчеркивал: «Всякий сам себе хозяин и решительно ни за кем не признает права вмешиваться в его дела... Сами чукчи говорят, что у них, у всякого, есть свой ум... Если встречаются между ними уважаемые люди, то это в зависимости от их личных качеств».

Мне показалось весьма интересным сравнить приведенные цитаты с выдержкой из Библии: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым». Современный комментатор Библии называет анархией общественный строй евреев во время Судей. Та же стихия царила и у оленных коряков и чукчей спустя три с половиной тысячелетия. В этом что-то есть, не правда ли, — пастухи-кочевники формируют одинаковую общественную структуру, течет ли в их жилах еврейская или чукотская кровь, живут ли они в тринадцатом веке до Рождества Христова или в девятнадцатом после ононого, пасут ли они оленей в обледеленной тундре или овец в раскаленной пустыне. По-видимому, за этим сходством стоит какая-то общая и весьма глубокая причина.

Итак, анархия. Понятие весьма подозрительное, по крайней мере для русского читателя. Вот и Г. Майдель, отмечая вольность и безвластие в обычаях чукчей, заявляет: «Однако из этого нельзя еще заключить, чтобы между ними господствовала полная анархия». Конечно, для правителя огромного округа Российской империи анархист был чем-то вроде антихриста и виделся, надо думать, в образе бородатого неряшливого разночинца-бомбиста, сеющего смуту, атеизм, ниспровергающего основы человеческого общежития. Да и для моего поколения, выросшего на книгах и фильмах о революции и Гражданской войне, анархия символизирует своеволие, хаос, разгул насилия. Банды батьки Махно, лихие тачанки; пьяная матросня, распеваящая гимн «Цыпленок жареный», под черным знаменем врывается в городок, ставит к стенке добропорядочных граждан, насилует их жен и дочерей...

Однако ничего плохого в самом по себе слове «анархия» не содержится. В буквальном переводе с греческого анархия означает безначалие, безвластие. Если человеком никто не командует, вовсе не обязательно он будет жить как ему в голову взбредет. Заметили — в Библии употребляется формулировка: каждый делал то, что ему казалось *справедливым*!

Удивительно устойчивой оказалась анархия! Чукчи сохранили свое привычное безначалие от самого «открытия» их русскими в середине

XVII века вплоть до середины XX века. Могло ли общество, не удерживаемое от распада принуждением, страхом, насилием, просуществовать столь долго, если бы оно не было внутренне гармоничным? Звучит, конечно, странно: анархия — и никакого хаоса, столкновений и потрясений; напротив, полный порядок. И всего-то для этого требуется — уважать интересы других, как свои собственные.

Правда, не всегда кочевое сообщество сохраняло безвластие. В периоды войн оно выдвигало из своей среды вождей. А воевать чукчам приходилось, пожалуй, не реже, чем евреям. И те, и другие были окружены — или окружали себя? — врагами. Филистимляне, аморреи, хеттеи, иевусеи, коряки, юкагиры, «дикие американцы», русские. Как и евреи с филистимлянами, дольше всего сражались чукчи с единокровными своими братьями — коряками. То один народ, то другой переходил границы, угонял чужие табуны и захватывал соседские стойбища. Как евреи с боями прошли из Африки в Азию, так и чукчи вторгались из Старого Света в Новый.

Параллели, прямо скажем, столь же убедительные, сколь и неожиданные. И не потому ли даже в анекдотах евреи и чукчи мирно сосуществуют в роли главных героев? А ведь на первый взгляд — настоящие антиподы и проживают в противоположных углах величайшего материка, и сегодняшний еврей без галстука — столь же редкое явление природы, что и чукча в галстуке.

С территории нынешних Соединенных Штатов чукчи привозили добычу и пленных. Натуралист Карл Мерк, командированный Екатериной II на Чукотку с экспедицией Дж. Биллингса, сообщает даже таксу: за одного американца чукчи требовали с покупателя двенадцать важенок или десять важенок и двух обьежженных оленей.

Впоследствии, правда, американцы подорожали. Или олени подешевели? Во всяком случае, отец Александр, настоятель Чаунского прихода в середине XIX века, пишет уже о новых расценках: двадцать — сорок голов оленей за одну голову представителя Нового Света.

Почти два века воевали кочевники с русскими, нанесли им ряд поражений. В 1730 году неподалеку от реки Парень чукчи разбили отряд казачьего головы Афанасия Шестакова, захватили знамя, двенад-

цать фузей, три винтовки, двенадцать ядер и убили самого командира. Не умевший ни читать, ни писать, алчный и свирепый начальник экспедиции, получивший задание «объяснить» туземцев, понимал предписание без лишней дипломатии. Обнаружив стойбище, казаки обкладывали яранги дровами и поджигали их, требуя уплаты дани соболями, песцами, лисицами. Много людей сгорело заживо, пока руководство не осознало простую истину: коряки и чукчи не добывали пушнину!

После гибели А. Шестакова во главе русского войска был послан капитан Тобольского драгунского полка Д.И. Павлуцкий. Как считает историк Сибири П.А. Словцов, Павлуцкий — не чета Шестакову и Хабарову. Правда, и он тоже сжигал яранги, но лишь те, из которых стреляли.

В чукотском народном эпосе Дмитрий Павлуцкий фигурирует под именем Якунин. Его противника, вождя на время войны с русскими, в своих преданиях северяне называют Кивающим Головой. Сигнал к атаке предводитель подавал кивком головы. Как видим, и в руководстве боевыми действиями проявлялась у чукчей истинно нордическая скупость слов и даже жестов.

Правда, в чукотском фольклоре Кивающий Головой выглядит скорее сильным воином, чем полководцем. Первым врвался он во вражеские укрепления. И рядом с ним сражалась его жена: она — с топором в руках, он — с ножом.

С поля боя чукчи так и ушли непобежденными. Более ста лет держали они в осаде Анадырскую крепость. И империя, установившая господство над половиной Европы, большей частью Азии и огромным куском Америки, ничего не смогла поделаться с народом, никогда не насчитывавшим более трех тысяч воинов. Да и на многое ли способна сила, если ей противостоит свободолюбие? «Привести чукок в подданство невозможно», — доносил 10 февраля 1732 года в Тобольскую губернскую канцелярию Д.И. Павлуцкий.

«Эти мужчины храбры, когда им противостоит масса, меньше боятся смерти, чем трусости», — так характеризовал чукчей в 1792 году К.Г. Мерк. Смерть они часто предпочитали потере свободы, — вто-

рит ему в 1878 году знаменитый шведский путешественник А.Э. Норденшельд.

14 марта 1747 года, будучи уже хорошо знакомы с «огненным боем» кремневых ружей, на реке Орловой, неподалеку от Анадырской крепости, кочевники после первого залпа противника бросились с копьями в молниеносную атаку, не позволив русским перезарядить оружие. И казачья вольница обратилась в бегство. Достигнув основного войска, они принялись убеждать товарищей не вступать в бой за мертвое тело начальника, приводили всевозможные доказательства, что Д.И. Павлуцкий убит.

Только на следующее утро казаки осмелились возвратиться на поле брани. Действительность опровергла все выдумки паникеров. В трех местах снег был истоптан и завален трупами чукчей, на четвертой гряде тел лежал сам командир.

Отважный начальник был огромного роста, тяжелый и к тому же носил кольчугу и шлем. Если другие русские в походе ехали каждый на отдельных санках, запряженных одним оленем, то нарту Павлуцкого еле везли четыре оленя. Оставшись в одиночестве, он бросился в толпу врагов и жестоко дрался, держа в правой руке саблю, а в левой — ствол изломанной винтовки. Трижды наступал он на чукчей, и трижды они вынуждены были отступить от воина, неуязвимого, как танк, для их стрел и копий. И когда силы уже изменили ему, чукчи, захлестнув его арканами, повергли наземь и принялись душить. Сознывая безысходность своего положения и не желая принимать медленную смерть, он открыл нагрудник. Удар копья прервал его мучения.

Уважая Павлуцкого — храброго и грозного противника, — чукчи долго хранили его голову, как когда-то печенег сберегали череп Святослава. Кольчуга Павлуцкого от Кивающего Головой перешла по наследству к его правнуку — Амвраоргину. Преподнесенная Г. Майделю в качестве бесценного дара, она была затем пожертвована колымским исправником Иркутскому музею, где пропала во время одного из пожаров.

В том решающем мартовском сражении 1747 года чукчи снова добыли богатые трофеи — пушку, знамя, много ружей. Захвачены были

и пленные. Интересен финал этой истории, каким запечатлелся он в памяти чукотского народа: пленных отпустили, «снабдили их жирным мясом в дорожный запас, дали им сильные упряжки. Приехали к своим и рассказали. С тех пор прекратилось жестокое убивание людей на этой земле...»

В 1771 году казаки отступили в Гижигинск и Нижнеколымск, спешно возвели там высокие бревенчатые стены и стали ждать нападения. Но нападения не последовало. И очень скоро все фортификационные сооружения превратились в карикатуру на военные объекты. Ко второй половине XIX века в Нижнеколымске осталось всего девять жителей, в Среднеколымске — два-три десятка домишек и одиннадцать казаков без ружей, знамен и мундиров. А в Анойской «крепости» красовались несколько пустых срубов, обнесенных рубленым забором из плавника, и когда какой-то проказник чукча, напившись пьяным, вздумал перелезть через крепостную стену, она тотчас рухнула.

Другой враг одолел свободолюбивых кочевников, имя которого мы уже знаем. И счастливая их анархия стала клониться к закату. Но даже назначение тойонов немного изменило поначалу в их общественном укладе.

Наблюдая жизнь гренландских эскимосов, известный американский художник и писатель Рокуэлл Кент делает замечательное предположение: уровень цивилизации определяется степенью использования обществом всех тех возможностей, которые отпущены ему окружающей средой. При достижении предела развития исчезают внутренние борьба и конкуренция. Если у людей нет взаимно противоположных интересов или сами граждане умеют находить приемлемые для всех решения, зачем нужны специальные органы государственного или общественного регулирования? Если есть авторитетные люди, с мнением которых считаются, зачем полиция, юстиция, прокуратура, адвокатура? И что делать власти там, где и без нее все идет хорошо?

Они совершенно счастливы, пишет Р. Кент об эскимосах, разногласий и споров между ними не бывает, и поведение отдельных граждан как бы инстинктивно соответствует требованиям неписаного кодекса законов.

«Сколь ни бедно кажется состояние сих людей, но они гораздо им довольнее, нежели просвещенные, в непрерывном довольстве живущие богачи», — это уже Г.А. Сарычев о тунгусах.

«Между собой они живут в полном согласии, — сообщает о чукчах Г. Майдель, — муж и жена почти всегда ладят между собой, и первый никак не считает последнюю за подчиненное ему существо, за рабыню, а смотрит на нее как на подругу жизни».

Многое в общественном устройстве начинается с семьи, с брака. А брачные отношения кочевников поучительны. Прежде всего, одинокое существование в ледяных пустынях Севера было немислимо. Мужчину без жены, без семьи никто не воспринимал всерьез, не считал полноценным человеком. Пастух мог работать по-настоящему, только если кто-то заботился о нем дома, выделывал шкуры, шил для него теплую одежду, изготавливал меховое жилище, выколачивал логи и подстилку яранги. Прочие женские обязанности, известные любому белому человеку, были уже дополнением к главному: одарить теплом, спасти от лютой стужи.

А добыть жену можно было только по взаимной любви. Схватана, просватана — только таким, согласно обычаю, мог быть успешный финал многомесячного ухаживания. И ни сила, ни хитрость не могли помочь нелюбимому. На первый же зов невесты тотчас сбегались женщины со всего стойбища с палками, дубинками, выбивалками для шкур из оленьего рога. Неделями отлеживался после неудачного домогательства горемыка; бывало, получал и серьезные травмы. Неприступная полярная Тамара, косяками отвергавшая настойчивых женихов, — такая романтическая фигура была не в диковинку для Чукотки.

И — никакого калыма. Кочевники не продавали своих дочерей. Более того, невеста получала приданое. И если его олени становились общими, то ее олени оставались ее оленями, сохраняли ее клеймо. На прокорм семьи забивались только олени мужа. Съесть оленей своей жены — не было для чукчи большего позора. Так что у жены всегда сохранялась материальная основа независимости и в браке.

Независимость эта не была пустой абстракцией. Капитан А.А. Ресин, наблюдавший образ жизни и нравы чукчей в 1885 году,

пишет, что если жена полюбит другого, то сообщает об этом мужу, и он отпускает ее к новому возлюбленному. Если же разлучал супругов злой рок, то оставшийся в живых оказывался в критическом положении. Чтобы предотвратить трагический исход для всей семьи, были предусмотрены гуманные и эффективные социальные механизмы. Вдову старшего брата брал в жены младший брат, и дети погибшего становились его детьми. Овдовевший чукча тоже не был обречен жить бобылем, его дети не становились сиротами. Жену ему заменяла ее младшая сестра. Ничего особенного, впрочем, в этих обычаях не было. Левират и сорорат существовали у многих народов во все века, начиная, по крайней мере, с ветхозаветных времен.

Не ушел этот обычай в прошлое и до сих пор. В четвертой бригаде Корфского оленесовхоза я познакомился в 1989 году с пастухом Виктором Кайныном, который однажды возмущился обращением своих друзей: «Что вы все Кайнын да Кайнын! Я же Эвевна!» Оказывается, Кайныном звали его погибшего старшего брата. После его смерти Виктор унаследовал жену — симпатичную медсестру Катю, сына и... имя.

А вот чукотское «товарищество по жене» — социальная норма настолько уникальная, что даже у братьев-коряков не была принята. Европейцы, правда, долгое время понимали ее не совсем правильно. Распущенность нравов, гостеприимная проституция — такой была расхожая интерпретация. Предлагают, мол, свою жену первому встречному и поперечному, особенно белому. Инстинктивно осознают, дескать, что их генофонд, ограниченный малым числом гамето-зиготных комбинаций, нуждается в притоке свежей крови.

И вот отец Александр, настоятель Чаунского прихода в пятидесятых годах XIX века, изнуренный долгим постом за время богоугодной миссии по языческим кочевьям и стойбищам, оскормился. Попутал-таки нечистый долгогривого. Чукчи же никакого греха в том не увидели. А увидели акт добровольного вступления в «товарищество по жене», предполагавший безусловную взаимность. Долго ли, коротко ли, но ответный визит родственничку новоиспеченные братья во Христе, «товарищи по жене» нанесли. Шестеро добрых молод-

цев в шкурах потребовали матушку. Нетрудно представить смятение и отчаяние, поразившее души православной четы.

Выручила служанка, принявшая сладкий грех на себя. Благо что замолвить слово перед Богом, вымолить отпущение взялся сам духовный отец. Чукчи не заподозрили подлога, решили, что «товарищ» направили к ним свою младшую жену.

Еще более пикантная история произошла несколькими годами позже с чиновником по особым поручениям при якутском губернаторе Шевелевым, посланным в тундру, чтобы убедить чукотского лидера Амвраоргина присягнуть на верность императору Александру II. И скорее всего полномочный посланник догадывался о встречных обязательствах, налагаемых на него заманчивым предложением хозяина, радушно принимавшего его в своем шатре. Но, видимо, Шевелев, прекрасно осведомленный о свободолюбии диких племен Севера, был слишком уверен в неуспехе дипломатического предприятия. Короче говоря, чукотским гостеприимством он воспользовался на все сто процентов.

Однако опытный чиновник просчитал не все варианты. Амвраоргин был обеспокоен угрозой со стороны американцев, спаивавших, обиравших и грабивших доверчивых аборигенов Чукотки. Искать защиты от алчных торгашей и наглых китобоев он приехал в Якутск. 8 сентября 1859 года Амвраоргин принес присягу доброму царю всея Руси Александру Николаевичу, заканчивавшуюся словами: «Целую Евангелие, крест моего создателя. Аминь» (интересно, как это выглядело в переводе на чукотский и какие мысли и чувства вызывало у чукчи?).

В доме побратима он отметил эпохальное событие должным образом и стал ждать в своей спальне мадам Шевелеву. Хлебосольный хозяин принялся плести какую-то околесицу. Чукча рассвирепел. Ревнивая жена узнала от переводчика о причине ссоры и тут же, на глазах высокого гостя, отхлестала неверного супруга по щекам.

И все же ничего эдакого «товарищество по жене» не содержало. Это был механизм взаимопомощи, социальной защиты на случай трагических непредвиденных обстоятельств, для Чукотки, увы, неред-

ких. Если погибал один «товарищ», другой обязан был взять его семью — его жену в качестве своей второй жены, его детей как своих собственных детей. И в нужде все члены «товарищества» помогали друг другу как близкие родственники. Человеку, не состоявшему ни в каком из брачных межсемейных союзов, было гораздо труднее в любви несчастье.

Идея взаимопомощи оказалась настолько убедительной, что в брачные союзы с чукчами вступали и русские — колымские казаки, периодически страдавшие от голоденок. «Жена не калач, один не съешь», — приговаривали в порядке самооправдания «очукотившиеся» мужики.

Забота о детях стояла у чукчей на первом месте. Ни один ребенок никогда не оставался сиротой — таков главный смысл специфической чукотской полигамии. И внебрачные дети дочерей воспитывались в ярангах дедов безо всякого клейма неполноценности.

«Взрослые обращаются с детьми всегда хорошо, они охотно балуют их, — пишет Г. Майдель, — так что ребятишки всегда довольны и веселы». «Детей не бранят и не наказывают, и все же более благонаправленных детей я никогда не видел, — признается А.Э. Норденшельд после знакомства с чукотской педагогической системой. — Поведение их в яранге можно вполне сравнить с поведением хорошо воспитанных европейских детей в гостинной».

Так же поражало путешественников и исследователей отношение северян к старикам. Молодые все трудное берут на себя. Лучший кусок, лучшее место — представителям старшего поколения. Работать старику не позволено вовсе, независимо от того, бедный он или богатый. Молодые приводят его оленей, запрягают и выпрягают их, счищают снег с его одежды, молчат, когда старик говорит, и никогда не возражают, даже если он не прав.

«Между оленными людьми, — утверждает А.В. Олсуфьев, адъютант командующего войсками Приамурского военного округа, направленный в 1895 году генерал-губернатором С.М. Духовским в Анадырскую округу, — преступлений вовсе не бывает, что является следствием их патриархального быта в тесном кругу семьи».

Но, может, это все же преувеличение? В семье не без урода, причем, увы, в любой... Что ж, возможно, но в таком случае преступления «должны быть довольно редки, так как они не производят глубокого впечатления, и главное, не колеблют общую народную жизнь» (Г. Майдель). А вот и статистика, правда, немного не по тому месту, но с такими же «дикарями» — алеутами. Отец Иннокентий, в миру Иван Евсеевич Вениаминов, долгое время служил миссионером в округе Уналашка во владениях Российско-Американской компании; он сообщает цифры: за сорок лет среди населения в шестьдесят тысяч душ зафиксировано только одно убийство.

Среди остяков и самоедов, пишет академик А.Ф. Миддендорф, за целое столетие было совершено только одно убийство во всей тундре. Тот же Иннокентий, после миссионерской деятельности на Алеутах поставленный на должность епископа Алеутского и Камчатского (в конце своей духовной карьеры он стал митрополитом Московским), констатирует беспристрастно: «Во всей Камчатской епархии, можно сказать, совсем нет ни воровства, ни убийства». Почти теми же словами пишут и Л.Г. Морган о свирепых ирокезах, и даже Н.Н. Миклухо-Маклай о людоедах-папуасах.

Да и откуда было взяться преступным наклонностям, если добро окружало «дикарей» с самого рождения? Их дети никогда не дерутся между собой — это А.Ф. Миддендорф о вогулах и самоедах. Даже не ругаются — усиливает тот же тезис отец Иннокентий. В алеутском языке даже необходимых для этого выражений не предусмотрено. «А твоя мать не умеет шить» — самое грубое ругательство, доступное маленькому алеуту.

Ну а как осуществлялись полицейские функции в обществе абсолютной анархии? Разве за преступлением не должно следовать наказание?

Капитан А.А. Ресин пишет об одной разбойничьей семье, жившей в бухте Св. Лаврентия. Отец с тремя сыновьями грабили кочевников и жителей побережья, пока наконец терпение у людей не лопнуло. Зимой 1884 года чукчи собрались на совет и решили покончить с ними, оставив в живых только одного младшего брата, чтобы содержал семью.

Продуманны, рациональны, продиктованы заботой о человеке «законы тайги», неукоснительно соблюдаемые пастухами и охотниками. Брать из чужого капкана пушных зверей нельзя, съедобных — можно. Увидишь где-нибудь запас дров и пищи — пользуйся, но по возможности компенсируй сразу или восполни потом, когда снова попадешь в эти места. Нашел в мерзлоте бивень мамонта с надрезами, сделанными ножом, — не трогай, оставь первооткрывателю, который просто не успел вывезти его сразу.

Зашел в чужую ярангу, в которой нет хозяев, — не бери ничего без крайней нужды. Но если ты дошел до этой крайности — бери, только оставь расписку: хотя бы ремешок с завязанным узлом или какую-нибудь мелочь из личных вещей, чтобы хозяева, вернувшись, узнали, кто приходил в их отсутствие.

Близость к природе делает людей добрее. Отношение местных жителей к животным до глубины души растрогало А.В. Олсуфьева — случайно пойманного птенца, лису с негодной летней шкурой они отпускали на волю; даже имея сильную нужду в мясе, не убивали загнанного ими дикого оленя, если он оказывался очень худым; мучения раненого зверя всегда спешили прекратить.

Заботы оленных людей друг о друге, о бедных, голодных, нуждающихся описывали буквально все, кто наблюдал кочевников в их стихии.

У кого две одежды, говорил Иоанн Креститель, тот дай нищему, и у кого есть пища, то делай то же. Оленные люди поступали в полном соответствии с заповедью Предтечи, не имея о ней, правда, ни малейшего представления. У них были и одежда, и пища, и шкуры, были и жилы, из которых делали нитки. Не только своим близким, не только дальним соплеменникам, оседлым корякам и чукчам, совсем чужим, русским и даже американцам, помогали кочующие, помогали не скупясь, от души, не рассчитывая ни на ответный дар, ни даже на благодарность. «У нас нет таких, чтобы не помогали бедным», — с гордостью говорил корякский владелец многотысячных табунов Иныло. Русское население на Нижней Колыме не раз могло бы вымереть с голоду, если бы не чукчи с их многочисленными табунами. За чисто

символическую плату, иногда просто даром раздавали они мясо терпящим жестокую нужду людям.

В 60-х годах XIX века американская компания Western Union Extension проводила изыскания по установлению телефонно-телеграфной связи между Америкой и Европой. Так как первая попытка проложить кабель по дну Атлантического океана не удалась, решили перебросить линию через Берингов пролив; затем вдоль долины Анадыря, Майна и Пенжины навесить обыкновенные провода на столбах, далее до устья Амура предстояло пройти по побережью или морем. Задача содержала множество неизвестных, самым загадочным из которых было — а как отнесутся к этой затее племена диких кочевников? Племена к затее не отнеслись никак, а к людям, занятым ее осуществлением, отнеслись как к людям — по-человечески.

Коренной житель села Марково на Анадыре Афанасий Ермилович Дьячков, обрусевший чуванец, писал, что если бы не бескорыстная помощь аборигенов, американцы погибли бы от голода и холода. Приступившие к заготовке столбов чужаки оказались неприспособленными к условиям Севера, и хотя они были для туземцев некими таинственными пришельцами из непостижимого разума мира и обращались к дикарям свысока, они ни в чем не встречали отказа. Бедных янки приютили в своих жилищах эти самые неотесанные дикари, их кормили «не то что за плату, а просто даром, жалости ради», — пишет А.Е. Дьячков, — несмотря на то, что у местных в те годы у самих не хватало продуктов питания. Выручали их и транспортом, и одеждой, и работой. Аборигены ни разу не нарушили заповедь «Возлюби ближнего, как самого себя».

Вторая попытка проложения кабеля по дну Атлантического океана удалась, и американцы ушли из Анадыря, оставив заготовленные столбы и унося в душе недоумение: ради чего же отдали туземцы так много идее технического прогресса?

Геологу И.П. Толмачеву в 1909 году чукчи помогали отыскивать броды и форсировать реки, перевозили грузы и разбивали лагерь. Они вообще взвалили на себя по собственной инициативе обязанности членов экспедиции, причем об оплате труда не могло возникнуть и мысли.

Приведу для контраста один пример современных нравов. Двое парней на главной улице Хабаровска увидели, как немощный дед мучается с большой коробкой у выхода из универсама. Дружно подхватили они нетяжкий для себя груз, донесли до остановки, посадили деда на заднюю площадку автобуса. Старичок растрогался чуть не до слез:

— Спасибо, сынки, помогли...

А парни, хоть они были и хорошие, но балбесы, без юмора жить не могли. Отчего же, говорят, отец, не помочь за три рубля. У деда, оскорбленного до глубины души в своих лучших чувствах, челюсть так и отвисла. Двери захлопнулись, с тем и увез его автобус. А ребята, они действительно были славные, им потом стыдно стало, они сами рассказывали. Но дело-то не в этом. У чукчи не мог даже родиться подобный легкий стиль общения, распространенный в некоторых кругах на Руси: «Спасибо» слишком много, лучше три рубля».

Доброту северян не объяснить особенностями характера отдельных личностей, даже всех представителей племени по отдельности. Здесь усматривается следование каким-то основополагающим принципам общественного устройства.

Очень глубокие объяснения этому феномену находит Н.Н. Беретти. Кочующие никогда не допускают, чтобы оседлые голодали. В те годы, когда случается недоход рыбы, они подгоняют свои табуны к поселкам и одевают мясом всех жителей, более того, снабжают их кормом для собак. «Несомненно, что кочевники смотрят на табуны, сами не сознавая этого, как на общественную собственность, но если сказать кочевнику, что табун не твой, а общественный, он обидится и будет говорить, что он единоличный хозяин, и вместе с тем будет распоряжаться табуном не как собственник; он будет помогать и кормить безвозмездно бедняков, и если нужно, то отдаст весь табун, чтобы предотвратить голод».

Однако и безо всяких чрезвычайных обстоятельств регулярно происходило перераспределение общественного продукта. Это случилось на ежегодных праздниках раздачи, которые Я.П. Алькор, редактор первого тома «Чукчей» В.Г. Богораза, назвал первобытно-коммунистическими пережитками. Аналогичный механизм выравни-

вания материального положения членов общества существовал и у североамериканских индейцев, обычай этот назывался «потлатч».

Подарки сопровождали северян всю их жизнь. Дарили арканы, нарты, кухлянки, торбаса. Дарили оленей — родственникам, которые победнее, дарили молодежи. К знатым кочевое сообщество причисляло только тех богатых, которые прославились своей щедростью.

Когда в качестве приза на гонках ставят целый табун, то ведь это тоже элемент социального перераспределения. Самый удалой, умелый и упрямый должен стать и самым богатым. Это же прямой выигрыш для всего племени!

...Я чувствую, однако, что восторженное мое изложение может вызвать недоверие. Неужели они и в самом деле такие замечательные, эти недоразвитые туземцы? Что-то здесь не то... Живут же с ними ныне бок о бок русские и ничего особенного не видят. Более того, приводят много бесспорных фактов, характеризующих аборигенов с противоположной стороны. И грязные они, и в школе отнюдь не блещут успехами, и пьют почти поголовно, да мало ли еще что...

Все так, но кто же судит о полете орла, наблюдая его сквозь прутья клетки? Все чуждо в поселке для северян, многое просто враждебно, непостижимо, угнетает психику, оскорбляет нравственность. В тундре надо видеть вольных кочевников, только тогда делать выводы. А в родной их стихии почти нет свидетелей их естественного образа жизни, обычаев и нравов, это всегда места практически ненаселенные.

Но и в просторах тундры разглядеть кочевников многим мешают шоры на глазах. Социальная заданность не дает увидеть то, что есть, заставляет выискивать то, чего нет. Только свободный человек может почувствовать дух свободы.

Общественное устройство диких кочевников вполне соответствует высшему уровню цивилизации, характеризуемому, по Р. Кенту, гармонией с природой, ощущением личного счастья, отсутствием внутренней борьбы и конкуренции.

Разве могла что-нибудь дать уверенная в своем превосходстве наша материалистическая, безнравственная и невежественная цивилизация столь высоко развитому, духовно богатому обществу?

Зачем было тащить северян по пути прогресса? Да и в чем можно усмотреть этот самый прогресс, неясно... Неужели какие-то технические средства что-нибудь определяют в уровне развития? Стало ли лучше человеку, вырванному из райских кущей и загнанному в дикие джунгли, где человек человеку волк? Стал ли лучше сам человек? Он что, поумнел за время от Сократа до Чубайса? Или стал более высоконравственным со времен Моисея, когда кочевники сформулировали для собственного употребления и подарили миру десять заповедей?

Увы... Бережно хранимым предметом, на который посматривает общество из почтительного далека, стала ныне мораль, как и прочие произведения на библейские темы. Руками не трогать! И не опошлять повседневным использованием! Иначе что останется для благих рассуждений в минуты отдохновения от трудов тяжких?

Не правильнее ли будет считать подобное духовное развитие регрессом, а не прогрессом?

И никакое правовое государство не установит мир в нашем доме, коль изгоняется из этого дома высокая духовность. Где нравственности нет, говорил поэт, что принесут напрасные законы? Власть тоже не может установить порядок, ибо действие всегда рождает противодействие.

Анархия — мать порядка.

У роковой черты

В литературе о коряках и чукчах мне часто приходилось наткаться на описание того, как раньше убивали стариков. Подавалось это с такой подоплекой: вот ведь какая суровая, скудная жизнь была у северян. Трудно было прокормить всех, и когда пожилые люди становились неспособными к тяжелому труду, превращались в обузу для своих детей, от них избавлялись. Иногда, правда, у них у самих доставало совести сообразить — зажились на этом свете, чужой век заедают, пора и честь знать. И уходили они добровольно в белое безмолвие, избавляя любимых детей от непосильных забот.

Вроде бы так всегда было у примитивных народов, далеких от достижения всеобщего благоденствия. Хрестоматийный пример: древние латины тоже избавлялись от немощных старцев, бросали их в Тибр.

Нынче, мол, еды хватает на всех, можно никого в Тибр не бросать, не загрязнять окружающую среду. Дешевле, стало быть, прокормить, чем похоронить.

Мне подобные рассуждения напоминают известный анекдот о профессорской жене, которая, убирая кабинет ученого супруга, не

удержалась от восклицания: «Ах, какой беспорядок у тебя на столе!» На что профессор отвечал: «Дорогая, это непонятный тебе порядок!»

Европейские просветители слишком часто оказывались в положении профессорской жены, отмечая всевозможные несуразицы в жизни туземцев. Конечно, добрый просветитель, пекущийся о заблудших душах, попытался бы хоть как-то понять и простить, но далее все равно принялся бы искоренять варварские привычки. Он стал бы сочинять проекты переустройства всей жизни туземцев на цивилизованный лад.

Культура Европы является сейчас единственной на Земле, утверждал в 1918 году Освальд Шпенглер в своей сделавшей эпоху книге «Закат Европы». И во избежание непонимания уточнял: именно культура Западной Европы. Нельзя быть культурным не по-европейски, ибо если не по-европейски, значит — некультурным. Точь-в-точь как в известной эпиграмме на поэта Виссариона Саянова: «Встретил я Саянова, трезвого, не пьяного! — Трезвого, не пьяного? Значит, не Саянова!»

Познакомившись с нравами инородцев, руководитель Первой Камчатской экспедиции Витус Иоаннесен Беринг, потомок скандинавских викингов, капитан-командор русского флота, составил докладную записку на имя императрицы Екатерины I. Он излагал новые принципы управления далеким краем, настаивал на посылке миссионеров для христианизации местного населения, и особенно беспокоился «об уничтожении обычая у камчадалов убивать трудно-больных».

Но что касается европейской версии «списать в расход» бесполезных стариков, это соответствует истине примерно так же, как утверждение, что гражданин Абрамян выиграл сто рублей в лотерею. Да, это правда, но не Абрамян, а Григорян, не сто, а двести, не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл.

Не очень-то и голодали «богатые оленями» чавчулены — коряки и чаучу — чукчи. Как мы знаем, кочевники всегда пригоняли свои табуны туда, где возникала нужда в их помощи. Но это уж совсем ни в какие ворота не лезет: оленей хватает на всех, даже на чужих, не ис-

ключая порабитителей и угнетателей «россиян», а для родных людей, научивших тебя когда-то всему хорошему, доброму, вырастивших тебя сильным и гордым, — не находится куска мяса. Безо всякой нужды «списать в расход» бесполезных стариков?

Да ведь это не убийство! Это самоубийство руками другого человека. В общем, способ довольно распространенный. Харакири японских самураев тоже неосуществимо без помощи близкого друга: сначала аристократ сам вспарывает себе живот, а затем его доверенное лицо в этой церемонии оказывает ему последнюю услугу — отрубает голову. Но ведь — снова Восток, и опять-таки помогает не случайный человек.

Для любого человека, любого народа и любой культуры уход из жизни — самая страшная тайна, над разгадкой которой бились, мало сказать, лучшие умы — все умы без исключения, начиная с того возраста, когда человек впервые осознал, что он живет и что жизнь не вечна. Уход в небытие — вывод, который отказывается принять мятущаяся душа человеческая. Уход навечно и безвозвратно, невозможность посмотреть на горы вокруг, посидеть на родном пороге, поговорить с близкими, позаботиться о любимых — нет, такого не должно быть!

Да и откуда известно, что это именно так? Никто еще не возвращался?

Два близнеца в материнской утробе в момент непосредственно перед рождением ведут беседу: «Так не хочется родиться! Здесь тепло, уютно, а как там будет, никому не известно. Ведь оттуда еще никто не возвращался!»

Это только самая безжалостная и жестокая религия — материализм — отказывает человеку в бессмертии. Но даже в материалистическом понимании душа все равно бессмертна. Ты передаешь другому свои убеждения, привычки, воспитываешь детей в своем мировосприятии, и вся эта бесплотная духовная субстанция, отрицать существование которой невозможно с любых позиций, продолжает жить и действовать год за годом, век за веком. Твое тело — лишь брэнное материальное вместилище.

И дважды правы биологи, назвавшие размножение ростом за пределы организма. Разве могу я умереть полностью, если у меня есть дети — частичка моего собственного духа и тела?

Если даже в самой извращенной религии, возникшей на самом последнем витке развития человеческого рода, с бессмертием не все так безнадежно, могли ли любые иные верования, более гуманные, смириться со смертью как с окончательным прекращением личного существования?

По доброте душевной человек заменял уход в небытие переходом в инобытие. Есть кроме этого света, где мы сейчас, тот свет. Загробный мир, царство мертвых, ад, рай, чистилище — каждый народ представлял тот свет, располагая представлениями, полученными на этом свете. Если у воинственного племени здесь все было не так, как у покорного, то и там должно быть по-другому. Морские разбойники норманны представляли свой рай — Валгаллу — как небесный замок бога войны Одина, могучего шамана и мудреца, куда попадают только павшие в бою воины и где они продолжают ту же героическую жизнь. Ничего не боялся храбрый викинг больше, чем естественной смерти, постыдной и бессильной кончины. Не увидеть рая, лишиться счастья вечной борьбы, сражений и побед — вот что означало для него медленное, покорное умирание.

Чукчи были самым воинственным племенем Российской империи. Частые поединки со страшными зверями, вечный вызов стихиям, привычка смотреть прямо в глаза любым опасностям закаляли чукотского воина, сделали его несгибаемым и непобедимым. Два века с копьями и луками в руках противостояли они пушкам, ружьям и армейской выучке. И выстояли. Так мог ли чукча смириться с медленным ожиданием неизбежной смерти? Нет, нет и нет; и когда мужчина чувствовал неотвратимость конца, когда злой дух Келе начинал пожирать его печень и легкие, он бросал свой последний вызов всем силам вселенной.

Победить страх перед неведомым, пересилить, превозмочь, не дать злым духам одержать победу! Воин не имеет права остаться в памяти потомков жалким и немощным. Всю жизнь он показывал сво-

им примером, как надо жить. Пришел черед показать молодым, как надо умирать.

Человек, принявший окончательное решение, объявляет о нем своим близким и родным, выбирает себе «проводжато» или «помощника в смерти». Торжественный акт обставляется церемониями, не менее впечатляющими, чем при совершении харакири у японских аристократов. Горе воину, у которого нет сына. Только удар, нанесенный рукой самого близкого человека, не причиняет боли, и очень тяжело принимать смерть от руки чужого.

Иногда родственники, у которых не хватает силы духа, начинают уговаривать старика повременить немного — может, злой дух сам уйдет с миром? Но, как правило, эти уговоры не дают результата, потому что последнему выбору предшествовали долгие сомнения, колебания и внутренняя борьба. Воин объявляет лишь о самом обоснованном, выстраданном решении. Затеваются деятельная подготовка к празднику победы над болезнью и немощью. Съезжаются гости, начинаются пиры, на которых собравшийся в самый дальний путь вкушает свои последние радости на этой земле. Устраиваются соревнования, и победитель получает приз из рук обреченного.

И вот наступает тот самый момент. «Готов ли ты, мой помощник?» — спрашивает чукча. «Готов!» — звучит твердый ответ сквозь сдвоенные рыдания. Воин садится на родную землю, устремляет взор на небо, на тот новый мир, где ему предстоит жить отныне. Он берет в руки наконечник копья, приставляет его к груди... Скупой знак одним движением глаз, резкий и короткий, привычный для сына толчок дровка, и — победа! Злые духи, болезни, порча, слабость не получают свою жертву.

А.В. Олсуфьев напоминает о другом чукотском обряде той же эпохи: «Концы ремня продевают сквозь отверстия в боках закрытого полога, внутри которого сидит обрекший себя на смерть. Он сам надевает петлю на шею и отдает приказание затянуть ее. На концах ремня становятся ближайшие его родственники».

Очень трогательно выглядит обряд проводов чукчи на тот свет в описании начальника Чукотского уезда штабс-капитана Н.Ф. Каллини-

кова. В то время как сыновья тянули за концы аркана, голову самого близкого человека нежно держала на коленях любимая жена.

А вот свидетельство Н.Н. Беретти: «Если отец, изъявивший желание, чтобы его убили, умер, не дождавшись приведения в исполнение сыном его воли, это считается очень нехорошим поступком сына, т. к., по верованиям туземцев, в таком случае умершему отцу будет очень плохо на том свете. Бывают случаи, когда у сына не поднимаются руки убить отца, в таких случаях старики проявляют громадное упорство.

В Вилюнейском районе имел место случай, когда отец, нарисовав кружок на оленьей шкуре, заставил сына стрелять в него, как в цель, а сам, спрятавшись за оленью шкуру, подставил лоб к тому месту, где на противоположной стороне был нарисован кружок. Так он заставил своего сына невольно убить его».

Уж, наверно, от старой немощной женщины пользы не больше, но никто не писал об убийствах старух. Нет, речь идет всегда только о мужчинах, переставших быть воинами, защитниками, властелинами тундры.

Ни один из этих кочевников не умирает естественной смертью, утверждает капитан А.А. Ресин.

Как же реагировало правительство на призывы доброхотов покончить с диким обычаем убивать стариков? Когда информация поступала о самих фактах «убийства», причины которого истолковывались превратно, еще были намерения внести в жизнь туземцев цивилизованные, гуманные правила. Но вскоре с философией северян глубоко познакомились и прониклись к ней уважением настоящие русские люди, понимавшие, что у каждого народа существуют свои обычаи и нормы. Они разъяснили властям истинный смысл этого «убийства». Правительство оказалось на высоте. Оно не стало вмешиваться во внутренние дела туземцев.

Статья 1254 Свода законов Российской империи подтвердила это невмешательство: «Они управляют и судятся по собственным законам и обычаям, и русскому закону подлежат только при убийстве или грабеже, совершенных на русской территории». Обратите внимание,

земля чукчей не состояла под русской юрисдикцией! И далее последовало уточнение: «Чукча, не подлежащий никакому наказанию за умышленное убийство своего отца в границах чукотских кочевий, в случае совершения такого преступления вне границ обитаемых чукчами земель, подвергается, по ст. 1449 Уложения о наказаниях, ссылке в каторжную работу без срока». Вот вам и тупая российская бюрократия!

И все же нелепые басни об «убийствах стариков» не переставали циркулировать во всей мировой прессе и беллетристике. Очень уж заманчивым было продемонстрировать в очередной раз преимущество цивилизации над первобытной дикостью.

...В августе 1989 года познакомился я с Иваном Семеновичем Коммо, старейшим (1903 года рождения) жителем Хаилина, бессменным бригадиром на протяжении десятилетий, воспитателем многих выдающихся пастухов, первым в совхозе кавалером ордена Ленина. Коммо привлекал к себе внимание многих журналистов и писателей. Побывать в Хаилине и обойти эту колоритную фигуру было невозможно. И вот у одного из писателей, З. Балаяна, читаем о таком событии. Когда у Ивана Семеновича отказали ноги, он решил уйти в тундру, чтобы «жить одному». За этой формулой — единственная спичка, отсутствие всяких припасов. Расшифровать нетрудно: не жить, а умирать среди снегов ушел Коммо. Правда, потом, после схватки с волками, из которой он вышел победителем, силы вернулись к нему, и он почти с того света возвращается к людям.

Куска хлеба не хватило самому уважаемому человеку? Решил он не обременять больше самим собой своих близких? Да не был тяжким бременем старый пастух! Жил он на рыбалке, добывал горбушу, занимался ремонтом старых нарт и изготовлением новых, а сколько пользы он приносил словом, советом, добрым вниманием! И все же главное не в этом. Развитое чувство собственного достоинства не позволяло ему оскорбить всех родных. Ну, мог ли он обречь своего сына Павла Нинани, внуков Аркадия и Виталия на муки душевные: наверно, невнимательны были мы к отцу и деду, если он мог подумать, что нас тяготит забота о нем. Забота о тех, кого любишь, — не обуза, а радость. Не мог Иван Семенович лишиться этой радости любящих людей.

Разгадка, я уверен, в другом. Гордость не позволила властелину тундры примириться со своей слабостью. Уйти непревзойденным, остаться в памяти потомков былинным богатырем, о котором будут рассказывать легенды: видите — камень, его принес на тундру с берега моря сам Коммо, а здесь он с одним копьём одолел кайнына. Главное, чтобы не распалась связь времен. Народный эпос надо подерживать, даже ценой собственной жизни.

В отличие от профессиональных разбойников норманнов, кочевникам-оленоводам недостаточно было одних подвигов, чтобы обеспечить себе райскую жизнь. Злые, нечестные, изменявшие женам (в буквальном переводе с корякского «те, которые приводили женщин и девушек в слезы») будут подвергнуты разным мучениям у входа в рай, их будут кусать собаки и бодать олени.

Все это так... Но разве самоубийство, как бы торжественно и впечатляюще оно ни было обставлено, не перестает быть грехом? Христианская религия безоговорочно осуждает добровольный уход из жизни. Бог дал, Бог и взял. На Руси не разрешалось хоронить на погосте нарушивших промысел Божий вместе с умершими и убитыми. Помните, под плакучими ивами упокоился бедный стрелок? Не на кладбище... И все же есть в христианском запрете что-то вызывающее сомнение. Почему закланию подлежит только такой акт, решительный и окончательный? Злоупотребление алкоголем, наркотиками, прожигание жизни не есть ли растянутое самоубийство? Такая ли уж большая разница — утопиться в проруби или утонуть в вине? И не обязательно сокращать установленный тебе век чем-то предосудительным.

Жил в поселке Средние Пахачи на севере Камчатки чукча Каучан. Красиво жил. Не дал ему Бог здоровья и силы, но ни в чем не отказывал себе горбатый Каучан. Рыбачил, охотился, лихо гонял по тундре на собственной упряжке. И когда требовалось тащить бревно, первым подставлял свое кривое плечо под комель.

Кончилось все так, как оно и должно было кончиться. Он надорвался. Знал о том, что его ожидает? Знал. Сознательно шел к неизбежности? Сознательно. Сам себя довел до смерти, сам себя убил. Совершил самоубийство. Можно так сказать? А почему бы и нет?

Он прожил всего тридцать восемь лет. Но Каучан остался в памяти, его любили. А те, кого любят, всегда возвращаются. И Каучан придет снова в тундру, такой же жадный до жизни, красивый душой, но уже высокий и стройный, и в следующем своем явлении миру он осуществит все свои замыслы, воплотит все свои мечты.

Что такое смерть? Она ниспослана свыше во избавление от старости, от болезней и невыносимых мучений. Разве человек рожден не для счастья? И если нет никакой надежды днесь, и присно, и вовеки даже на малую толику радостей, стоит ли влачить бессмысленное существование? «По их мнению, — пишет С.П. Крашенинников о камчатских жителях, — лучше умереть, нежели не жить, как им угодно».

И все же не зря церковь запрещала человеку самому решать вопрос о жизни и смерти. Допустим, сделал ты вывод: нет в жизни счастья, нет и не будет... Однако неисповедимы пути Господни. Вдруг да улыбнется судьба, нежданно и нелогично? Бывает же... Не стоит переступать черту, пока есть еще силы радоваться, пока не истрачен без остатка запас энергии, не потеряна способность удивляться, не спета последняя песня. Да и отзвучит ли она когда-нибудь, последняя, лебединая? Может, просто не каждому это дано — умение жить до конца, талант находить радости, когда все, кажется, стало недоступным и непосильным?

С Иваном Семеновичем Коммо я разговаривал спустя много лет после того, как он принял решение уйти в белое безмолвие. Открыто и просто душно улыбался он в ответ на мою настырность.

Что делает он на рыбалке? — Как что, юколу готовит. — А зачем юкола? — Для собачек... — Ну, а зачем ему, на пороге десятого десятка, собачки? — Зима придет, ездить будет. — А куда ездить, зачем ездить? — О-о, тундра большая, разве места не хватает? Просто так, снаряжает старый пастух нарту, запрягает лохматых ездовых и вихрем мчит к самому горизонту. Жить — значит преодолевать: перевалы, переправы, пространство, собственную немощь, жить — значит радоваться: костру и теплу, морозу и солнцу, а еще это значит радовать дорогих тебе людей:

— Амто! Коммо приехал!

И разве не интересно — познавать, наблюдать, делать открытия? Ведь на всем его длинном-длинном пути не было и двух дней, похожих один на другой...

Поразительный пример приводит барон Гергард Майдель, в качестве колымского исправника совершивший в 1868–1870 годах объезд подведомственной территории между Великим и Ледовитым океанами. В устье Анадыря на его лагерь пришла группа молодых парней. Сильные, жизнерадостные чукчи несли на плечах высохшего старика. Очень уж хотелось тому хоть раз в жизни увидеть белых людей, а сам ходить он был уже давно не в состоянии. Любопытного патриарха молодежь несли по очереди — дело было летом, собачий и олений транспорт бездействовал. Когда один юноша уставал, его заменял другой, и так проделали они вместе путешествие, затянувшееся на несколько дней. «И все, — отмечает Г. Майдель, — находились в самом лучшем расположении духа». Нет, никогда не может быть растрачен жизненный запас!

Знатный чукча Амвраоргин в первой половине XIX века снискал уважение своих близких и дальних за необыкновенное искусство фехтовать копьем. Высокий, стройный, сильный, он обладал выдающимися умственными и нравственными достоинствами. В шестидесятих годах, когда с ним повстречался Г. Майдель, это был уже почтенный старец. Амвраоргина знали все, к его слову прислушивались, с его мнением считались. Покровительство Амвраоргина охраняло царского наместника Г. Майделя и его сопровождающих на тысячекилометровом пути по неведомым землям воинственных дикарей.

Не только сознание своей значимости, нужности людям согревало сердце благородного патриция Чукотки. Не отказывал он себе и в физических радостях. Пусть во владении оружием, в борьбе и беге не мог он уже соревноваться с молодыми, но в гонках на оленьих упряжках опытейший каюр не соглашался уступать никому. Долгими месяцами готовил он, обучал, тренировал могучих быков. Да и было из чего выбирать владельца сорокатысячных табунов!

Гонку при закрытии Анюйской ярмарки 1869 года выиграл Амвраоргин. Дистанцию в пятнадцать верст он преодолел за двад-

цать минут. Рискнув спрямить путь по угловатым глыбам и обломкам, едва прикрытым снегом, он чуть не опрокинулся в бешеной скачке, получил синяк под глазом от камней, летевших из-под копыт, весь был облеплен обледеневшим снегом. На финишном шесте победителя ожидал приз, поставленный самим колымским исправником, — кожаная сума с десятью фунтами лучшего черкасского табака.

Если жизнь от начала и до конца была праздником постоянного общения с природой, с близкими и желанными для тебя людьми, праздником вечного движения, почему перекочевка в мир иной не может быть праздником? Расставание, ожидание новой встречи... До скорого и радостного свидания, на том или на этом свете!

Обряд похорон хаилинского чукчи я опишу во всех деталях, о которых рассказал мне Аркадий Нинани.

...Печальную весть сообщают родным и близким со всевозможными предосторожностями. Все, кому был дорог умерший, откладывают в сторону свои дела — выделку шкур, шитье одежды, изготовление нарт, арканов, упряжи. В дни прощания одежда шьется только для покойника, нарты и упряжь делают только для него.

В.Г. Богораз подчеркивает — никто не может отправиться к верхнему народу в одежде, сшитой у чужого очага, не должен ехать в далекую страну на оленях из чужого стада. Он не имеет права взять с собой ничего незаконного, ничего ворованного. Чистым должен переступить человек невидимую грань. Иначе на том свете все полученное нечестным путем будет отобрано и возвращено настоящим хозяевам. Бедняк, не имеющий оленей, обязан идти пешком, с котомкой и посохом, в одежде, сшитой его женой.

Для прощания с покойником дверь в доме открыта для всех. Собравшиеся играют в карты, другие игры, старики употребляют мухомор. Непрерывно варится еда, чай, и продолжается все трое суток. Близкие родственники постоянно в хлопотах, отвлекающих от тяжелых мыслей.

В доме шум, смех, шутки. Никогда не услышишь столько занимательных историй, как на похоронах. Непочтительно по отношению к

умершему, скажете вы? Ну почему же... Разве не то же самое завещал русский поэт? «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть».

Покойник раздетый лежит головой к двери на постеленной на пол шкуре, сверху он укрыт белым полотенцем. У изголовья — еда, питье, табак; время от времени они заменяются свежей порцией.

Рано утром перед отправлением в путь с ним остаются самые доверенные люди. Они обмывают тело и одевают в красивую погребальную одежду, отличающуюся от привычной. При ее сшивании использованы нитки без узлов, торбаса сделаны без завязок, шапка по краям опушена таким длинношерстным мехом, чтобы можно было укрыть все лицо. Ведь там все не так, как здесь, и то, что совершенно не годится на земле, будет как раз на небе.

Когда покойник уже полностью собран, к нему подходят прощаться. Затем лицо его зашнуровывают. Обрезки шкур, нитки, шерстинки, оставшиеся после шитья одежды, все стружки, палочки, щепочки, прочие отходы похоронных приготовлений собирают вместе и забирают с собой. После завершения обряда ничто в доме не должно напоминать о печальных сборах. Люди выстраиваются в очередь и, двигаясь по ходу солнца, переступают через усопшего, не оборачиваясь, пяткой отталкивают его ноги, что должно означать: «Мы с тобой туда не пойдём!» — и с выкриками, заклинаниями выходят на улицу.

Покойника выносят и укладывают на нарту, рядом с ним пристраивают копье, нож, аркан, все прочее, что может понадобится на долгом пути и в будущей жизни на том свете. Если в жилах умершего текла хотя бы капля эвенской крови, то впереди процессии, перед самыми рогами упряжных оленей, несут три длинных шеста. Погребальный кортеж движется за нартой, люди несут продукты, посуду, чтобы варить пищу и чай на месте сожжения. Собак брать с собой нельзя.

По пришествии к назначенному месту оленей распрягают. Все занимается заготовкой дров и сооружением постаментов для нарты. Молодежь рубит и ломает сухой кедровый стланик, руководитель церемонии укладывает поленницу выше человеческого роста. Сверху нее настилают пышную постель из ветвей ольхи серебристой. Отношение к этому дереву у оленных людей особое; из коры его получают

красители и дубильные вещества для выделки шкур. При горении ольха дает много ароматного, густого дыма, скрывающего от свидетелей таинство главного акта — превращение земного человека в обитателя потустороннего мира. Легкое, насквозь просвечивающее пламя, мгновенно охватывающее смолистый кедрч, этому предназначению не отвечает.

В нарту запрягают жертвенных быков — здоровых кастратов, на которых в этом году еще не ездили. Два опытных воина быстро, незаметно для постороннего глаза, одновременно наносят точный удар ножами в сердце обоих оленей, левому с левого бока, правому — с правого. Рухнувших красавцев рогачей укладывают на землю спиной к спине, и проводник в Верхний мир из числа стариков, давно познавших с помощью мухомора, что это за страна и какова туда дорога, начинает дергать упряжь, погонять агонизирующих животных. Быки в конвульсии будто бегут, потряхивают рогами. Последний громкий хрип означает прибытие на место. Оленей освобождают от ремней, нарту с лежащим на ней покойником и со всеми его необходимыми пожитками водружают на пьедестал. В последнюю минуту с нарты решается снять копылья, и задний, и передний, — основные элементы всей хитроумной и прочной конструкции. На вершину поленницы взбираются женщины. Руки их поверх локтей перевязаны жгутами сухой травы, преграждающими дорогу хозяевам того света к живому человеку. В нужных местах прокалывают они тело под кухлянкой и перерезают сухожилия, чтобы с достоинством, прямым и спокойным ушел чукча в обиталище верхних людей. Завершив свою миссию, женщины снимают соломенные жгуты, вытирают ими руки и инструменты. Затем они разбрасывают по верху погребального сооружения все взятые с собой обрезки шкур, нитки, стружки и щепки.

Другие женщины разделяют олени туши. Кровь пригоршнями разбрызгивают по всем сторонам света. Мясо может взять себе кто хочет, но кости надо оставить на месте, суставы конечностей должны быть нерасчлененными — иначе на том свете хозяину нельзя будет ездить на своих оленях. Тут же начинают варить мясо, желающие едят теплый мозг, сырую печень, почки. Из свежей крови и содержимого

оленьего желудка готовят суп — апану. Понемножку каждого лакомства оставляют на месте сожжения.

Приготовление приближаются к финалу. Женщины, «ассистировавшие» усопшему, сходят на землю. Наверху остается лишь самый близкий человек. Остальные подтыкают между поленьями пучки щепок, тонких сухих веточек, стружек. Если уходящий в мир иной относился к тебе хорошо, от твоего огонька быстро займется яркое пламя. Отовсюду уже поднимаются к небу легкие струйки дыма, а последний живой еще прощается с мертвым на самом верху огромной кучи дров. Одновременно с начавшейся пляской огня самый близкий человек из остающихся на земле покидает уходящего.

Только у большого костра родным разрешается плакать, женщинам голосить. Сильный жар быстро высушивает слезы, к тому же лицо человеку, застывшему на месте от горя, кто-нибудь может внезапно вымазать углем и пеплом. Не надо много печалиться в момент, когда душа самого близкого и родного приближается к лучшему миру.

Слышится смех. Самые сильные устраивают борцовский турнир. В воздух взлетает тряпичный мяч, набитый мхом. Юноши и девушки делятся на команды, перекидывают мяч своим, стараются выхватить его у противника, устраивают кучу малу. В игре принимают участие и старшие, даже бабушки и дедушки стараются не отстать от молодежи. Все радуются за человека, у которого все трудности и невзгоды, болезни и мучения уже позади. Лишь двое-трое мужчин следят за огнем, пошевеливая шестами дрова. Затем у костра с северной стороны устанавливают треногу из шестов, на ней подвешивают оленьи рога. Правда, эта процедура обязательна только при похоронах кочевника, хотя бы один из предков которого был эвеном.

Желающие садятся за трапезу. И наконец все участники церемонии один за другим обходят посолонь и треногу, и кострище, после чего возвращаются домой.

Перед порогом гости должны переступить через специально разложенный небольшой костерок, старушки горящими веточками проводят перед лицом каждого. Все прибывшие в дом умершего умываются, две женщины встречают их с полотенцем в руках.

Очищение огнем и водой от духов, которые с того света могли бы проникнуть на этот вслед за участниками проводов, закончено. Начинаются поминки, после них люди расходятся и принимаются за свои прерванные повседневные дела. В следующую ночь в доме тихо, но кто-то из гостей обычно остается. Подразумевается, что дух покойника еще бродит по жилищу.

Утром собираются близкие родственники, идут на место сожжения, собирают на середину кострища несгоревшие остатки костей. Веточками ольхи накрывают кости, обкладывают край кострища. Это последняя преграда для обитателей Верхнего мира, которые могли бы самовольно вернуться на землю, не дожидаясь вызова от совета самых древних и самых уважаемых старух — хранительниц народных традиций.

...В Хаилине живут и коряки, и чукчи, и эвены, и поэтому в обрядах похорон много вариантов. Эвенов, например, предают земле. Считается, что в царство мертвых им ехать надо долго, целую неделю. Все же пришлым народом были в тундре таежные «оленьи всадники». Жертвенных быков по эвенскому обычаю не закалывают, а душат ремнями. Не только национальная принадлежность определяет в Хаилине обряд похорон, но и семейные связи. Так, если умершая эвенка была женой чукчи, ее тоже сжигают.

Конечно, в Корякском нагорье хватает дров для сожжения, это шесть — восемь часов интенсивного горения. А как хоронят на Чукотке, на побережье Ледовитого океана? Здесь ведь топлива не хватает даже для того, чтобы сварить обед, вскипятить чай... Путешественники прошлого века, да и начала нынешнего, свидетельствовали: тело оставляли в тундре на съедение волкам и песцам. Чтобы облегчить и ускорить животным их санитарную деятельность, похоронные одежды разрезали лоскутами, кости расчлняли по суставам, проводили глубокие рассечения всего тела. На помощь зверям слетались вороны, особо почитаемые коренными жителями Севера, ведь это единственные птицы, зимующие в здешних студеных пустынях.

Не стоит расценивать такие похороны как пренебрежение к умершему. Примерно так же выглядит аналогичный обряд у буддистов

Тибета. Останки выкладывают на священную скалу на растерзание грифам.

Предание тела священной скале стоит денег, более того, каменная плита на вершине, перепачканная останками человеческих тел и расцарапанная когтистыми лапами, почитается излечивающей от многих болезней. Монахи, надзирающие за похоронами, взимают высокую плату с каждого желающего исцелиться, и только сам верховный далай-лама мог лежать на плите сколько угодно, не внося ни единой монеты в монастырскую казну.

Что ж, заоблачные плоскогорья Тибета во многом похожи на Заполярную Чукотку: могилу в камне выдолбить так же трудно, как и в вечной мерзлоте, и дрова для сожжения раздобыть не легче, здесь они продаются на вес. Ну, а в невнимании к покойникам чукчей никак не обвинишь. Первые четыре года к месту погребения, обозначенному на тундре кругом из камней, родственники съезжаются на поминки, иногда даже за несколько сотен километров, впоследствии эта церемония повторяется не в обязательном порядке, а лишь в случае возможности. В погребальный круг кладут жертвоприношения: табак, жир, куски мяса, в начале двадцатого века даже деньги, чтобы покойнику хватило на карманные расходы на том свете. С ним разговаривают, советуются, просят у него снисхождения. Умершие родственники продолжают участвовать во всех делах семьи.

Но не была роковая черта между жизнью и смертью столь уж непереходимой для чукчи. К верхним людям уходили не навсегда. И у человека всегда оставалась надежда на возвращение к родным и близким, к любимой природе. Но — только если ты сам умел по-настоящему любить и людей, и природу, если тебя ждали оставшиеся здесь, если тебя вызывали оттуда снова на родную землю.

Когда я разговаривал с пастухами, меня удивляло поначалу употребление незнакомых имен. Например, идет речь о перекочевке, обсуждается, кому готовить выюки, говорят — ну, это для нашего Ятты любимое занятие, пусть и распоряжается упаковкой. А потом смотрю, распределяет весь походный скарб по сумам Володя Ахальхут. Почему, спрашиваю, делает Володя, сами же говорили — это для Ятты?

Ну, мог ли я оставить такую загадку без разгадки? Да я бы спать не смог неделями, пока не получил бы ответ! Но мне не пришлось мучиться бессонными ночами. Аркадий дал исчерпывающее разъяснение.

Ятты, говорит, это и есть Володя. У нас у всех есть национальные имена. Русские имена записаны в паспорте, и если для русских Володи — это Володя, то между собой мы обычно называем его Ятты. Я вот, например, Карканди, а Виталик — Семенди.

Русские имена дают детям родители по собственному выбору, а национальные...

Все зависит от того, кто вернулся на землю. И очень непросто «угадать его имя» — это могут только самые опытные и добрые люди стойбища, обычно старухи самого почтенного возраста. Когда рождается ребенок, старухи собираются на совет. Они садятся в кружок и устраивают треногу из злозелей — длинных прутьев, которыми погоняли упряжных оленей. На треногу на длинном ремешке подвешивается амулет. Его называют апапель (дедушка), обычно это камешек, чем-то приглянувшийся владельцу амулета. Чем? — вопрос глубоко личный. Вот шел человек, и вдруг ничем не примечательный камешек шепнул ему: «Я твой!» И если человек услышал зов камня, он поднимает его, обшивает мягкой замшей и хранит всю свою жизнь.

Апапель висит на тонком ремешке. Старухи начинают, перечисляя имена, спрашивать, кто вернулся на землю. И только когда названо правильное имя, апапель в знак подтверждения заметно качнется. И тогда старухи восклицают обрадованно: «Омрелькот пришел!»

Как рассказывал мне Аркадий, процедуру гадания не раз наблюдали абсолютно неверующие люди, комсомольцы, боровшиеся с религиозными предрассудками, и вот типичная реакция одного из них: «Но он же действительно качнулся, я сам это видел своими глазами!»

Я тоже в это верю. И механика угадывания очень проста и понятна. Старухи сами воздействовали на апапель своей соединенной психической энергией. Они помнили всех хороших людей, они очень хотели для них второй земной жизни, и, называя имя, они вкладывали в его произнесение всю любовь, все желание новой встречи. Могут ли

вызвать с того света жадного, злого, себялюбивого? Ни в коем случае! Его имя даже не прозвучит в списке желанных и жданных.

Вот тебе и мораль: если хочешь вернуться еще раз на эту прекрасную землю, останься в памяти людской незабвенным и любимым, и тогда вечная смерть тебе не грозит...

И здесь нет никакого произвола: «Сколько надо, столько и сделаем!» Если имя угадано неправильно, такое тоже случается, ребенок начинает беспричинно болеть и может даже умереть, если тот же синклит не соберется снова и не исправит свою ошибку.

И все окружающие относятся к факту возвращения абсолютно серьезно. Если угадано, что в образе новорожденного вернулся, допустим, его дед, к нему и обращаются как к старшему и уважаемому человеку, просят его вмешаться. Могут даже попросить урезонить свою дочь, то есть фактически мать этого младенца, которая в данный момент кормит грудью не столько сына, сколько своего перевоплотившегося отца.

Для чукчи неприемлемы лихие возгласы: «Пей, гуляй, один раз живем, на том свете все равно ничем не попользуемся, после нас хоть трава не расти!» Не-ет, пусть трава растет и чистая вода журчит, они еще понадобятся, не только моим детям и внукам, но и мне самому в моей же следующей жизни!

В мудрой народной культуре — везде экология, нравственность и благоговение перед жизнью.

Нетерпимость

Удел Олелея во многом уникален. Но сохранение первозданной чистоты природы зависит на все сто процентов от соблюдения норм народной культуры, что в свою очередь — редкостный пережиток прошлого. Другие территории Камчатки и Чукотки гораздо менее благополучны. Особенно не повезло с экологией и народной культурой районам промышленного освоения. В живописании всех бед этих мест нет большой нужды. Полезнее рассмотреть другую проблему: а всегда ли и везде ли традиционная народная культура находилась в опасности?

«Положение об инородцах», сообщал в 1916 году В.В. Солярский, основанное на «Уставе об управлении инородцев» от 22 июля 1822 года, закрепляло за самими аборигенами внутреннее распределение земель (статьи 34 и 35). Русским запрещалось самовольное вселение на землю кочевников (ст. 37).

Примерно так же регулировались взаимоотношения пришельцев с местными жителями и в договоре конгресса США с индейцами от

1868 года: «Ни одному лицу или лицам белой расы не позволено селиться или занимать какую-либо часть этой территории или пересекать последнюю без согласия индейцев».

Брать в «оборочное содержание» (в аренду) участки «сибирской земли» дозволялось только по договоренности с «обществами» коренных жителей, при этом арендную плату получали аборигены (ст. 37). Особо ограничивались начальственные разъезды по стойбищам и кочевьям: подчеркивалось, что они вообще должны быть редки (ст. 188) и допустимы лишь в четырех особо оговоренных случаях (ст. 187).

Конечно, многое в туземном законодательстве Российской империи было вынужденным и зависело не только от благорасположения власти предрежащих. В нем нашли отражение и «многочисленные сопротивления немалым посылаемым отделениям российских войск».

Но если в XVII — XIX веках договоры с воинственными племенами заключались ввиду безуспешности попыток покорить их силой, то в XX веке соотношения изменились настолько, что перед «отделениями российских войск» вряд ли возникли бы на Чукотке серьезные проблемы. Тем не менее «Положение об инородцах» 1914 года не ограничивало права, предусмотренные «Уставом» 1822 года. А данное индейцам торжественное обещание Соединенных Штатов оказалось ничего не значащим клочком бумаги.

«Чукотская земля... остается такой же независимой, как и до казацких походов, — удивлялся в 1911 году геолог И.П. Толмачев. — Мы во время экспедиции всегда сознавали, что, путешествуя по России, мы едем по стране, принадлежащей России только номинально».

Чины администрации принципиально отказывались вмешиваться в дела чукчей, которые не несли никаких повинностей и никакими сборами не облагались. На своей территории аборигены Чукотки не подвластны были ни гражданским и уголовным законам России, ни российскому суду. Их споры разрешались либо старшими родственниками, либо старшим по годам соседом. Жалобы на решения чукотского суда властями не принимались. Даже за умышленное убийство, а таковым признавалось и приведение в исполнение желания стари-

ка об уходе к верхним людям, чукчи не подлежали никакому наказанию. Более того, «инородческие управы» охраняли права аборигенов от «всяческого постороннего стеснения». Лишь в случае «убийств, насилий или корчемства, учиненных вне границ своих земель», чукчи привлекались к ответственности на общих основаниях.

Под стать чиновникам были и российские миссионеры. Отец Иннокентий, в бытность епископом Охотским и Камчатским, отказался даже от идеи крестить язычников поодиночке, ибо новообращенный оказывался вырванным из-под влияния родовой нравственности. А ее преосвященный этнограф оценивал очень высоко, гораздо выше, чем моральный уровень «цивилизованного общества».

Наибольшей опасности подвергались культура и нравственность коренных жителей Северо-Востока со стороны американских купцов и китобоев. Легкие шхуны с той стороны пролива превратили всю Чукотку в зону свободной охоты на туземцев. Пользуясь отсутствием русской военной силы на огромных пространствах Беринговоморского побережья и арктической тундры, они устраивали здесь свои посты, склады и торговые точки, спаивали, обманывали и грабили местных жителей. Чем ближе к Америке, тем более развращенными выглядели чукчи. Немногие освоили английский язык, но все знали слово «рам» — так назывался у них заморский ром. Если раньше морские зверобои никогда не убивали моржей больше, чем было необходимо для пропитания, для постройки яранг и байдар, то с проникновением янки началось настоящее избиение — ведь за шестьдесят пар моржовых клыков можно было получить целую бочку рома.

Из байдар зверобои пересели в вельботы, вместо шкур стали использовать для покрытия своих жилищ выпрошенную у китобоев парусину. Материальная культура беднела. И о какой нравственности могла идти речь, когда коренное население в пределах досягаемости разбойничьих судов поголовно пребывало в хроническом запое, а молодые женщины вынуждены были совершать круизы вокруг Чукотки, обслуживая за одну ночь целый кубрик?

В 1873 году Амвраоргин в очередной раз попросил защиты у царя, которому он когда-то принес присягу. Через колымского исправни-

ка, сибирского генерал-губернатора, министра иностранных дел крик чукотского лидера дошел до Александра II. В записке на имя русского монарха содержались живописания «подвигов» янки, например: чукча, не согласившийся с их ценами, был тотчас застрелен прямо на палубе шхуны.

Император принял решение организовать крейсирование на угрожаемом направлении. 4 июня 1875 года клипер «Разбойник» вышел из Владивостока. Его капитану Тыртову 5-му был дан приказ: не позволять чужим судам заходить в трехмильную прибрежную зону, пресекать попытки торговли спиртом и оружием, «оказывать защиту и покровительство жителям наших островов и берегов, хотя бы для этого и потребовалось отразить силу силою, по возможности избегая кровопролития». С нарушителями поступать как с пиратами.

Но что мог поделать один клипер на тысячекилометровых просторах против многих десятков «летучих американцев»? Только за один 1885 год заморские хищники истребили более двенадцати тысяч моржей и ста китов. И хозяин «Софии Джонсон», арестованной русским крейсером, обещал чукчам, что за потерю шхуны он будет завозить еще больше водки и теперь уже не попадетя.

Но тут может возникнуть вопрос: ведь это все же «чужие» киты и моржи, а как обстояли дела в водах, принадлежащих самим американцам? Что ж, там браконьеры сняли урожай еще раньше. И все же это, по-видимому, были плохие американцы, а как поступали добродетельные граждане самого демократического государства?

Да, граждане поступали по долгу и совести. Я уже упоминал об американской благотворительности по отношению к аляскинским эскимосам, оказавшимся на грани голодной смерти из-за исчезновения морского зверя. Инициатором филантропической акции был руководитель Бюро народного образования округа Аляска мистер Шелдон Джексон. Его забота и внимание нашли поддержку во всем мире. И русские исследователи с завистью поглядывали на тот берег пролива, наблюдая, как бурно продвигается по пути прогресса население Аляски, в то время как на просторах Сибири «тысячи людей ведут жизнь троглодитов: не знают хлеба, вы-

нуждены обходиться без соли, добывают огонь первобытным способом, трением, не знают употребления мыла, обходятся без белья, надевая меховую одежду прямо на голое тело». А на Аляске появлялись города и прочие несомненные признаки цивилизации.

Правда, наиболее наблюдательные российские ученые оговаривались все же, что в процветании этом есть и наш вклад, потому что первоначальный капитал — чукотские олени и колымские собаки, лучшие на всем Севере, — появился за морем в результате обмена на американский спирт. Н.Л. Гондатти, начальник Анадырской округи, запретил вывоз живых оленей. Увы, это не помогло отечественным троглодитам и не задержало стремительной эволюции эскимосов Аляски. Ни мыло, ни белье не появились от этого запрета в обиходе чукчей. За проливом же проводились крупные научные исследования в области улучшения породы скота, скрещивания чукотского домашнего оленя с диким карибу, улучшения кормовой базы, борьбы с эпизоотиями, там разрабатывались новые способы кастрации, организовывались культурные пастбища вблизи рек и железных дорог, изобретались даже... «новые методы ловли оленей». Ну никак не мог примириться американский технический гений с первобытным чукотским чаутом!

И уж конечно ни мыло и белье, ни хлеб да соль не фигурировали в отчете Гамильтона, преемника Ш. Джексона на посту главы Аляскинского бюро народного образования, когда он объявлял, что в «течение одного поколения оленеводство продвинуло эскимосов из одной стадии цивилизации в другую». Но почему же «большой скачок» закончился оглушительным провалом? Почему поголовье табунов Аляски упало с восьмисот тысяч голов в тридцатых годах XX века до двадцати пяти — сорока тысяч к нашему времени?

Прежде всего не был учтен, как он ныне называется, человеческий фактор. Я, например, за многие годы знакомства с кочевниками так и не увидел среди них ни одного русского пастуха. Иногда все же приходилось слышать о существовании таковых, но с оговорками — более двух лет ни один бледнолицый в табуне не задерживается. То же и с эскимосами Чукотки. Хоть и жили они столетиями бок о бок с

чукчами, но оленеводами никогда не становились. И морские зверобойи Аляски, подобно азиатским сородичам, никогда не меняли своей специальности. Не те, видимо, гены, не те навыки во многих поколениях, не та народная культура.

Да, господа, какая может быть культура на низшей стадии цивилизации, стоит ли спрашивать у троглодита о мыле? За ручку его надо вести, неполноценного, тащить к свету из земляных нор, яранг и ледяных иглу! Кто они такие вообще, эти эскимосы? «Ценным подспорьем» в промышленном освоении Севера, «помощниками белым людям» называл инородцев Аляски Шелдон Джексон, зачинатель спасительной миссии. Ну как тут не вспомнить о «братьях наших меньших» и «друзьях человека»? Собака даже заняла в этой табели о рангах более высокое положение — все же друг, а не помощник...

Я понимаю, что американский китобой, он же торговец спиртом, и сотрудник Бюро народного образования — это два полюса белой Америки. Съел чужих моржей и китов обитатель полюса зла, а его антипод к этому совершенно не причастен. Впрочем, и это не очевидно. Грабил один, а пользовался награбленным другой наравне со всеми гражданами демократического общества.

Но в чем оба одинаковы, так это в высокомерии к носителям иной культуры. Американское общество в целом провело убедительный эксперимент над другим народом. Отрицательный результат был предопределен: народ с пересаженной культурой еще менее жизнеспособен, чем человек с чужим сердцем. И если нацистские эксперименты над людьми были признаны преступлением перед человечеством, то как же тогда расценивать эксперименты над народами?

Нетерпимость к иному, более праведному, образу жизни охватила даже самых лучших представителей западной цивилизации. «Все силы были пущены в ход, — восхищается датский этнограф Кнуд Расмуссен, сам наполовину эскимос, — чтобы сделать эскимосов американцами». И основоположник этнографии, друг индейцев Л.Г. Морган, за свою непримиримую борьбу против алчных белых торгашей усыновленный родом Ястреба из ирокезского племени сенека, пишет о благородной задаче «поднять ирокезов до уровня граждан го-

сударства», но при этом сетует: «Очень трудное дело — попытка избавить индейцев от их умонастроения и внушить им умонастроение белой расы». А зачем избавлять-то, разве их умонастроения так уж плохи? Вовсе нет, и поэтичные, любовные описания Л.Г. Моргана вызывают искреннее почтение к нравственному облику индейцев, порождают желание подняться до их морального уровня, сравняться с ними в доброте и человечности. И все-таки надо! Нельзя оставлять их такими, как они есть...

Потому что существует единая общечеловеческая цивилизация, а разные народные культуры — лишь разные стадии прогрессивного развития. Долг общества, дальше продвинувшегося по пути прогресса, — подтянуть до своего уровня всех отстающих.

Корни подобной нетерпимости уходят глубоко. В американской истории они прослеживаются с самого момента открытия Нового Света.

Индейцы племени таино устроили такую торжественную встречу бледнолицым, которых они прежде никогда не видели, что Христофор Колумб был очарован. «Столь сговорчивыми, столь миролюбивыми оказались эти люди, — докладывал великий генуэзец королю и королеве Испании, — что я клянусь Вашим Величеством, на свете нет народа лучше их. Они любят ближних, как себя, и их речь мягка и благозвучна и сопровождается улыбкой; и хотя это верно, что они наги, их нравы пристойны и похвальны».

Так какой же вывод сделал первооткрыватель Америки после знакомства с племенем таино? Посоветовал европейцам брать с них пример, перенять их обычаи? Отнюдь нет. Даже наоборот. Индейцев надо «заставить работать, сеять хлеб и делать все необходимое и принять наши обычаи». И этот совет Христофора Колумба был принят миллионными бледнолицыми к исполнению гораздо более неукоснительному, чем Новый Завет Христа.

Под знаком этого Новейшего Завета и проходило «освоение» огромного континента. Когда же проблема «заставить» не поддавалась решению, то ведь — нет народа, нет и проблемы. Индейцы таино были полностью уничтожены. И не было такого преступления, на которое не пошли бы новоселы Америки ради достижения цели — приобще-

ния «дикарей» к общечеловеческой цивилизации. Самым популярным стало, надо полагать, клятвопреступление. Много раз передвигалась на запад торжественно провозглашенная на самом высоком уровне граница Индейской Территории, пока территория не превратилась в обычный штат Оклахома, быстро утративший последние остатки «индейской» правовой специфики.

Когда на землях чироки было найдено золото, аборигенов изгнали на Дальний Запад. Более четверти племени погибло в пути. Новые территории для чироки выделили «навечно», затем и их отобрали, оставив за индейцами лишь небольшие резервации. Но все равно это вероломство выглядит «белоснежной страницей», считает Л.Г. Морган, по сравнению с договорами, заключить которые были вынуждены ирокезы племени сенека: «грязнейшее обирательство, подлейшее взяточничество и омерзительнейшие интриги, на какие только способна бездушная алчность». За каких-нибудь двенадцать лет после того, как первый дом белого человека был построен на землях кейюга, все племя было изгнано с насиженных мест. Время — деньги, прогресс требовал и соответствующих темпов.

Под все деяния белого пришельца подводилось идеологическое обоснование. «Долинами Вайоминга должна владеть англосаксонская раса. Богатство недр было запрятано в горах самим Провидением, чтобы вознаградить тех отважных духом людей, кому суждено было составить авангард цивилизации. Относительно судьбы аборигенов, достаточно ясной, не следует заблуждаться. Тот же непостижимый Вершитель судеб, который определил падение Рима, обрек на вымирание краснокожих Америки», — это строки из манифеста Бигхорнской ассоциации, боровшейся за проведение геологических изысканий в горах Вайоминга.

Фатализм избавляет человека от излишних сомнений и колебаний, это я знаю по собственному опыту. «Если что, уж лучше сразу», — сказал однажды бывший матрос Серега Николкин, когда мы с ним вдвоем на перегруженной лодке собирались проделать маневр, поставив свое судно бортом к волне. Он посмотрел на холодную черную беринговоморскую воду и... отказался надеть спасательный жилет.

Если и в самом деле существует Предначертание судьбы, то... «Хороший индеец — только мертвый индеец», — этот афоризм связан с именем генерала Филиппа Шеридана, героя Индейской кампании. Кроме людей в жертву все тому же божеству требовалось принести и совсем уж безвинных животных. За период с 1872 по 1874 год истреблено было три миллиона семьсот тысяч бизонов, причем лишь сто пятьдесят тысяч из них добыли индейцы. «Пусть убивают, снимают шкуры и продают их, — говорил Ф. Шеридан о белых охотниках, — до тех пор, пока бизоны не будут полностью уничтожены, только так можно достичь длительного мира и прогресса цивилизации». Как знать, может, благородные напутствия эти вдохновляли и китобоев, истреблявших морского зверя у берегов Чукотки и Аляски?

Даже неживая природа должна была страдать во имя прогресса. «Мы довольны, когда все вокруг остается таким, каким его создал Великий Дух. А они недовольны и готовы переделать реки и горы на свой лад», — такими словами охарактеризовали индейцы намерения старателей, требовавших отдать им долину Уаллоуа для разработки золотых россыпей.

Мучило трубадуров прогресса лишь то, что иного инструмента, кроме насилия, в их распоряжении не было. «Им надо так мало, что они не хотят усваивать привычки цивилизованных людей. То, что мы называем комфортом и удобствами, не ценится ими настолько, чтобы они вздумали потратить хоть малейшие усилия на их достижение. Подавляющее их большинство смотрит на образ жизни белого человека с равнодушием и презрением». Автор сей горестно-выспренней тирады — управляющий резервацией, бывший газетный репортер Натан Микер, задумавший вывести племя юта из стадии дикости, требовал, чтобы дикари называли его «отец Микер». Исполненные собственного достоинства индейцы не признавали неудавшегося поэта и романиста представителем высшей стадии цивилизации и обращались к нему снисходительно — Ник.

И потому снова и снова приходилось прибегать к насилию. Отеческие заботы чиновников штата Юта закончились большим кровопролитием. С избытком хватало в истории распространения цивили-

зации по территории Америки «обыкновенных» зверств — расстрелянных женщин, проткнутых штыками детей... Но насилие господствовало и на законодательном уровне. И не всегда оно было продиктовано замаскированной алчностью. Иногда это было, если можно так сказать, бескорыстное насилие.

В таких случаях диктовала политику логика Колумба: они хорошие, но непостижимо другие, мы сделаем из них таких же цивилизованных людей, как мы сами. Хронология уничтожения индейской культуры и нравственности такова.

1879 год. Решение правительства о создании школ-интернатов для малолетних дикарей в целях пресечения влияния на них необразованных родителей.

1887 год. Конгресс принимает закон Дауэса о разделе индейских общинных земель. Куда же это годится, если в самом демократическом государстве планеты не все являются субъектами священного права частной собственности! Каждый краснокожий стал владельцем участка, при этом все вместе индейцы лишились шестидесяти трех процентов земель. На собственных плантациях, на которых, по убеждению белых американцев, хозяин должен трудиться не щадя живота своего, урожайность упала на треть, доходы резко сократились. Взаимопомощь, чувство локтя, нестяжательство, глубоко укоренившиеся в натуре индейцев, не удалось заменить стремлением к личной выгоде. Как и привить навыки оленеводства морским зверобоям.

1953 год. Резолюция конгресса о «релокации», призывавшая к упорядочиванию племен и переселению индейцев в города. Пора, пора недоразвитым становиться полноправными членами общества, трудиться на заводах и фабриках, полях и фермах, участвовать в конкуренции, ускоряющей прогресс всех и каждого. И если борьба за место под солнцем органически чужда душе этих больших младенцев, тем хуже для них, пусть взрослеют!

Восьмидесятые — девяностые годы, наше время. Нефть на Аляске. Ни экология, ни люди не пострадали. Более того, эскимосы и индейцы получили столько отступного, что у них отпали все заботы о

хлебе насущном, — живи себе да потребляй. Ешь ананасы, рябчиков жуй, приобретай видеосистемы, вездеходы, мотонарты... И — никакого труда! Все блага заранее оплачены фирмой.

Такого издевательства над человеческой природой история еще не знала. Тут не то что народная культура исчезнет, не то что перестанет существовать сам народ — жизнь вообще теряет смысл и цель.

Если раньше российское правительство запрещало распространять винчестеры на Чукотке, чтобы аборигены не забывали навыки традиционной охоты; если датские власти не разрешали ввозить керосин в поселки гренландских эскимосов, иначе пропадет необходимость добывать моржовый и тюлений жир, то здесь... Несчастные эскимосы Аляски! С голодной смертью еще можно было как-то бороться, а как бороться с пресыщенной жизнью?

Поневоле снова вспоминаются слова великого гуманиста Роквелла Кента: лучшее, что могли бы сделать бледнолицые, это убраться со всеми своими дарами оттуда, где без них было гораздо лучше.

Бесчеловечная техническая цивилизация каждым своим прикосновением убивает все живое, хоть в чем-либо не соответствующее ее производительным и потребительским стандартам. Потому что определяющая ее черта — нетерпимость.

«Да, скифы мы, да, азиаты мы!» Или все же европейцы?

К какой же цивилизации принадлежим мы, русские? Сидели мы вечно между двумя стульями и держали щит меж двух враждебных рас, монголов и Европы.

Есть, конечно, у нас и некоторые достоинства. Например, общительность.

Вспоминаю свои плавания по реке Камчатке. Главная фигура на водной магистрали — катерист. Фарватер капризен, речная служба не успевает менять обстановку — бакены и створы, а потому самые общительные капитаны оказываются и самыми безаварийными. С каждым встречным и поперечным побеседует шкипер о том о сем, узнает между делом, где прошел, где застрял, где намыло, где промыло, поделится своей еще тепленькой информацией и так не спеша доберется до места. А тому, которому от излишней спешки некогда даже со старыми знакомыми поздороваться, приходится часами, а то и сутками сидеть на мели. Конечно, в беде здесь не бросят и торопливого. Глядишь, один речной работяга, мало — еще один перебросили буксирные концы, тянут туда, сюда, моют винтами дно под бедолагой,

сдернули, вывели на фарватер! Пришвартовались друг к другу, ткнулись в берег, не спешат. В каюте капитаны разговаривают «за жизнь».

Трезвомыслящие рационалисты здесь не в почете. Рассказывают про одного гастролера с Днепра, приехавшего на Камчатку подзаработать. Элегантный европеец добросовестно стянул незадачливого с мели, нанес визит вежливости, изложил беспристрастные подсчеты — сколько потерял бы тот в зарплате, если бы просидел без посторонней помощи еще пару суток, сколько фактически потерял благородный спаситель, потратив три часа на спасение, учтем накладные расходы, восемь пишем, два в уме, дебет — кредит, плюс — минус в вашу пользу, итого — сто семьдесят шесть, но я не жадный: «С вас сто рублив!» Не надолго задержался справедливый джентльмен на полуострове. Намекнули деликатно, как умеют только на Камчатке: «Катился бы ты со своей бухгалтерией обратно на Днепр!»

Капитаном нашего катера в тот сезон был Абакумыч — Алексей Аввакумович Гринев, я с удовольствием вспоминаю это русское имя. С нами в отряде работала пожилая сотрудница Вера Абрамовна. Конечно, она чувствовала себя не слишком удобно среди мужиков. А отдельная каюта на катере была лишь одна. Абакумыч предложил Вере Абрамовне переселиться туда вместо него. Она постеснялась, отказалась. Тогда капитан просто перебрался в общий кубрик, он же камбуз, он же трюм и т.д. «Скучно одному, — объяснил он, — с ребятами веселей». И единственная наша женщина вынуждена была переехать в каюту, чтобы не стеснять своим присутствием мужчин.

Взаимопомощь — наша, русская черта. Когда услышал я один из рассказов своих друзей, побывавших «там», многие заурядные наши происшествия предстали в ином свете.

А рассказывал знакомый вулканолог о том, как во время заграничного плавания случилось несчастье с нашим парнем в чужом порту — упал, неудачно приземлился и застыл на земле без движения. «Скорая помощь» прибыла тотчас, и первый вопрос был: «Кто будет платить?»

И вот что вспомнилось по контрасту. Вдвоем с Николаем Храмовым, вечным моим напарником во всех путешествиях, остались мы как-то без средств заброски. Скорее по безалаберности, чем по стечению

обстоятельств, упустили мы возможность попасть в район работ на вертолете, потом в близкие к нашим места ушла без нас машина...

Вовка Петров, коллега и бывший однокурсник, подбросил нас на своем «москвиче» до точки, от которой мы в три захода перетащили резиновые лодки и нехитрый скарб на речку. Сплыли к устью, зная, что там должна быть рыбалка. А раз есть люди, значит, помогут. Все так и получилось. Отвезли нас рыбаки, насколько мог пробиться их вездеход. Дальше мы отправились с рюкзаками. У Коли был свой маршрут, а я добрался до следующей реки, и уже тамошние рыбаки доставили меня на лодке вверх, опять-таки сколько позволил фарватер. Все они видели нас впервые, корысти в своих трудах и затратах никакой не имели.

В другой раз на тихоокеанском побережье Камчатки прорвались мы на немудрящей «казанке» сквозь прибой к нужному мысу, а обратно выбраться не сумели. Четырежды опрокидывала нас волна и вышвыривала обратно на песок, хорошо хоть целыми и не слишком вредимыми. Пришлось ждать у моря погоды. Продукты кончились, мы голодали. Километрах в тридцати от нас находилась погранзаезда, и вот, когда ждать стало невтерпех, я отправился туда через заросли, перевалы и непропуски. Что могут отказать, такого и в голову не приходило.

Каких только деликатесов ни напихали мне в объемистый рюкзак ребята! И хотя уходил я обратно до света, они встали еще раньше и испекли специально для нас несколько булок чудесного хлеба. Правда, в день прихода я выступил перед ними с лекцией о полезных ископаемых Камчатки, но ни лекция эта не была платой за продукты, ни продукты не были гонораром за лекции, — и то и другое было от души.

...Нет, все же мы, с азиатской нашей рожей, хоть отчасти — чукчи.

А недостатками нас одарила и та, и другая цивилизация.

— Вы, русские, как голодные чайки на вашей реке. Вы никогда сыты не бываете, все вам мало, — говорили нам сто лет назад кочевники на Нижней Колыме.

Я думаю, такие обобщения все же чрезмерны. Конечно, подобное обвинение могло быть отнесено к тем купцам, аппетиты которых

вынуждены были ограничивать власти, приставленные царем-батюшкой для надзора за ходом Анюйской ярмарки. Но вряд ли оленный человек мог сказать так о своих русских «товарищах по жене», о жителях Нижне-Колымска, которые едва прикрыты кожаном, но при каждом подходящем и неподходящем случае «превесело поют и пляшут».

Нет, если с чукчами мы — американцы, то уж с американцами — беспрерывно чукчи.

Слишком сильна у нас закваска презренного азиатского коллективизма. И общинный уклад не забыт, и артельные обычаи тоже... Цепкие, как репейник, гены не отдерешь и за столетие.

...Стихийное наше объединение мы никогда не называли артелью, иногда именовали себя бригадой, чаще — совсем никак. «Мы» — вот и все прозвище. «Артель» — это было бы очень уж манерно и воспринималось бы примерно как лапти вместо резиновых сапог. Да и какие к черту артельщики из двух научных сотрудников, шофера и заместителя директора завода по ремонту котлов?

Никто не подбирал коллектив ни по анкетам, ни по рекомендательным письмам. Надумали мы с Вениамином поехать в отпуск на таежный промысел — собирать бруснику и сдавать ее в госпромхоз. Двоих мало, нашли себе еще двух напарников. Жена Юры, переводчица, работала вместе с нами. Возьмите, говорит, моего, я его командирую. А у Васи с Вениамином когда-то жены в одном ведомстве трудились. И если одного из новых артельщиков я хоть на новогоднем вечере повидал, то с другим вообще впервые встретился на перроне. Короче говоря, принцип отбора — случайность, так же можно было нахватать людей просто с улицы. И кто кем был в городе, стало невозможно распознать уже на вокзале. Как в бане. И кто что берет с собой, не оговаривали, но получилось как раз, прямо как у тех енисейских эвенков, которые никогда не делили свой улов.

На лесной деляне все оказались новичками, никто ничего не умел, но равенства, понятно, не было. Господь ведь наделил каждого неповторимыми талантами, весьма различными и по количеству, и по ассортименту. В первый день Вася набрал пять ведер ягоды, я полтора, а Юра — ведро. Спустя некоторое время производительность

повысилась: у Васи — семь, у меня — три, у Юры — полтора. Через неделю Юра не выдержал: «Не могу я больше, поеду домой, что же я, так и буду обузой?» Он прекрасно понимал, что деньги будем делить поровну, хотя, опять-таки, никакого разговора на эту тему не было.

Даже у бичей, наших лесных братьев, это всегда подразумевалось. Как легенда, как быль на грани небылицы, передавалась из уст в уста молва о двух компаньонах: «Получать будем кто сколько заработает. Извини, Петя, но мне деньги очень нужны. Квартиру получил, а мебели нет».

Деньги были нужны и нам, дыр в семейном бюджете доставало у каждого. Я вот уже сколько лет не мог наскрести на шапку своей взрослой дочери, Вениамину не хватало на стройматериалы для садового домика. В общем, в тайгу поехали не за туманом. Но отчаяние Юры показалось оскорбительным, отреагировали все одинаково: «Хорошо, ты уедешь, а в какое положение ты ставишь нас? Мы что, рвачи? Вместе приехали, вместе и уезжать будем!»

Он остался. Освоился. И если теперь кому-то уступает, то лишь временами, не чаще, чем другие, но это в тайге дело обычное, тайга не огород, где одну грядку от другой мать родная не отличит.

А насчет принципов, лежащих в основе артельной организации труда... Я бы свел их к одному: «От каждого по способностям, всем поровну». Впрочем, это лишь попытка подвести фундамент под обычную, старую, как Русь, артельную практику. Не на выработку смотри, а на выкладку. Ну а если кто-то не захочет выкладываться, какой пай выделить ему? Нет, этого в артели не может быть!

Ну а вдруг? Что ж, случилась и у нас подобная невидаль. Просуществовала наша артель более десяти лет, много людей прошло через нее за это время. Один сезон работали вместе с нами два сына Васи. И если Андрюха, лихой гусар, в работе зверь, с шестиведерным коробом за спиной ломит вверх по склону сквозь бурелом — только треск стоит, то Саня — физик, лирик, очкарик и болтун — надрываться не собирался.

Первый же день промысла закончился глубокомысленной и загадочной фразой Андрея:

— Сегодня мы с Санькой собрали за два часа два короба.

— Постой-постой... — я был заинтригован. — Математика — наука точная. Ты бы мог сказать попроще: мол, мы за два часа собрали по коробу. Но не сказал. Значит, очень хотел, чтобы эта громоздкая формулировка не осталась незамеченной, и надо понимать ее примерно так: за два часа я собрал почти два короба. Ну, и Саня малость помог.

Приносил Саня на табор совсем мало, уставал еще меньше. Другие после работы пластом валились, не могли шевельнуть ни пальцем, ни языком, а эрудированный Саня рта не закрывал. Даже после прозрачного намека: «Заткни фонтан» — он умолкал на одну лишь минуту. Василий не знал, куда деваться от стыда, его образованный сын не находил даже повода для беспокойства. Кончилось тем, что отец посадил своего знатока-энциклопедиста на вечное дежурство — кашу варить. Так тот и за едой никому покоя не давал рвущейся из него на волю информацией. Сколько получил в конце сезона Саня? Столько же, сколько и Андрюха, не меньше, чем я или сам Василий. Но и у чукчей действовал тот же принцип — бездельник Хавголгын на стойбище Вуатагына ел столько же, сколько те, кто работал.

Правда, эти глубинные основания долго, до возникновения «краевых эффектов», не поддавались ни точной формулировке, ни даже ясному осознанию. Но ведь, как сказал О'Генри, главное — не дороги, которые мы выбираем, а то внутри нас, что заставляет нас выбирать эти дороги. А «то внутри нас» существовало и в самый первый наш промысловый сезон; по-видимому, оно возникло даже раньше нас самих и ведет начало от зарождения Руси.

Таежное наше братство выдержало все испытания. В первый сезон заведовал общественной казной я. И вот, надо же было такому случиться, у меня пропала целая тысяча рублей. Это был примерно тот пай, который рассчитывал получить каждый из нас по окончании работы. До сих пор не знаю, куда исчезли деньги. Возможно, я их элементарно потерял. Но как? Ни до, ни после ничего подобного со мной не бывало. Или же у меня вытащили их из кармана во время сдачи продукции, когда толкучка у весов, как на барахолке. Но кто? Бичи, наши коллеги по промыслу, способны ли на такое среди своих? Ясно было одно: виноват я. Почему же за мои грехи должны страдать другие?

Недостающую тысячу я высчитал из своего заработка. Но ребята воспротивились. Все наличные деньги были поделены поровну. Вряд ли со стороны Юры это был ответный жест. Принцип «ты мне — я тебе» слишком уж бухгалтерией отдает. Сработали древнейшие наши артельные инстинкты — только и всего.

Вот говорят, коллективизм не способствует повышению производительности труда. Хотел бы я видеть, как угнал бы за нами образцово-показательный индивидуалист американец, когда пуп развязывается от натуги и работа — от зари до зари, когда обед едва проглотить успеваешь, когда мошка проедает плешь чуть не до печенок, хоть волком вой. Артельная работа азартна до крайности, на миру ведь и смерть красна. Да разве стал бы я так надрываться, если бы меня подгоняла жадность: соберу вдвое больше Васи, вдвое больше и получу. Да пропади они пропадом, эти деньги! Стараться ради заработка унизительно, в этом есть что-то рабское. Потому, видно, и воротило с души от «валовой» работы вольных пахарей моря — алеутов и свободолюбивых бродяг тундры — чукчей. Очередь отвести — это можно, дозировать физические расходы по денежным доходам, но не больше же! Артельный азарт за деньги не продается.

И Н.Я. Данилевский имел полное право утверждать: «Вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа». Равно как и чукотского народа, алеутского, папуасского, ирокезского, готтентотского...

Говорят, русский человек — плохой работник. Это смотря при каких стимулах. За деньги — да, конечно. При подневольном труде — тем более. На конвейере — безусловно. Если судить по благосостоянию, достигаемому собственным трудом, по систематичности и организованности работы, тут уж деваться некуда. Ленивы алеуты, как говорил отец Иннокентий. Но где бы нашелся тот этнограф, который усмотрел бы загадку в русской лени? Работа в час по чайной ложке, работа не тяни кота за хвост — что за радость?

А видели вы когда-нибудь, как по лугу движется, мерно размахивая косами, строй добрых молодцев? И вперед не вырвешься — ряд занят, и отстать нельзя — пятки подкосят. Солнышко всходит, кома-

рье лютует, птички щебечут, душа поет. Радость труда вдохновляет русскую натуру, а не результат труда.

Говорят, несовместим с азиатским коллективизмом европейский индивидуализм. Но что было от азиатского коллективизма у тунгуса, который с одним ножом выходил на медведя? И был ли коллективистом алеут, когда противостоял в байдарке-одиночке бушующей океанской стихии? Разве не индивидуалист коряк, готовый насмерть загнать своих лучших ездовых ради того, чтобы опередить всех соперников? И кем считать чукотского шамана, не пользовавшегося никакими данными психологии о сущности гипноза, но гипнотизировавшего даже полярных исследователей? А кто в таком случае наш собрат по артели Толик Шевцов, главный инженер, футболист и покоритель сердец, который заснуть не мог ночью, если днем он не собрал ягоды больше всех?

А может, они не были индивидуалистами в европейском понимании, так как Толик явно оказался бы неспособен на свои ежедневные подвиги, если бы платили ему пропорционально личным результатам. Корякский гонщик пожалел бы любимых оленей, ожидай его на финише призовой фонд в миллион долларов. Не нуждался победитель ни в каких наградах, кроме упоения победой. Свой выигрыш северный чемпион обычно дарил от избытка чувств девушке, бабушке, кому угодно. Да разве поставил бы свою жизнь на кон тунгус ради денег?

Индивидуализм ради победы, ради одоления — это, надо полагать, не европейский индивидуализм. А вот индивидуализм ради личной выгоды — этот да, европейский, но не азиатский. По-видимому, Европа и Азия — два земных полюса. С одной стороны, крайний индивидуализм в производстве (как у алеута на байдарке, у тунгуса в охотничьем поединке) и коллективизм в использовании добычи, а с другой — муравьиный, конвейерный коллективизм в производстве и самый эгоистический индивидуализм в присвоении.

Неясно лишь, какой индивидуализм проповедовал европеец Жан Мари Гюйо. Если у тебя больше страстей, больше сил, чем у других, не скрывай своего превосходства, прояви себя. И будь щедр, дари

от избытка души все свои таланты людям. Цветок должен цвести, хотя бы за цветением и следовала смерть.

...Но вот в патриархальный уклад таежной артели научных сотрудников, шоферов, электрослесарей, главных инженеров и замдиректоров вторглась современность. Общечеловеческую цивилизацию олицетворял аспирант Витя со смиренной русской фамилией. На вопрос, нравится ли ему тема будущей кандидатской диссертации, он пренебрежительно махнул рукой: «А-а... Вообще не знаю, буду ли защищаться. Что толку от этой науки? Заработать можно и без степени». Меня резанули по сердцу наплевательские эти интонации. Наука была и остается делом моей жизни — светлым, чистым, возвышающим.

В хрупкой нашей башне из слоновой кости запахло электричеством. Витя нес в себе заряд, противоположный многолетнему полному единодушию всей артели. Впереди замерещилась опасность.

Но какую угрозу мог скрывать в себе Витя? Нас было много, а он один. Мы были вместе, а он отдельно. Однако... Живут только мягкие тела. И чтобы не прерывалась жизнь, они должны оставаться мягкими. А чтобы отразить опасность, надо подавить в себе мягкотелость, напрячься, окаменеть, и... таким образом потерпеть поражение, перестать быть самим собой, перестать существовать. Нет, не зря Спаситель увещевал: не сопротивляйтесь. Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую. Но если не преграждать путь злу, то ведь оно захлестнет все и вся. Не будет ли непротивление потворством злу?

...В напоенном хвойными благовониями воздухе витали вечные призраки добра и зла, справедливости и дележа денег.

Обстановка сложилась на редкость критическая. Все этические проблемы обострились, все вопросы были поставлены ребром, а определенности не было. Нас было четверо в первом десанте девяностого года. В наши задачи входило найти деляну, детально разведать ее и помаленьку приступить к сбору. К этому моменту должны были подъехать еще двое наших, одним из которых был мой старый друг Николай Храмов. Работали мы с ним и в этом сезоне в поле на Камчатке, более того, в роли начальника на этот раз выступал я. Так вот, я оставил свой камчатский отряд на Колю, чтобы успеть организо-

вать промысловую бригаду в верхнебуреинской тайге. Не взял бы на себя Коля мои административно-хозяйственные хлопоты, и не было бы здесь ни у кого ни дяланы, ни заработков, да и вообще бы ничего не состоялось, потому что меня в том году заменить никто не мог. Самым опытным, более того, единственным опытным промысловиком, способным организовать дело, был тогда я.

И природа сыграла с нами злую шутку. Бывают в тайге сезоны неурожайные, когда нигде не найдешь хорошей ягоды. Бывают годы, когда брусника укрывает землю не ковром — коврами в несколько слоев. Везде, куда ни глянь, разлитое море червонного золота...

Но в тот сезон ягода уродила очень неравномерно. То забредешь в сказочно богатый оазис, то шагаешь километр за километром по настоящей зеленой пустыне, во всем густом брусничнике — ни ягодки.

Несколько богатых площадей я нашел. Снять сливки — дело недолгое. А потом?

— А этим ребятам и приезжать незачем, — сиял удовлетворенный Витя. Дескать, не зевай, кум, на то и ярмарка. Законы рынка, конкуренция... На этот раз, ребята, извините великодушно, не повезло вам.

— Может, и правда, сбегать на станцию, дать им телеграмму? — забеспокоился добрейший Дима. Чего же, мол, им на билет еще тратить...

Но вот этого-то я допустить никак не мог. Я знал, сколько трудов вложил Коля в промысел, еще не приезжая в здешнюю тайгу, я знал, в каком беспросветном безденежье он маялся все время. И знал я еще, что ему, как и почти всем нам, деньги были нужны не для себя — страдали родные. Это только у Вити были развитые цивилизованные потребности, зарабатывал он на машину, на мебель и прочие блага, без которых современный человек и представить себя в хорошем обществе не может. И что же? Собственными руками приблизить осуществление Витиной мечты? И этой мечте принести в жертву заботу «этих ребят» о своих ближних...

— Ну хорошо, — уступил Дима, — давай мы соберем без них, а потом, когда они приедут, разделим деньги на всех. Поровну.

— Дима, ты ли это говоришь? Неужели всерьез? Представь само-

го себя на их месте. Как бы этот жест воспринял ты? Подачка? Нет, пожалуй, не подачка, ты же имеешь дело с хорошими людьми... Подарок? Но ты ехал в тайгу не за подарками, а за заработками. Ты бы взял незаработанные деньги? Я тебя что-то не узнаю.

Димку я знал с пеленок. Это был мой племянник. Я прекрасно помню, как он, едва научившись говорить, первым делом спрашивал, вернувшись из садика:

— Баба, а сегодня у тебя головка не болит?

Не изменился он и повзрослев. Я всегда приводил в пример его инстинктивное бескорыстие:

— Вот ты, Миша, отдашь другому любую вещь, если увидишь, что она ему нужнее, чем тебе? А Димка анализировать не станет, он сначала отдаст, а потом подумает, обойдется ли без нее.

И вот даже Димка не понял моего беспокойства. Ни с кем больше я даже не попытался обсуждать столь деликатные проблемы. Правда, и сам Дима оказался между двух огней. Витю к нам привез он, это был его родственник, брат его Ольги. И поселились они в одной палатке, ходили на деляну неразлучной парой, помогали друг другу в лесу и на таборе, жили душа в душу. Как я мог вносить разлад в такое взаимопонимание?

И я повел линию, странную для всех. Я тянул из себя жилы, выкладываясь сверх промыслового сбора на дополнительной разведке. Я отыскивал латки весьма сомнительного достоинства, но ведь лучших не попадалось, таков уж был нынешний урожай. И планировал работу на каждый день таким образом, чтобы отвлечь внимание парней от богатой деляны под носом. В коллективе назревало недовольство. Моя политика слишком уж смахивала на вредительство.

— А если эту бруснику соберут без нас? — прозвучал наконец давно назревавший вопрос.

— Ну-у... может, и не соберут... — невнятно пробубнил я. Но надежды, честно говоря, не было. В тайге заборов нет, мало ли кто набредет на ягодное наше эльдорадо?... И для себя я уже давно заготовил твердый ответ: соберут так соберут. Не достанется нам так не достанется. Лучше потерять вместе, чем найти поодиночке. Но с та-

ким своим решением я не мог ознакомить даже Диму. И долго ходил с чувством вины перед друзьями. Ноги запинались за каждый сучок, азарта не оставалось никакого.

...Мое «вредительство» достигло цели. Я не дал своей гвардии снять сливки до приезда «тех ребят». И когда они прибыли, я услал других на дальние бедные деляны, но Коля несколько дней наслаждался своими личными достижениями.

Увы, было все же слишком поздно. Неравенство трудового вклада, если судить по весу лично собранной ягоды, было очевидно. Делить деньги предстояло мне.

Не будь Вити, я бы не чувствовал ни малейшего сомнения. Всем поровну — святое дело. Но Витя... Не русский дух занесло западным ветром, не Русью запахло в нашем лесу. С легкой руки «чикагских мальчиков» коммерциализация человеческих отношений просочилась в самую глухую российскую глушь.

...Цивилизованное общество предполагает полную демократию. В последний вечер у костра мы обсуждали завтрашние финансовые проблемы. Задолго до события, ступая по коврику с коробом за спиной, прочесывая сквозь зубья совка жесткие брусничные стебли, без отрыва от прочих забот и хлопот, я заготовил эту речь, со всей аргументацией, артикуляцией, жестикуляцией. Объяснил подробно, что несмотря на разницу в объемах и учитывая особые обстоятельства... Рассказал, что Коля освободил меня там, на Камчатке, чтобы я здесь, для всех вас... Закончил я обычной формулой равенства и попросил всех высказаться за или против. Витя один высказался против. Надо отдать должное его мужеству. Он знал, что не найдет понимания ни у кого. Но он не мог поступиться принципами.

— Ведь так можно дойти и до дележа по количеству детей! — воскликнул он. «Можно ли представить большой абсурд?» — звучало в его голосе. И проникновенное недоумение это заронило сомнение в души сидящих вокруг костра. В самом деле, при чем же здесь дети?

Заколебался и я. Уже после того незабываемого вечера прочитал я в этнографической литературе, что ничего особенного даже в таком

разделе добычи не было. Богатые чукчи платили «помощникам» именно так. Холостому пастуху давали мясо для его личного пропитания. Семейный получал столько, сколько съедал он сам, его жена, дети и прочие родственники. У нганасан и долган добыча делилась не по числу участников, а по едокам. Но зачем ума искать и ездить так далеко? В нашей российской общине дележ по едокам тоже считался нормой.

Но как реагировать на требовательность Вити? У алеутов, сообщал отец Иннокентий, не было большего позора, чем обнаружить жадность при дележе добычи. Чтобы устыдить жадного, все прочие участники промысла отдавали ему свою долю. Но Витя — не слабонервный алеут, аспиранта-бизнесмена этими детскими уловками не проймешь.

А что рекомендует современное правовое устройство? Что значит демократия? Принимать решение по большинству голосов? Или применить право отлагательного вето? Нет, уж если решение, то без возражений. Артель не приучена к демократии. Формальное большинство здесь не в почете. Здесь всегда царит не то что единогласие, больше — единодушие. У нас единодушие не вышло.

«Да катитесь вы со своими разногласиями!» — захотелось мне махнуть на все рукой. Димка, правда, предложил выход: сначала расчитать Витю по тем принципам, на которых настаивает он, а оставшиеся деньги поделить так, как предлагал я и как считали справедливым все остальные, то есть поровну. Но тогда, в запале, я как-то или недослышал, или недопонял.

«Делим по предложению Вити», — подвел я черту. На душе стало мерзко. Я плюнул на все, потерял интерес к окружающему и завалился в палатку. Двое суток не вылезал я на свет божий.

Какое-то движение за брезентовыми стенками происходило. Люди отправлялись с коробами, что-то наскребали, приносили. Но что за жизнь после смерти? Все рухнуло. Кураж пропал, артель перестала существовать, одухотворяющее начало бесследно улетучилось. Без азарта, порыва, вдохновения русский человек — никудышный работник. Что и было еще раз подтверждено.

Свернули мы производство, вывезли продукцию, получили день-

ги. И тут-то я вспомнил о предложении Димки. Правда, если бы не пришло мне в голову кое-что еще, не знаю, вернулся ли бы в поисках выхода к мудрому этому решению. Но меня привело в холодное бешенство прекрасное настроение Вити. Он напевал что-то себе под нос, рассказывал анекдоты, предложил Коле партию в шахматы и вообще вел себя как лучший друг всем вокруг. Не думаю, чтобы причиной был истинный душевный комфорт, скорее всего это была бравада. Стремление удержаться на уровне своих радикальных предложений. Не будь за его спиной высказанного ранее диссидентского мнения, он, может, и присоединился бы к большинству, но в данный момент... Нет-нет, моменты сожжены, надо лишь довести линию до конца.

Витя с Колей играли в шахматы. Я с толстыми пачками денег в карманах телогрейки, пристроившись на груде шпал, подбивал бабки в двух вариантах: если Витя поступится принципами и если Витя не откажется от оных. Соответственно разложил я и деньги по кучкам и в каждой кучке проложил бумажки, чтобы сразу перераспределить по второму варианту, если не пройдет первый.

Перетасовывая четвертаки и червонцы, я тщился доказать нереальность мира по эту сторону денег и придумал нечто потустороннее. Перед началом промысла Димка приехал ко мне в гости и поселился в Хабаровске в моей квартире; с ним вместе, понятное дело, жил Витя, там же и Коля.

Какова допустимая мера протеста? Недостойному можно указать на дверь...

— Минуточку внимания, — обратился я к публике. — Вот на ваше усмотрение вся бухгалтерия. — Я изложил артельную отчетность, сколько мы собрали, сколько показали веса, какую сумму нам выдали. — Я должен разделить деньги между вами. Витя, ты подтверждаешь свое мнение, или оно у тебя изменилось?

— Нет, почему же, — Витя сглотнул. — Подтверждаю.

— Хорошо, бери свой заработок, — теперь настала моя очередь проглотить комок в горле. — Но ты меня извини, Витя, у меня квартира тесная, много гостей, которых мне приятно видеть. Ты найди себе какое-нибудь другое место.

— Понял, возражений нет, — и Витя продолжил прерванную партию.

Никакого физического ущемления ни для кого я не планировал. И потому договорился с Федей, чтобы он пригласил Витю к себе домой в случае чего. Случай произошел, Федя не забыл, Витя не пострадал. А что было у него на душе, не знаю. Но сомневаюсь, чтобы тишь, гладь да божья благодать.

— Теперь, Дима, вопрос к тебе. Ты подтверждаешь свое прежнее предложение?

Дима подтвердил, прочие поддержали. И я поделил оставшуюся сумму по святому нашему артельному принципу — поровну. И этот дележ доставил мне глубочайшее удовлетворение.

Конечно, потом, уже в поезде, который долго-долго вез нас до дома, много раз возвращался я к сложным проблемам, охватывающим деньги и нравственность, и время от времени приходил в отчаяние: гори она синим пламенем, эта тайга со всей ее брусничкой, если не приносит она душевного умиротворения! Не поеду больше!

Решение вполне отвечало требованиям Христа Спасителя: ударили тебя по левой щеке — подставь правую, наплевали в душу — оставляй поле боя за противником, и пусть он подавится своей победой. Но потом от смиренного Сына Человеческого я склонился все же к бунтарю графу Толстому: сопротивляться злу надо! Не насиловать, так неприятием. Поеду я в тайгу на будущий год. И деньги зарабатывать буду, чтобы порадовать родных. И делить буду собственноручно, если понадобится. Как раньше. Поровну. Днесь, и присно, и вовеки.

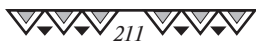

Мы «возвращаемся» в «общечеловеческую»...

...«Нам электричество сделать все сумеет», — пели мы в студенческие годы. Ту же песенку, с заменой электричества на научно-технический прогресс, некоторое время спустя исполняли на полном серьезе ученое сообщество и верующие в него инстанции и «простые люди». Затем выяснилось, что наука и техника — чудодейственный механизм, но он не заработает без приводной шестеренки — личной заинтересованности человека. Включается в действие эта деталька — и чудо свершилось. Личный интерес, научно-технический прогресс, эффективность производства, материальные блага, а что еще человеку надо? Весь мир так живет.

Материальная заинтересованность, мобилизация всех своих возможностей, личное совершенствование, стремление одержать верх над соперниками и — победа! Ты торжествуешь, неудачник плачет. У тебя почет и слава, деньги и все, что можно на них приобрести! Расслабиться здесь не дадут. Отстать, сойти с дистанции — значит оказаться среди тех, кто плачет.

Романтично? Борьба, преодоление, стремление не потеряться, оказаться лучше, выше других... Разве от этого кому-то плохо? Хотя бы тому же неудачнику... Ведь и он выжал из себя все, достиг своего потолка, но что делать, если в любом соревновании должны быть проигравшие! Конкуренция — двигатель прогресса, общество в целом только выигрывает от напряжения сил каждого участника нескончаемой гонки. Можно ли что-нибудь возразить против целесообразности этого соревновательного принципа организации общества? Только тот, кто не уверен в себе, может выражать неудовольствие, да и то не слишком громко, иначе окружающие догадаются, что тем самым он просто признаёт себя неконкурентоспособным.

Рубежи социального развития просты и величественны. Благополучие, процветание, богатство... Великое общество, доходы — по возрасту: в двадцать лет — двадцать тысяч долларов, в пятьдесят лет — пятьдесят тысяч. У великого общества и потребности соответствующие. Но и средства для их удовлетворения ничем не ограничены. Не только физические и интеллектуальные возможности каждого человека доведены до последнего мыслимого предела — организация рационализирована, насколько позволяет творческий гений трудящегося фирмы, гражданина страны. Техническая изобретательность, проникновение самых пытливых, самых изощренных умов в тайны природы — все поставлено на службу прогрессу. *Им* электричество и вправду сделать все сумело. Наука и техника вкупе с трудом и энтузиазмом подняли свободное общество на новый, невиданный в истории уровень развития.

Достижения несомненны, пример заразителен. Весь мир ныне равняется на американские стандарты. Скромный завтрак — кусочек хлеба, ломтик осетрины, ножка омара, стакан апельсинового сока... Не переедать! Небольшая вилла посреди ухоженного ранчо, автомобиль на каждого взрослого члена семьи. Ничего лишнего!

...Допустим, передовикам удалось довести до нужных кондиций самого последнего нганасана и папуаса. Но ведь перенапряжение сил уготовано и природе. А она поддается насилию лишь до определенного предела.

Биосфера в состоянии прокормить только 2,5 миллиарда человек, если они будут питаться, как американцы, — это результаты исследований, в которых учтены все нынешние и будущие открытия в области биологии, генетики и агротехники. А можно ли хотя бы представить себе кошмар, когда каждый взрослый житель планеты станет обладателем личного автомобиля? Разве хватит нефти в недрах, кислорода в воздухе? Нет, не выдержит уже ни литосфера, ни атмосфера. Кризис превращается в глобальный, не затрагивает разве что земное ядро. И тут уж никакое электричество ничего не сумеет нам сделать.

Выход очевиден: пусть неудачник плачет. Ибо если и есть какое-нибудь равенство на земле, так это равенство возможностей. Сильному достается бублик, ну а тот, кто потерпел поражение в конкурентной борьбе, — уж не обессудь, получай дырку от бублика. Одному — крылатый металл, другому — лунный пейзаж на месте рудного эльдорадо. Одному — волшебные препараты, другому — химическое производство на собственной территории.

Япония в недалеком прошлом была гигантской перерабатывающей фабрикой, завозила к себе сырье со всего мира, но пришло время экологических проблем — и стала Страна восходящего солнца огромной научной лабораторией. Да и конъюнктура в геологии на островах резко понизилась. Не хотят нынче японцы развивать ни отечественную горнодобывающую, ни собственную перерабатывающую промышленность. Они способны на большее, а все прочее — тем, кто на большее не способен.

Любые проблемы можно решить старым, как мир, способом выметания мусора в другую комнату. Хорошо, если у жильца другой комнаты хватит мужества признать, что он получил по заслугам: сам не выдержал конкуренции — сам же и пожинай плоды. А когда в семье неудачников, в мире неудачников родится ребенок? Он ни в чем не виноват, но уже обречен на поражение в будущей борьбе, у него же не будет ни образования, ни воспитания, ни развития, ни пропитания... И что будет, когда неудачники во втором, пятом, десятом поколении почувствуют общие обиды, осознают общие цели?

Помните, как у Пушкина? «Не хватало только предводителя. И предводитель нашелся». Емельян Пугачев, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Мао Цзэдун, Фидель Кастро, Саддам Хусейн...

Правда, какую опасность представляют недоразвитые для цивилизованного мира? Неудачники ведь и в военном отношении не способны сравняться с лидерами. Что ж, пожалуй, одержать победу над миром демократии и прогресса они не в состоянии. Но ведь у Сталина и, поговаривают, у Саддама Хусейна было атомное оружие! Долго ли нажать на кнопку? А в ядерной войне победителей быть не может.

Нет, чего-то не хватает в принципах, положенных в основу единой общечеловеческой цивилизации. Будущее планеты отнюдь не безоблачно.

Человечество не найдет выхода из беспросветных тупиков технологического развития, пока оно блуждает в узких рамках европейской цивилизации. Альтернативу представить не так уж и трудно. Цивилизация чукчи, удэгейца, ирокеза, папуаса, готтентота существует, и если она не образует единой системы, то общность нравственных принципов «дикарей» поразительна. Вот только почему она повсеместно оказывается жертвой европейского образа жизни?

«Цивилизация столь же агрессивна, сколь и прогрессивна — это позитивное состояние общества, атакующего любое препятствие, подавляющего все более слабое, выискивающего и заполняющего всякую щель как в мире морали, так и в физическом мире, — такой видит западную систему ценностей Л.Г. Морган, — в то же время жизнь индейцев беззащитна, находится в негативном состоянии, лишена жизнеспособности и способности к сопротивлению». Я не понимаю, что же позитивного и прогрессивного увидел Л.Г. Морган, основоположник этнографии, в подмеченных им же признаках белой цивилизации и что негативного — в индейских обычаях.

Европейцам вовсе не приходилось выискивать никаких щелей — перед ними распахивались настежь любые двери. Открытость и доверчивость «низшей расы», щепетильность и честность ее представителей, их доброта и предупредительность были просто поразительны.

Когда за роскошную шкуру лисы-сиводушки судовой врач военного транспорта «Якут» Н.В. Слюнин передал чукче четыре плитки чаю, то вскорости две плитки ему принесли обратно на борт судна с объяснениями, что русский, наверное, ошибся.

Ламуты, не боящиеся с одним ножом в руках идти на медведя, «беззащитны и лишены способности к сопротивлению» не менее, чем свирепые ирокезы. Однажды в конце XIX века в Среднеколымск приехал на едва живых оленях туземец. Несколько недель продирался он сквозь тайгу, преодолевал хребты и форсировал реки, чтобы отдать долг. Тридцать пять лет тому назад с купцом не успел расплатиться его дед. Почти все стойбище вымерло от оспы, всего три человека остались в живых. Спасаясь от заразы, они забрались в немыслимую даже для тунгусских племен глушь, но и там, на грани жизни и смерти, не забыли о долге, сделанном два поколения тому назад.

И кто бы ни умер, должник или заимодавец, верность договору не имеет срока. На побережье Северного Ледовитого океана сжигали старуху. Примчался на загнанной упряжке чукча и молча бросил в погребальный костер целую папушу черкасского табаку. Чтобы хоть там, на небесах, человек получил то, чем не успел он воспользоваться на земле.

«Уговор дороже денег», — есть такая пословица у русских. У алеута уговор дороже жизни. Отец Иннокентий Вениаминов рассказывает: абориген острова Уналашка обещал купцу перевезти на своей лодке его груз, когда тот потребует. Купец назначил срок, но море было очень беспокойное, и островитянин, знакомый с водной стихией не хуже седого моржа, заявил, что выходить в такую погоду означает верную смерть. Русский не поверил, заподозрил уклонение от договора, принялся настаивать. Алеут не счел возможным отказаться, вышел в море и погиб.

Широко известным на колымском Севере стал случай, когда местному священнику за связку сушек стоимостью в несколько копеек, съеденную детьми, юкагир Шалугин ежегодно в течение полутора десятков лет выплачивал долг шкурками белок и лисиц, перевозил его грузы и отрабатывал другие повинности, какие только могли прийти в голову представителю высшей стадии цивилизации.

Но все эти примеры меркнут перед американскими эталонами товарообмена. Остров Манхэттен был куплен у индейцев в начале XVII века за кучку рыболовных крючков и стеклянных бус стоимостью в 60 гульденов. И причиной была, конечно, не коммерческая безграмотность аборигенов, не знавших стоимости плодородных земель или считавших безделушки таким уж несметным богатством. Даже если бы так оно и было, долгом порядочного человека было бы расторгнуть столь грабительскую сделку. Но в том, видимо, и состояла сила западной цивилизации, что цель оправдывала в ее глазах любые средства. А слабость туземцев была равна силе их белых партнеров. У алеутов, например, постыдным считалось торговаться с покупателем и самому назначать цену за свой товар.

У дикарей не то чтобы не было сил противодействовать пришельцам, у них даже такого желания не возникало. Отношения складывались совершенно несимметричные.

«Если белый человек, путешествуя по нашей стране, входит в одну из наших хижин, мы обращаемся с ним, как я с вами, — говорил Конраду Вейзеру вождь племени онондаго Каннассатэго. — Мы обсушиваем его, если он промок, мы согреваем его, если он озяб, и даем ему питье и мясо, чтобы он мог утолить свой голод и жажду, и мы стелем для него нежные меха, чтобы он мог отдохнуть и выспаться. Мы ничего не просим взамен. Но если я вхожу в дом белого человека в Олбани и прошу еды и питья, то они говорят: «Где твои деньги?» И если у меня их нет, они говорят: «Убирайся вон, индейская собака!»

Любой путник, будь то свой или чужой, тунгус, якут или русский, мог заходить в любое жилище чукчи или юкагира и жить там сколько захочет. Его принимали как члена семьи, делились с ним последним куском. Более того, отказ в гостеприимстве рассматривался на Севере как преступление.

Нет, европейцы, с одной стороны, и прочее человечество — с другой, положительно представляли собой два мира, в каждом из которых доведены были до крайности два начала, составляющие основу развития всего живого. Согласно П.А. Кропоткину, это — борьба и взаимопомощь. Невозможно существование ни одного животного вида,

равно как и рода человеческого, без развитых инстинктов взаимной поддержки и заботы.

Альтернативная чукотско-ирокезско-папуасская цивилизация не потерпела поражения в бою, потому что и не собиралась ни с кем бороться. Слабость ее состояла лишь в том, что она оказалась чересчур доброй, отзывчивой, мягкой. Но ведь... «*Corpora non agunt nisi fluida*» («Живут только мягкие тела»), как говорили древние мудрецы. Сейчас, когда железная цивилизация оказалась в тупике, ведущем к гибели, самое время обратиться за секретом сохранения жизни на земле к беззащитному и мягкому организму.

«Добрый может быть только богатое общество». Такие лозунги популярны ныне в нашей прессе. Дескать, чтобы делиться с бедными, сначала займись то, чем будешь потом делиться. И этого естественно-го стремления людей к материальному благополучию, к богатству не сумели искоренить ни Будда, ни Христос, ни Маркс...

«Горе вам, богатые, — проповедовал Иисус. — Горе вам, пресыщенные!» Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Божие. Нищий Лазарь, мечтавший о крошках со стола богача, после смерти был вознесен ангелами в рай, богач же попал в ад — не за то, что был злым или жадным, а за то лишь, что оставался богатым, в то время как существовали бедные. В книге Еноха роскошь расценивается как преступление.

Понятно, что впоследствии, когда церковь разбогатела, когда монастыри, храмы и князья церкви стали владельцами сокровищ, земель и крепостных, этот экстремизм утерял популярность среди служителей культа, перестал появляться в проповедях. И христианство, считает П.А. Кропоткин, «перестало быть религией распятого Христа, чтобы стать религией государства».

Учение Иисуса соответствовало инстинктам и потребностям сердца — к такому выводу пришел Э. Ренан, автор фундаментальных трудов по истории христианства. А инстинкты и потребности сердца одинаковы везде и всегда — справедливость, добро, любовь, стремление ко всеобщему счастью. И заметнее они в обществах «дикарей», не подавленных «железной» цивилизацией.

Для бизнесмена честность приемлема постольку, поскольку она рентабельна. Ибо если компаньоны и конкуренты увидят, что твоему слову нельзя верить, с тобой просто не будут иметь дела, и ты разоришься. По крайней мере, не получишь тех дивидендов, которые могла бы принести честность. В общем, тут нравственности не больше, чем доброты у тигра, посаженного на цепь, — такое сравнение использует граф А. Шефтсбери.

Интересно, о каких дивидендах беспокоился тунгус, который неделями продирался сквозь тайгу, чтобы вернуть долг деда, или чукча, который переправил свой долг напрямик на тот свет? Конечно, можно нагородить и тут прагматических объяснений во имя ее величества рентабельности, что-нибудь вроде: внук того тунгуса боялся, что его опознает внук того купца, а тот чукча опасался, что среди верных людей его встретит первым дух того человека, которому он задолжал папушу табаку. Правда, и тут концы с концами не сходятся: купеческий внук наверняка знал от деда, что то самое тунгусское стойбище целиком вымерло от оспы, а что касается того чукчи, то между ними принято было прощать и не такие долги. Но главное все же в другом: как-то не по-тунгусски и не по-чукотски звучало бы подобное объяснение, слишком уж по-европейски, а до столь высоких материй, как рентабельность человеческих отношений, сибирские туземцы просто не доросли.

В обществе нашем, «возвратившемся» в лоно мировой цивилизации, в которой мы никогда не состояли, звучат и такие лозунги: «Если будем заботиться о нищих, все нищими будем!» Это к вопросу о выборе приоритетов — сначала производительные программы, а потом социальные, или наоборот?

А как обстояли дела с заботой о нищих у чукчей? Да никак. Потому что нищих у них не было. Как и у всех прочих народов сибирского Севера. Как и у других «дикарей». Система общественного призрения была у представителей альтернативной цивилизации настолько совершенной, что нищенству как социальному явлению у них неоткуда было взяться. Хотя и в нищете жили, а никто не просил милостыню и не помирал с голоду, если у ближнего была еда.

У эвенов заботу о бедняках род поручал более богатому соплеменнику. Обычай «берси» предусматривал эпизодическую добровольную помощь нуждающимся. Случайно обедневший бурят кормился у каждого из своих сородичей по очереди.

Богатые чукчи приглашали обедневших в свое стойбище в качестве «помощников», давали им оленей на обзаведение собственным стадом или предоставляли заимообразно с отдачей того же поголовья через некоторое время, с тем чтобы приплод оставался «помощнику». И когда на стойбище использовались для пропитания только животные, принадлежащие «переднедомному», нетронутый естественный прирост в табуне более бедного соседа давал ему возможность быстрее повышать свое благосостояние.

Бывало, что оленей буквально косила беспощадная копытка, напавшая мор от сибирской язвы или иной заразы. В одночасье вчерашние богачи становились неимущими. Но уныние не шло следом за несчастьем. Собирали бывшие хозяева у бывших работников своих оленей, отданных когда-то в долг, в свою очередь брали у них займы, получали щедрые подарки от сородичей и начинали все с самого начала. Социальные перемешивания не приводили ни к социальной напряженности, ни тем более к вспышкам вражды или конфликтам.

У долган богатый обязан был отдать своих оленей, если в табуне у бедного произошел падеж. И эта помощь не рассматривалась как благодеяние, скорее как долг, невыполнение которого сурово осуждалось. Когда у бедного плохо шли дела без видимых причин, ему оказывали помощь сообща. Если после этого ситуация не улучшалась, помощь предоставлялась в меньших размерах. Если же все оставалось по-прежнему и после третьего раза, детей у неудачника отбирали и отдавали их на воспитание в зажиточные семьи. Когда они становились взрослыми, обязанностью их было содержать своих непутевых родителей.

У ненцев богатые считали своим долгом помогать бедным. При нарушении этих обязанностей допускался самовольный убой оленей, что не встречало общественного осуждения.

Так было на всем азиатском Севере — уклонение от помощи нуж-

дающемуся расценивалось как грех, как преступление, как нечто вроде воровства, которое до распространения цивилизации было у дикарей величайшей редкостью.

А.Э. Норденшельд описывает случай во время зимовки 1878 года, когда путешественники сложили свои съестные припасы на берегу и накрыли их парусиной. Несмотря на то что чукчи очень нуждались в ту зиму в пище, никто даже не притронулся к их продовольственному складу, хотя и соседи шведских полярников, и чукчи, ежедневно проезжавшие мимо, прекрасно знали, что там лежит.

Отец Иннокентий рассказывал, как алеуты подарили ему однажды юколу, но он забыл ее на берегу и не взял на судно. Через полгода он вернулся на стойбище, и ему вручили оставленную рыбу. В то время в окрестностях свирепствовал голод...

Трудно пришлось молодому выпускнику Пажеского корпуса князю П.А. Кропоткину, путешествовавшему по Сибири и еще веровавшему в преимущества белой цивилизации, когда он пытался просвещать дикарей, но не мог объяснить им, почему в столь развитом европейском мире люди умирают с голоду, в то время как рядом с ними многие живут в сытости и довольстве. «В каменных домах и сердца становятся каменными», — говорили по тому же поводу русские крестьяне.

«Дикари» достигали справедливости не путем насильственного перераспределения. Не чужое делили — свое отдавали. Помощь бедным оказывалась по велению сердца. Я приведу две параллельные цитаты, текстуально точные, чтобы не привнести собственной интерпретации в чужие мысли.

«Они счастливее, когда дают, чем когда получают», — так сказал Эли Реклю об алеутах.

«Блаженнее давать, нежели принимать», — это слова Сына Человеческого, Учителя добра и любви.

Откровение человеческое

Отец Иннокентий, проживший среди алеутов больше десяти лет и не ограничивавший себя в восторгах при описании их нравов, утверждает безоговорочно: «Алеуты ленивы». И чукчи ленивы, заявляют этнографы, знающие их, как самих себя, а также эскимосы, папуасы, индейцы... Подозрительная закономерность намечается.

Удивительной и загадочной признает леность алеутов русский священнослужитель: «Сколько они недеятельны и ленивы кажутся с одной стороны, столько же деятельны и неутомимы там, где действует их собственная воля и желание». Ни один европеец не выдержит двадцатичасовых переходов на байдарке по штормовому морю. Трое суток, голодные, под дождем несли на плечах несколько пудов церковной утвари «дикие» островитяне, добровольные и бескорыстные помощники христианского проповедника.

А чукчи? В беге по хребтам и болотам наперегонки с оленями нет им равных. И так дни и ночи напролет. Вряд ли европеец отважился бы состязаться с эскимосами, папуасами и индейцами в их родной

стихии. Так где же они ленивы? В «валовой» работе, отвечает отец Иннокентий. И попадает в самую точку. Дайте алеуту задание, потребуйте от него производительности, и вы от него с тем и уйдете, с чем пришли. Неспособны и папуас с эскимосом к поточному производству. И за этим стоят глубокие причины.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне, — увещевал Христос Спаситель. — Довольно для каждого дня своей заботы». С детства помню я присказку: «Бог даст день, Бог даст и пищу», — ее часто повторяла моя мама. И стишок о птичке божией, которая не знает ни заботы, ни труда. Не знать ни заботы, ни труда, конечно, не очень хорошо, но птичка-то — божия, и потому ей беззаботность вроде и не в укор. Да вот ведь и от самого Бога прямые наставления: не заботьтесь...

Как же так? Что же тогда такое безответственность? Птичка-то, она терпеливо не свивает долговечного гнезда. А как же дети, внуки, будущее? После нас хоть потоп? Удивительная, воистину божественная загадочность...

А теперь позволю себе привести несколько точных цитат, и пусть вам не покажется утомительным их удручающее однообразие:

«Худший недостаток, которым страдают чукчи, — это их абсолютная беспечность относительно будущего...» — так охарактеризовал коренных северян норвежский полярник Харальд Свердруп.

Папуасы «работают ровно столько, сколько нужно для добывания пищи лишь на каждый день», — это высказывание П.А. Кропоткина.

«Алеут не заботится о завтрашнем дне, потому и достает еду только на один день», — результат добросовестных наблюдений святого Иннокентия.

«Живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставляя», — пишет С.П. Крашенинников в разделе о недостатках камчадалов.

Доктор Кибер сообщает о тунгусах: «Сущность нрава их составляют доброта и веселость... будущее совсем их не занимает».

И наконец, отец Александр о нижнеколымских жителях (тут не только чукчи, но и «очукотившиеся» русские, ставшие кочевниками, вступающие в «товарищество по жене» с аборигенами): «Беззабот-

ность обратилась в характер туземца. Он ничего не имеет, голоден и едва прикрыт кожаном, но не унывает ...и при первой оказии превесело поет и пляшет».

Обратите внимание, все высказывания несут явный отпечаток осуждения. Дескать, вот откуда все их беды. «Ты все пела, это дело, так поди же, попляши...» А ведь все авторы приведенных цитат, кроме атеиста П.А. Кропоткина, — набожные христиане, а двое из них даже служители культа. Но ни одному не пришло в голову сличить собственные высказывания с самым известным наставлением из Нагорной проповеди Иисуса. Впрочем, смысл его все равно остался бы туманно-аллегорическим, требующим замысловатого толкования.

Не поощряет излишнюю предусмотрительность и Аллах: «И расходуйте то, чем Мы вас наделили, раньше, чем к кому-нибудь из вас придет смерть...»

И Ветхий Завет дает те же рекомендации. Спас евреев от голода Господь в пустыне Синайской, просыпал над ними манну небесную. Но пропадала она у тех, кто собирал ее больше, чем требовалось на один день. Так что и у Христа были предшественники, когда призывал он не заботиться о завтрашнем дне. Но и о предостережении Бога-Отца не вспомнили знатоки Священного писания.

А у папуаса с эскимосом все увязывается с позицией чужого бога напрямую, один к одному. Живут язычники по Христу Спасителю, не зная и не ведая, что это и за них страдал он, неся на Голгофу тяжкий крест свой.

Нагорная проповедь делает лень «дикарей» вполне объяснимой, даже богоугодной. Зачем надрываться, разве добыть пищу на один день так трудно? Добыл — и веселись, пей и пляши. Как и делали папуасы, индейцы, эскимосы, тунгусы и «очукотившиеся» русские. Как советовал автор книги «Екклезиаст» далеким предкам нынешних евреев: «И похвалил я веселие, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться».

Да и сам Сын Человеческий, замечает Э. Ренан, «не обнаруживал никаких внешних признаков благочестия, ни строгой нравственности. Он не бегал от веселья, охотно ходил на свадебные пиры». Еванге-

лист Лука также свидетельствовал об Иисусе, что он «любит есть и пить вино».

И апостолы Христа «вели не слишком занятой образ жизни», декоративно выражается автор «Жизни Иисуса» Э. Ренан; такие же рыбаки, как и колымские туземцы, они «то беззаботно покачивались на волнах своего прелестного маленького моря, то мирно спали на его берегах». Интересно, будь отец Иннокентий миссионером не среди алеутов острова Уналашка, а среди евреев Галилейского моря, какие бы впечатления вынес он об их трудолюбии? Деваться некуда: «Ленивы евреи».

Э. Ренан оправдывал их тем, что в этом раю земном и не требовалось очень уж утруждать себя, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь. И рыба в озере кишмя кишит, и из земли все прет, как на дрожжах, и одежды нужно не намного больше, чем Адаму с Евой, и на теплое жилье не надо сильно тратиться. Что ж, Галилея библейская — место, гораздо более подходящее для человеческого обитания, чем любые другие страны. Но Чукотка если и благодатна, то разве что в сравнении с Антарктидой. А чукотские апостолы проводили в горизонтальном положении, созерцая небесный свод, ничуть не меньше времени, чем их палестинские братья по духу. То же и алеуты, эскимосы, индейцы.

Потворствует лени способность довольствоваться малым. Как часто слышу я нынче эту уничтожающую формулу: «Неразвитые потребности!» Что, у принца Гаутамы или у князя Кропоткина были неразвитые потребности? Нет, это о нас, нынешних русских, которых работать не заставишь никаким пряником. То же говорил и управляющий резервацией Натан Микер о племени юта: не знают индейцы ценности материальных благ, комфорта и удобств. И посему «не в состоянии постигнуть радостей созидательного труда». И алеут ленив, потому что «равнодушен к стяжанию имения», считает отец Иннокентий.

Увы, палка о двух концах, и «развитые потребности» стимулируют не лучшие человеческие качества. Вот как оценил этику американцев великий русский поэт: «Все благородное, бескорыстное, все воз-

вышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)». Или, может, и Пушкин так говорит от нехватки культуры?

Как же благодарен я своей маме за то, что часто слышал от нее поговорку «Бог даст день, Бог даст и пищу», — за то, что не развились во мне до цивилизованных кондиций материальные потребности и страсть к довольству (comfort), за то, что до сих пор не поднялся я выше уровня чукчи. За то, что никакие материальные ценности не застили мне дали, когда в душе поселяется романтика, за то, что мечтал о дальних странах, а не о мотоциклах и магнитофонах. За то, что я могу и сейчас тратить время на науку, семью, общение с природой, размышления о смысле жизни.

И никакие силы небесные не заставят меня вкалывать не то что ради автомобиля — ради самого паршивенького велосипеда. Не согласен я продавать свой труд, свое время, свою жизнь за «довольство материальное» энд комфорт. Уж лучше я буду дрыхнуть на солнышке пузом кверху, как апостол. Как папуас. Как чукча. Как самый последний алеут. Чтобы каждый, взглянув на меня, имел право умозаключить: «Ленивы русские!»

Проблема не исчерпывается, однако, разрешением не думать о завтрашнем дне. Библейские формулировки выглядят более категоричными, они скорее *запрещают* думать о завтрашнем дне: манна небесная пропадала! То есть излишние запасы подлежали изъятию.

Коран расценивает накопительство еще непримиримее: «Так нет, ведь это — огонь, схвативши за скальп, призывает тех, кто отвратился и повернулся, кто собрал и скопил. Ведь человек создан колеблющимся...» (Сура семидесятая, «Ступени»).

Зачем люди делают запасы? На черный день. Зачем копят деньги, обзаводятся ненужной недвижимостью, вкладывают капиталы в надежные ценности? Не всегда это вызвано жадностью. Часто все той же боязнью оказаться в трудном положении завтра. Человек не доверяет обществу своего будущего, старается обеспечить его сам. И вот каждый спасается от общества, устраивает персональные склады и убежища, и все омертвленное достояние отнимается и отнима-

ется у живого настоящего. Да ведь, в конце-то концов, обанкротится бедное настоящее!

Массовые попытки индивидуального спасения заставляют вспомнить истину, хорошо известную в сейсмологии. Верный прогноз землетрясения приносит иногда больше потерь, чем неожиданный разрушительный толчок. Из-за создаваемой страшными предсказаниями паники. Не так ли и с индивидуальными заботами о будущем? Заботы эти приносят гораздо больше вреда человечеству, чем самая легкомысленная беззаботность.

В беззаботности «дикарей», в их готовности довольствоваться малым заложен глубокий экологический смысл. Они не истощали природу, а предоставляли ей возможность вечного существования в гармонии с человеком. Инстинкт самосохранения рода человеческого руководил их помыслами. Инстинкт, противоречащий иногда и личному, и даже племенному. Уж таким создан человек — колеблющимся... И голодовки у них случались, люди погибали, вымирали целые племена. И урок им не шел впрок. Глупее обезьян были «дикари»? Или, может, мудрее цивилизованного общества?

Глас народа — глас Божий. Нет ничего случайного в совпадении обычаев папуаса и алеута с предустановлениями мировых религий. Будда, Христос и Магомет оказались выразителями инстинкта человечества. Спасители мира сумели заглянуть далеко вперед и предугадать нынешний кризис. Не заботьтесь о завтрашнем дне поодиночке. Ибо стремление выжить поодиночке означает лишь — погибнуть вместе.

Двигатель прогресса — взаимопомощь, а не алчность

Итак, секрет победы — в железной твердости, секрет жизни — в мягкотелости. Но как найти секрет победы жизни?

Два мира должны осознать общность интересов. Речь идет не о спасении цивилизации, тем более — не о спасении железной цивилизации, а о выживании всего человечества.

В эпохи великих социальных потрясений обостряется интерес к нравственности. И снова и снова человек приходит к одному и тому же лозунгу: «Свобода, равенство и братство!» П.А. Кропоткин в своих работах, написанных в XIX веке, называет три переломные эпохи: возникновение христианства, Реформация, Великая французская революция. Ныне к ним стоило бы добавить Великую Октябрьскую социалистическую революцию и тот тупик экологического и этического развития, к которому планета стремительно движется в начале XXI века.

Пламенные призывы П.А. Кропоткина к возрождению взаимопомощи оказали такое могучее воздействие, что революция двадцатых годов XX столетия в Китае проходила уже под лозунгом: «Свобода, равенство, братство и взаимопомощь!» Все эти призывы каждый

раз возвращали нас к этике «дикарей», к справедливой мягкотелой цивилизации.

И нет никакой специфики Октябрьской революции в том, что борьба и победа привели к диктатуре. Появление христианства имело следствием крестовые походы, костры инквизиции, притеснение и истребление еретиков. И вождь Реформации, восставшей против тирании и разврата князей церкви, Мартин Лютер, требовал «убивать бунтующих крестьян, как бешеных собак». Обезглавлен Томас Мюнцер, плаха не успевает просыхать от крови. Сожжен на костре испанский ученый Мигель Сервет. Великая французская революция подарила миру «национальную бритву» — гильотину, которая стригла головы в ритме швейной машинки и все же не справлялась со своей задачей. И тогда пришла пора массовых казней — «нантские потопления» сотен людей, заподозренных в контрреволюции, «лионские пушечные расстрелы» действительных и мнимых «врагов народа», связанных по сто — двести человек перед братскими могилами.

Я долго не мог увязать воедино крайности в поэме А. Блока «Двенадцать». И старый мир, как пес безродный, и грабежи, убийства, пьяная солдатня без имени святого — все понятно, но почему «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос»? И только после кропотливой «Этики» мне стало ясно: лозунги и идеалы любой революции те же самые, что и у Христа Спасителя. Просто способы достижения одной и той же цели разные — мирные у религий и насильственные у революций. И недаром Э. Ренан и многие другие историки называют Иисуса революционером.

Против материального интереса как стимула общественного развития высказано столько обличений, что не будет большим преувеличением подытожить: вся этическая, вся религиозная литература, вся мудрость народная направлены против стяжательства, алчности, сребролюбия. У нас же нынче восхваляются именно материальные стимулы. Дескать, спасение России только в заботе каждого о самом себе. И в то же время всячески поощряется интерес к религии, слышатся проповеди добра и любви. Это как же надо вывернуть веру наизнанку, чтобы не заметить в ней главного!

«Не собирайте себе сокровищ на земле!» — заклинал Сын Человеческий. «Корень всех зол есть сребролюбие», — заключал святой апостол Павел в послании к Тимофею. Раскройте Коран. Сура восьмидесят девятая, «Заря»: «Так нет! Вы сами не почитаете сироту ... любите богатство любовью упорной. Так нет! Когда будет распростерта земля плоско и придет твой Господь и ангелы рядами и приведут тогда геенну — в тот день вспомнит человек, но к чему ему воспоминание?» Сура сто вторая, «Охота к умножению»: «Увлекла вас страсть к умножению, пока не навестили вы могилы. Так нет же, вы узнаете. Вы непременно увидите огонь!» Буддизм же целиком построен на отрицании богатства и стяжательства. «Не в деньгах счастье», — утверждает народная поговорка.

Человек стал ныне придатком машины по производству вещей, а машина не может жить без расширенного самовоспроизводства, она захватывает и завоевывает новые пространства, пожирает землю, воду, воздух, зверей и людей. И не может остановиться. Потому что для нее прогресс — это жизнь, остановка или даже замедление — смерть.

Освободиться от власти вещей призывал еще древнегреческий философ Эпиктет. «*Omnia mea mecum porto*», — говорил Цицерон, повторяя изречение мудреца Бианта («Все мое при мне»). Когда Платон увидел, как Диоген моет овощи в ручье, он подошел к нему и сказал: «Служил бы ты Дионисию, не мыл бы себе овощей». А тот ответил: «А ты, если бы мыл овощи, не служил бы своему Дионисию».

Если бы современный потребитель мог довольствоваться малым, ему не пришлось бы страдать под властью вещей, растрачивать самого себя на материальные блага. И какими были бы раскрепощение, высвобождение времени и сил на познание мира, общение с природой, размышления...

Часто приходится слышать: «Вместо того чтобы достойно жить, мы существуем в унижительной нищете». Но, как говорил Дж. Ст. Милль, «несчастный Сократ достойнее довольной свиньи». Древнегреческий философ Эпикур проповедовал: «Наслаждайтесь жизнью». В его понимании цельная жизнь, в согласии с самим собой, — это

жизнь самобытная, не в рабстве у внешних условий. Для ее достижения не требуется много материальных благ. Сам Эпикур вполне довольствовался ячменной лепешкой и водой.

Собственно говоря, гораздо труднее найти мыслителей, которые жили бы в роскоши и довольстве, чем тех, кто забывал о материальной стороне. Дело ведь не только в том, что роскошь вредна, что власть вещей закабляет, — гораздо важнее другое: роскошь, соседствующая с бедностью, аморальна. И величайшие умы человечества не могли не чувствовать этого.

Покоряющим примером в этом отношении может служить весь жизненный путь П.А. Кропоткина. На сходках, во время которых обсуждались социальные и нравственные проблемы, народники обещали, и их еда неизменно состояла из черного хлеба, соленых огурцов, кусочка сыра или колбасы и жидкого чая. «Ели мы так не потому, — говорит П.А. Кропоткин, — что у нас было мало денег». Их у нас всегда было много, — вскользь оговаривается князь из рода Рюриковичей, описывая образ жизни борцов за равноправие, среди которых были аристократы вроде Софьи Перовской, дочери петербургского губернатора, да и все остальные далеко отстояли от пролетариев. Высокая духовность не позволяла им жить в довольстве, когда народ голодал.

Впрочем, для нынешнего русского сыр и колбаса — тоже роскошь. Я думаю, что, живи П.А. Кропоткин в наше время, он отказался бы и от «кусочков сыра и колбасы», а питался бы пшеном и картошкой. Но, что абсолютно не подлежит сомнению, автомобиль, современный символ «достойной жизни», не вошел бы в быт благородного воителя за правду. Самоограничение во имя равенства — вот лозунг его жизни.

Конечно, дело это тонкое и трудное. Все мы прикованы к тачке, и далеко не всегда удастся разорвать оковы обычая и приличия. Помню, как однажды на двустороннем научном симпозиуме я, единственный среди мужчин обеих делегаций, оказался без галстука. Выразительные оттенки во взглядах коллег мне трудно забыть до сих пор...

Не придешь ведь в кирзовых сапогах и телогрейке на заседание ученого совета. Вот Л.Н. Толстой ходил босиком, самоуплотнился в небольшой комнатке своего яснополянского особняка, занимался крестьянским трудом. Стал ли он от этого крестьянином? «Пахать подано, ваше сиятельство!» Очень уж театрально выглядело «опрошение» графа-помещика. И был ли в этом большой смысл, если все то, чем он перестал пользоваться, не перешло во владение и распоряжение других, осталось его собственностью, не стало служить «бедным»?

Для П.А. Кропоткина самоограничение не было игрой. Возвратившись в Россию после сорока лет эмиграции, всемирно известный ученый и популярнейший общественный деятель отверг предложение А.Ф. Керенского занять любой министерский пост во Временном правительстве, а впоследствии не воспользовался возможностью, предоставленной В.И. Лениным, войти в «кремлевский кооператив». Образец высочайшей нравственности, он не захотел продаваться за высокие должности. Ремесло чистильщика сапог он считал более достойным, чем положение министра, полуголодное существование приносило ему большее удовлетворение, чем сытная подачка. Однако несколько пудов продовольствия, доставленных ему в те трудные годы от Нестора Махно, он принял с благодарностью. Чем руководствовался П.А. Кропоткин? Собственным пониманием человеческого достоинства.

Попробую изложить основные идеи его этического учения. Откуда в человеке благородство, самопожертвование, доброта и любовь к ближнему? Они не продукт холодного расчета, убеждения, что так будет полезнее, утверждает знаменитый российский мыслитель, не результат покорности писаным законам и повелениям государства, не порождены они и страхом перед загробным наказанием или верой в религиозные догмы.

Так уж повелось в живой природе, и человеческое общество не может быть единственным исключением. Не зубы и когти, не сила и коварство способствуют выживанию вида, а инстинкты добра, заботы и взаимопомощи. Сильные защищают слабых, родители жертвуют собой ради спасения детей. Слепого пеликана, неспособного ло-

вить рыбу, кормят сородичи. Могучий бык, пробивающий целые траншеи своими копытами в глубоком снегу, чтобы добраться до мха, отщипывает только верхушки ягеля, за ним пристраиваются важеньки, оленята, слабые, большие.

Жадность, нечестность сурово преследуются. К муравью, отказавшемуся поделиться добычей, собратья относятся как к врагу. Воробышку, стащившего соломинку из чужого гнезда, принимается дружно клевать вся стая. Сильных и коварных пчел, решивших поживиться за счет сообщества, прочие обитательницы улья могут убить на месте. И у любого другого вида самые выдающиеся представители, если их собственные интересы идут вразрез с интересами вида, становятся не героями, а изгоями. Выродками.

Прцветание вида обеспечивается не выживанием наиболее приспособленных в борьбе друг с другом за пищу и за любовь, а выработкой инстинктов общительности. Половой отбор действует, но побежденные обычно не предаются смерти, а уступают поле боя сопернику. Естественный отбор существует, но его орудием являются не клыки и когти ближнего, а стихии, катастрофы, ураганы, неурожай.

Главный стимул развития — стремление выжить вместе, а не спастись поодиночке, да еще за счет сородичей. Стремление выжить вместе приводит к формированию таких норм поведения, которые даже у «братьев наших меньших» язык не повернется назвать низшими, животными инстинктами.

И мог ли человек, венец творения, уступить в благородных качествах тем тварям, которые попроще? Нет, конечно. И золотой век позади нас был, и возврат его неизбежен. Потому что нравственность — это инстинкт самосохранения рода, гораздо более могучий, чем инстинкт личного самосохранения. Взаимопомощь сильнее борьбы, мягкие тела долговечнее железа. Скорее человечество опустится на четвереньки, чем станет безнравственным, убежден П.А. Кропоткин, потому что нравственность, забота о ближнем, потребность жить в ладу и гармонии со всеми себе подобными зародились раньше, чем прямохождение. Общество древнее, чем человек. Взаимопомощь — двигатель прогресса.

Сейчас на голову русского народа обрушивается мутный вал пропаганды, его призывают стать таким, каким он никогда не был. Нестяжательство, общинность, взаимопомощь, артельность стремятся заменить качествами прямо противоположными. Но если это все невозможно, тогда чего стоят программы развития, исходящие из этого перерождения как свершившегося факта? Зачем выбирать для России путь, который расходится с тем главным в ее душе, что заставляет ее саму выбирать свои дороги?

«Чикагские мальчики», проводящие опыты над русским народом, получают тот же результат, что и их дедушки, экспериментировавшие с эскимосами и индейцами юта. Ведь мы же ленивы, как алеуты. Мы — скифы, мы — чукчи, мы — папуасы... Но не американцы, не норманны. Мы мягкотелые, а не железные. Мы владеем секретом жизни, а не победы.

Так что же будет? Все будет хорошо. П.А. Кропоткин заметил, что человечество, заблудившееся в алчности и борьбе, раз за разом пытается вернуться к тем ценностям, которые свято сохранялись в обществе «дикарей». Были такие попытки при возникновении христианства, во время Реформации, в обе великие революции — Французскую и Октябрьскую. Будет еще раз. Последний... И если в прошлом все получалось вопреки надеждам и чаяниям, то нынче все будет удачно. Потому что сколько же можно учиться на ошибках? Потому что возможностей для ошибки больше нет. И природа не оставляет нам свободы для маневра. И опасности возросли. Не можем мы больше бороться друг с другом. Как язычники с христианами. Католики — с гугенотами. Санкюлоты — с аристократами. Белые — с красными... Потому что социальные потрясения, попытки возврата к доброте и нравственности «дикарей» происходят каждый раз на новом, более высоком уровне. И спасет общество только нравственность — инстинкт самосохранения рода человеческого.

Пробуждение совести в нынешнем цивилизованном мире неизбежно. Граждане богатых стран перестанут быть рабами своих автомобилей, они услышат наконец призыв выдающегося американского мыслителя Генри Торо избавиться от унижительной роли орудий

своих орудий, снимут со всей планеты экологический пресс цивилизованного сверхпотребительства.

Развитый Север перестанет упрекать отсталый Юг в стремлении плодиться, а не трудиться, прекратит заниматься благотворительностью, которую тот же Генри Торо уподобил доброте работаровца, жертвующего барыш с каждого десятого раба на воскресный отдых остальным. И когда «недоразвитые» не будут чувствовать на горле удавку долгов и кабальной экономической зависимости, они щедро поделятся с обитателями асфальтовых джунглей своим не забытым еще опытом счастливой жизни в гармонии с природой, с ближними и дальними. Как поделились когда-то бродячие тунгусы с выпускником Пажеского корпуса Петром Кропоткиным.

Атлантида затонула еще не полностью.

С ним ушла целая эпоха

*Послесловие автора
о редакторе В. Ф. Ковтуне*

При подготовке рукописи к печати предусматривалось, что Владимир Федорович напишет предисловие и о моей книге, и обо мне. Получилось наоборот, и вот я пишу послесловие о редакторе, об его стиле работы и творческих принципах. Мой текст он отредактировал, а написать предисловие не успел. «Иная цивилизация» стала для него последней книгой. И тот разговор, во время которого он увлеченно развивал свои представления о самых насущных нуждах издательского дела, как теперь выясняется, тоже стал его последним обсуждением на всем долгом и плодотворном жизненном пути.

Сотрудничество наше началось давно, и было оно легким, учительным и беспроблемным. Нет, редактор вовсе не стремился так уж облегчить мне жизнь. Скорее наоборот. Однако... Первое, что меня поразило, — ни одного лишнего замечания. В.Ф. Ковтун очень бережно относился к собственному стилю автора. Я болезненно, как, наверно, и всякий другой на моем месте, относился к правке, которая ломала строй фразы. Уж сколько я натерпелся от таких активных редакторов, старающихся чуть не все мое переписать по-своему. Бывало, — да, после исправления получалось хорошо, но ведь и было неплохо, и становилось не лучше, и можно было оставить все как есть, а самое главное: фраза переставала звучать! И я понимал, — для такого редактора вовсе и не было ритми-

ки речи, и то, что я написал, для него не звучало моим, авторским голосом, да и вообще ничьим голосом. Слово написанное воспринималось им, наверно, как бумажное, глухое, не живое! И идти к такому редактору на согласование текста было все равно что идти на пытку.

С Владимиром Федоровичем я никогда не испытывал психологических трудностей. На встречу с ним шел как на праздник, и какой бы долгой ни была совместная работа, от нее никогда не уставал. Я знал, что книга, если в чем-то и изменится, то станет только лучше. И я сразу понял, что нельзя было бы так править чужие тексты, если бы не было у редактора своего собственного стиля, если бы и сам он не был писателем, больше — если бы он не был поэтом. Прочувствовать (именно так — прочувствовать!) чужой стиль можно только тогда, когда у тебя есть свой собственный. И если ты понимаешь, как это больно, когда режут по живому, ты никогда не причинишь никому этой боли. Конечно, только в том случае, если этот чужой стиль есть, что тоже бывает далеко не всегда. И уж можете представить, как тебя прямо распирает от гордости, когда берешь отредактированный текст, листаешь его, и вот на одной странице, на другой, на третьей и на четвертой, а иногда и больше, — ни единой пометки. После самого Ковтуна!

А уж когда случалось автору загнать что-то не то или не так, то Владимир Федорович был начеку. «Платон мне друг, но истина дороже...» Попробуйте только в своем тексте перепутать инициалы какого-нибудь первопроходца, даты заключения дипломатических договоров или последовательность исторических событий, латинское название травки или пичужки, — Владимир Федорович тотчас вставал на пути возможного издательского брака. Книга должна быть безукоризненно достоверной — никаких ошибок, сомнительной информации или необоснованных выводов!

Но ведь и в этом случае никаких конфликтов не бывало! Потому что даже когда приходилось отказываться от чего-то своего, выстраданного, то и это доставляло радость и удовлетворение. Потому что и у редактора не было иной цели, кроме как сделать книгу,

мою книгу, лучше, и мы работали как друзья, единомышленники, почти как соавторы. Конечно, так должно быть всегда, но как же редко это получается в реальной жизни! И так же, как ему хватало мягкости и бережности в отношении к находкам автора, так же беспощаден он был и к промахам, ошибкам, некомпетентности. Зато когда ты проходил этот ОТК у Ковтуна, ты мог быть абсолютно спокойным за свое опубликованное произведение. Как-то раз мне пришлось услышать упреки в свой адрес по поводу только что вышедшей книги, и Владимир Федорович, присутствовавший при обсуждении, произнес с металлом в голосе: «Ну уж нет, никаких ляпов там нет и быть не может!» И все стало на свои места. Ну что за абсурд, — недоразумения в книге, отредактированной самим Ковтуном!

И только сейчас понимаешь, как много потеряла дальневосточная издательская культура, культура России вообще, какой урон понесло наше творческое братство, когда В.Ф. Ковтуна не стало! Такого больше не будет. И подобного ему еще долго не появится. Если вообще появится когда-то. Владимир Федорович очень тяжело переживал в последние годы утрату преемственности, забвение традиций. Никого из молодежи вокруг! Как спешил он оставить после себя хотя бы то, что поддается передаче. Конечно, талант индивидуален, неповторим и ненаследуем. Но ведь школу можно сохранить! И у последнего гранда нашей редакции последние силы ушли на то, чтобы написать для молодых «Азбуку редактирования». Увы... Он не успел. И потому кроме таланта мы потеряли и школу. Был Виктор Сергеевич Шевченко, и нет его, был Владимир Федорович Ковтун, и его уже тоже нет, кто на горизонте? Никого. Это трагедия.

Творческий потенциал В.Ф. Ковтуна поразителен. Он писал стихи, и не только писал, он их публиковал, и у него есть книга стихов «Таежный талисман». И не только писал, не только публиковал, — он их дарил. Как-то на трамвайной остановке рассказал он мне притчу про фараонову мышь, которая отличалась настолько сильным исследовательским инстинктом, что умирала, если ее помещали в

однообразную среду, где все некоторое время спустя оказывалось известным и никаких неожиданностей не предвиделось.

И вот на дарственном экземпляре своей книги «Тропинками грибного эльдорадо» он пишет мне такие три четверостишия:

*Образование в стране
Достойно сетования,
Но есть в тебе и есть во мне
Инстинкт исследования.*

*И кто веряется ему,
Свой путь высчитывая, —
Порою истину саму
За хвост прищипывает.*

*А кто из ложной лужи пьет
(Инстинкт свой — в пыль его!),
Тот и до бреда добредет
Сивокобылье!*

И что за книга получилась о грибах, — не справочник, не повествование даже, а настоящая поэма! Впрочем, если стиль — это человек, то стилем его жизни и была поэзия. Все, к чему он прикасался, становилось возвышенным и одухотворенным. И работа у него была не работа, а увлечение, и самый скучный автор у Ковтуна хоть немножко, но приподнимался над затертой прозой жизни, и сама атмосфера вокруг него была какой-то неземной.

И в редакции краеведения, которой он заведовал, все было романтическим, и заманивала она на огонек флибустьеров и авантюристов, братьев по крови горячей и густой. Бродяги, таежники, как и сам Владимир Федорович, роem вились в тесной каморке книжного издательства. И не было такого интересного человека, которого не постарался бы вовлечь Ковтун в свою орбиту; далеко не всегда это сотрудничество заканчивалось книгами или статьями, но на всех оно оставляло неизгладимый отпечаток.

А сколько нового для себя в тех своих исследовательских сферах, где я, хотя бы по долгу службы, должен был бы знать больше

всех, я узнавал от В.Ф. Ковтуна! И как попал в наши края П.А. Кропоткин, и как этот князь из рода Рюриковичей во время плавания по Амуру пришел к мысли о благородной роли анархии в жизни русских переселенцев и аборигенов Приамурья, и про историю духовоборов на берегах Тихого океана и в Канаде, и про заслуги перед нашей Родиной обрусевших немцев на Дальнем Востоке — А.Ф. Миддендорфа, Р.К. Маака, Л.И. Шренка, К. Дитмара, Г. Майделя...

Нет, такого эрудита у нас больше не будет. Их порождала романтическая наша эпоха, современная же рыночная цивилизация способна только выталкивать им подобных на обочину. Поразительно неприспособленным оказался В.Ф. Ковтун к нынешним экономическим условиям! За все наши с ним многочасовые разговоры я и слов-то таких от него ни разу не услышал — деньги, выгода, прибыль... Не от мира сего был этот бессребреник и нестяжатель. Ему был чужд меркантильный подход — сколько заплатите, на столько и сделаю. Наверно, его лозунгом было: если дело стоит того, чтобы его делали, то оно стоит и того, чтобы его делали хорошо.

Как чукча среди «общечеловеков», он был представителем иной, не рационалистической (ошибается разум в выгоде, — прав был Ф.М. Достоевский!) цивилизации.

И наверно, не случайно книга про чукчей оказалась его лебединой песней. Не все задуманное успел он доделать. А эту книгу — успел...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В поисках потерянного рая</i>	3	Нетерпимость	185
Солнце всходит на Востоке	7	«Да, скифы мы, да, азиаты мы!»	
Пасу табун	26	Или все же европейцы?	196
Единоначалие	51	Мы «возвращаемся»	
Не стать чужим	62	в «общечеловеческую»... ..	211
Вечное движение	89	Откровение человеческое	221
Перевал Бисерный	103	Двигатель прогресса —	
Одухотворенность	114	взаимопомощь,	
Синдром приобретенного		а не алчность	227
иммунодефицита	122	<i>С ним ушла целая эпоха</i>	
Анархия — мать порядка	151	<i>(Послесловие автора о редакторе</i>	
У роковой черты	167	<i>В. Ф. Ковтуне)</i>	235

Серия «Путешествия и приключения»

Научно-художественное издание

САЛИН Юрий Сергеевич

ИНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

По стране оленных людей

Редактор **В.Ф. Ковтун**

Художественный редактор

А.Н. Посохов

Корректоры

Т.В. Киевская, И.И. Шайрар

Техническое обеспечение

И.Г. Заволока

Подписано в печать 15.11.2006. Формат 70х100/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,1 + 1,4 цв. вкл. Тираж 2 000 экз.

Заказ № _____

Издательский дом «Приамурские ведомости»

680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Генеральный директор В.В. Смирнов.

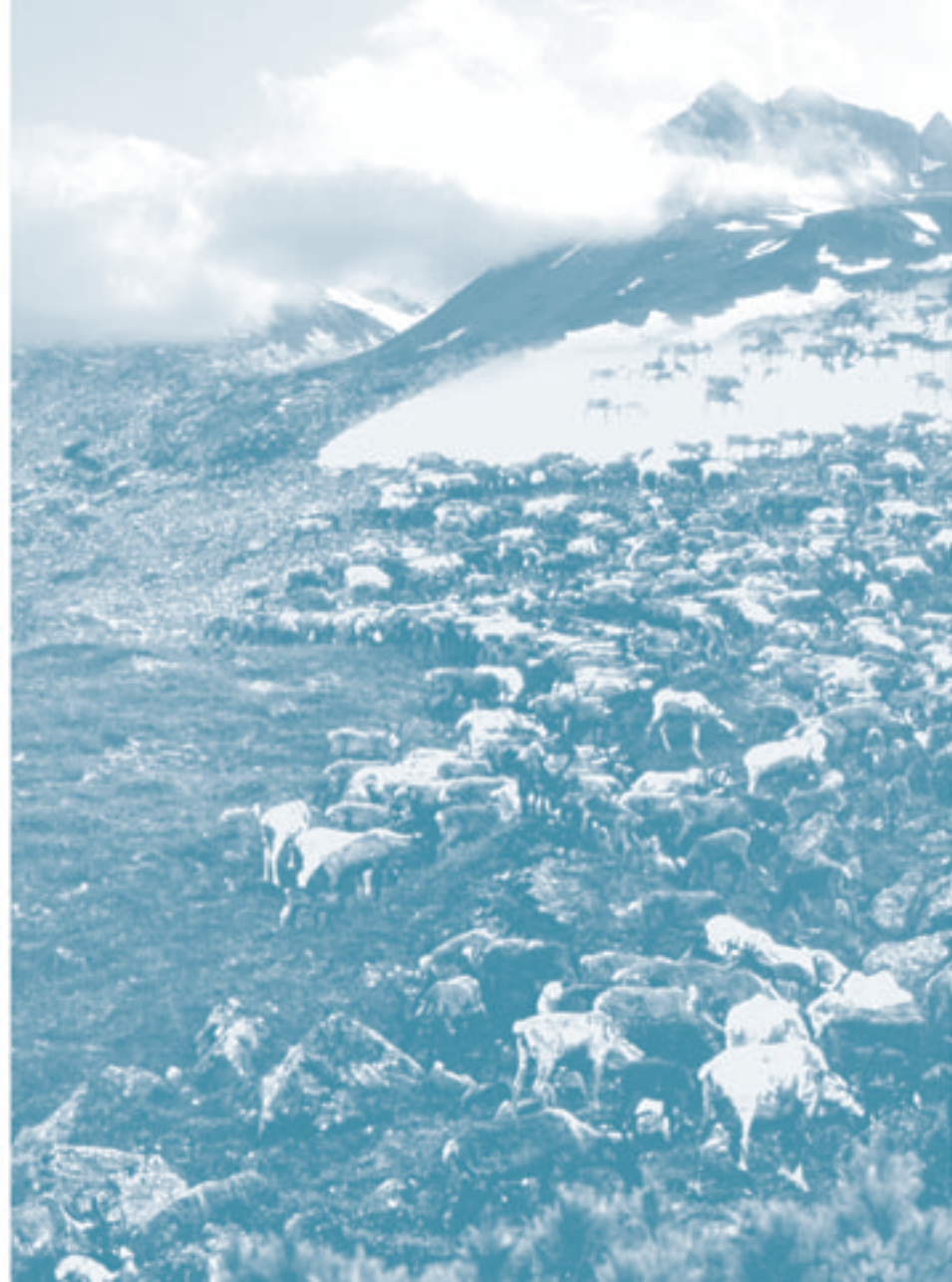
Тел./факс (4212) 76-48-39.

E-mail: postmaster@phpv.khv.ru <http://www.priamurskie.ru>

Отпечатано в ОАО ПИК «Офсет».

660075, г. Красноярск, ул. Республики, 51.

Тел./факс (3912) 23-36-81.

The background of the entire page is a photograph of a vast, mountainous landscape. In the foreground, a herd of reindeer is grazing on green grass. A person, seen from behind, is reaching out towards the reindeer. In the middle ground, there is a calm lake reflecting the sky. The background features rolling green mountains under a blue sky with scattered white clouds. A white rectangular box with rounded corners is superimposed over the center of the image, containing handwritten text in Russian.

В поисках своего
Атлантиды
отправился
Николай Рерих
в хребты Тималаев.

Я же оказался на краю
величайшего континента,
в горах еще более
загадочных, но не столь
известных, как обитатели
вечных снегов...

Издательский дом
«ПРИАМУРСКИЕ
ВЕДОМОСТИ»